

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Мерзлая Анна Васильевна

**Лингвосенсорика холода
в переводах с финского языка на русский**

5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Поликарпов Александр Михайлович

Архангельск –2025

Оглавление

Введение.....	4
ГЛАВА 1. Теоретические предпосылки интерпретации восприятия холода в лингвистике.....	17
1.1 Традиционные лингвистические подходы к описанию холода в языке и речи.....	17
1.1.1 Лингвокультурологический ракурс рассмотрения сенсорики холода.....	17
1.1.2 Коммуникативно-прагматический взгляд на сенсорику холода.....	28
1.1.3 Лингвостилистический подход к описанию сенсорики холода.....	33
1.2 Лингвосенсорика как основа для описаний ощущений холода.....	38
1.2.1 Ощущения как основа восприятия мира.....	38
1.2.2 Виды ощущений и их классификации в лингвосенсорике.....	43
1.2.3 Лингвосенсорные исследования холода.....	54
1.3 Перевод как средство передачи вербально-сенсорной информации в дискурсивном пространстве.....	57
1.3.1 Интегративный взгляд на перевод и междисциплинарность как факторы повышения эффективности передачи сенсорной информации.....	57
1.3.2 Перевод как инструмент культурного освоения сенсорного мира.....	63
1.3.3 Роль переводческой личности в передаче сенсорных ощущений.....	70
1.3.4 Лексикографический, метеорологический и художественный дискурсы как пространство для исследования вербализации восприятия холода и возможностей ее передачи в переводе.....	77
Выводы по главе 1.....	83

ГЛАВА 2. Экстероцептивные ощущения холода: перцептивные модусы восприятия в оригинале и переводе.....	87
2.1 Вербализация экстероцептивных ощущений холода в исходном тексте и сохранение ведущего перцептивного модуса в тексте перевода.....	87
2.1.1 Доминирование осязательного модуса	87
2.1.2 Доминирование зрительного модуса.....	113
2.1.3 Доминирование слухового модуса.....	134
2.1.4 Доминирование вкусового и обонятельного модусов	140
2.1.5 Комплексное задействование модусов при передаче ощущений холода в оригинале и переводе.....	141
2.2 Вербализация экстероцептивных ощущений холода в оригинале и замена ведущего перцептивного модуса в переводе	153
2.2.1 Замена осязательного модуса в переводе.....	153
2.2.2 Замена зрительного модуса в переводе.....	158
2.2.3 Замена слухового модуса в переводе.....	161
2.2.4 Замена обонятельного и вкусового модусов в переводе.....	162
2.2.5 Модификация комплексного сенсорного восприятия холода....	163
2.3 Игнорирование сенсорной модальности восприятия холода или ее экспликация в переводе.....	165
2.3.1 Игнорирование передачи восприятия холода в переводе	165
2.3.2 Компенсация при передаче восприятия холода в переводе.....	172
2.3.3 Создание лингвосенсорной модальности восприятия холода в переводе.....	174
Выводы по главе 2.....	178
Заключение.....	182
Список литературы.....	187

Введение

В современном мире человек испытывает все возрастающую потребность в полноценном перцептивном восприятии окружающей его действительности. Это стремление, безусловно, оказывает влияние и на развитие лингвистики, что выражается в повышении интереса к изучению отражения перцептивной деятельности человека в языке. Это, в свою очередь, способствовало появлению такого направления исследований как лингвосенсорика, которая занимается изучением языка перцепции.

Холод является важным аспектом для жителей России и Финляндии, он оказывает влияние на многие сферы их жизни. Это, безусловно, находит отражение и в языковых картинах мира носителей финского и русского языков, в которых обозначения холода и выражения, связанные с ним, занимают особое место. Изучение лингвосенсорики холода в финском языке и передачи ее в переводе на русский язык дает возможность более детально рассмотреть сходства и различия в отражении перцептивного восприятия холода носителями этих двух языков, что, в свою очередь, позволит лучше понять сенсорную природу холода и уточнить возможности вербализации его восприятия в этих языках.

Степень разработанности темы. Аспекты лингвосенсорики рассматриваются в работах отечественных и зарубежных лингвистов А. Маджид и С. Левинсона [Majid, Levinson 2011], В. К. Харченко [Харченко 2012], А. В. Нагорной [Нагорная 2017], И. А. Мартьяновой [Мартьянова 2017], Д. Акерман [Акерман 2018], Б. Уинтера [Winter 2019], Л. Ф. Щербачук [Щербачук 2022] и др. Результаты лингвосенсорных исследований, связанных с восприятием холода, описываются в трудах О. А. Селемневой (по сенсорному образу мороза) [Селемнева 2019], А. И. Ощепковой, В. Н. Слепцовой (по сенсорному образу Севера) [Ощепкова 2022]. Передаче сенсорной информации в переводе посвящены научные статьи Е. Н. Абрамичевой [Абрамичева 2015], М. Уускюла [Uusküla 2016], Л. М. Алексеевой, Ю. В. Черниковой [Алексеева 2016], Е. Валиулиене [Valiulienė

2024], в которых отмечаются особенности вербализации чувственного восприятия окружающего мира носителями разных языков и необходимость их учета в переводе.

В настоящее время появляются лингвосенсорные исследования, связанные с холодом, однако большинство из них проводится на материале какого-либо одного языка. Сравнительно-сопоставительное изучение лингвистических аспектов восприятия холода, проводимое на основе двух и более языков, практически отсутствует. Однако с нашей точки зрения, именно сопоставительное исследование вербализации холода, выявление сходств и различий, а также характерных особенностей его отражения в разных языках и в различных дискурсах представляет большой интерес. Таким образом, **актуальность** данного исследования обусловлена повышением интереса в современной лингвистике к вопросам отражения чувственного опыта в языке и важной ролью, которую играет холод в финской и русской языковых картинах мира. Ученые занимаются изучением разных аспектов языковой репрезентации чувственного восприятия. При этом вопрос лингвистической обработки информации о холоде остается малоизученным. Данное исследование является попыткой комплексного изучения вербализации холода в финском языке на материале лексикографического, метеорологического и художественного дискурсов, а также передачи восприятия холода в переводе с финского языка на русский.

Объектом исследования являются языковые единицы и микроконтексты, отражающие восприятие холода в финском языке и в переводе их на русский язык.

Предметом исследования выбрана лингвосенсорика холода в переводе с финского языка на русский.

Цель исследования заключается в комплексном рассмотрении в ракурсе лингвосенсорики языковых средств обозначения холода в финноязычных лексикографическом, метеорологическом и художественном

дискурсах и в изучении возможностей передачи изучаемой сенсорной информации в переводе с финского языка на русский.

Данная цель обусловила постановку следующих **задач**:

1) рассмотреть традиционные лингвистические подходы к описанию восприятия холода и изучить научные труды ученых, посвященные понятию холода и его репрезентации в языке в русле лингвокультурологии, коммуникативистики, прагмалингвистики и лингвостилистики;

2) представить с позиций лингвосенсорики основные виды и характеристики ощущений, а также свойства чувственного восприятия, значимые для исследования отражения холода в языке;

3) изучить возможности использования интегративного подхода к изучению процесса перевода и идей междисциплинарности в целях комплексного исследования вербализации холода и ее передачи в переводе с финского языка на русский с учетом лингвокультурологических и дискурсивных факторов, а также роли переводческой личности;

4) проанализировать и систематизировать практики вербализации экстероцептивных ощущений холода в финноязычных лексикографическом, метеорологическом и художественном дискурсах и выявить возможности применения соответствующих им переводческих тактик в переводе на русский язык на основе сохранения доминирования осязательного, зрительного, слухового, обонятельного, вкусового модусов и их комплексного функционирования;

5) описать выявленные переводческие решения по изменению ведущего модуса восприятия холода на основе выделенных переводческих тактик в процессе передачи перцептивной информации в переводе с финского языка на русский, учитывая семантическую и прагматическую нагрузку исследуемых лексических единиц и сенсорно-маркированных микроконтекстов;

6) рассмотреть случаи игнорирования и создания сенсорной модальности по передаче восприятия холода в переводе, а также экспликации

имплицитных в оригинале ощущений холода с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, а также принимаемых переводческих решений.

Методы исследования определялись в соответствии с поставленной целью и задачами исследования. В ходе исследования использовались: метод сплошной выборки, который был задействован для отбора языкового материала; метод лингвистического описания, предполагающий наблюдение, интерпретацию, обобщение и систематизацию языкового материала; метод анализа словарных дефиниций, предполагающий представление значения исследуемого слова на основе словарных статей; семный анализ для представления лексического значения слова как совокупности компонентов значения, отражающих отличительный признак денотата, в нашем случае относительно низкий температурный режим; метод дистрибутивного анализа, основанный на изучении окружения лексем и выражений с семантикой холода; контекстологический анализ для изучения лексической единицы в контексте при описании сенсорно-маркированных микроконтекстов метеорологического и художественного дискурсов; интерпретационный анализ в целях выявления возможностей интерпретирующей деятельности переводчика и причин принятия соответствующих переводческих решений; стилистический анализ (изучение языковых средств и их сочетаний в трех видах дискурсов и их учет в переводе); метод сопоставления для осуществления анализа перцептивной составляющей текстов оригинала и перевода; метод статистического анализа, используемый для представления данных, связанных с вербализацией холода в финском и русском языках; элементы дискурсивного анализа, применяемые для объяснения нюансов передачи восприятия холода в тексте оригинала и в переводе; смысловой анализ для установления смысловых связей между предметами, фактами и явлениями, имеющими связь с перцептивной модальностью текста; метод лингвокультурологического анализа, используемый для извлечения и интерпретации культурно-специфической

перцептивной информации в тексте оригинала и поиска возможностей ее отражения в тексте перевода.

Материалом для исследования послужили финноязычные, русскоязычные и двуязычные лексикографические издания; метеорологические медиатексты, опубликованные в электронной версии газеты *Ilta-lehti* и на сайте метеорологической службы *Foreca* и обработанные в период с сентября 2022 года по август 2024 года; художественные тексты и их переводы, включенные в параллельный финско-русский корпус текстов *ParFin 2016* и двуязычный параллельный корпус, входящий в «Национальный корпус русского языка», а также некоторые другие художественные произведения и их переводы, опубликованные в Финляндии и России. Кроме того, для проведения исследования использовались переводы фрагментов изданных финноязычных художественных произведений, содержащих вербальные описания холода.

Гипотеза исследования основывается на предположении о том, что вербализация восприятия холода в финноязычных лексикографическом, метеорологическом и художественном дискурсах имеет свою специфику в отношении отражения соответствующей перцептивной информации, связанной с экстероцептивными, интероцептивными и проприоцептивными ощущениями, которая в процессе перевода и в результате используемых переводчиком тактик может передаваться при сохранении ведущего модуса (с сохранением либо изменением характеристики ощущения или воспринимаемого образа), при изменении доминирующего модуса, а также при экспликации в тексте перевода имплицативной информации текста оригинала, нивелировании перцептивной информации или ее добавления в текст перевода, что обуславливается лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Восприятие холода характеризуется в разных лингвокультурах и языках определенной спецификой, связанной с мировосприятием,

национальной, языковой и перцептивной картинами мира, а вербализация восприятия и ощущений холода происходит с учетом лингвокультурологических, коммуникативно-прагматических и лингвостилистических факторов.

2. Лингвосенсорный подход является оптимальным способом изучения вербализации перцептивной информации, связанной с восприятием холода, ее передачей в переводе и позволяет представить информацию о холоде как синтез экстероцептивных, интероцептивных и проприоцептивных ощущений с учетом особенностей их вербализации.

3. Интегративный подход к переводческой деятельности и междисциплинарность исследований в области изучения вербализации восприятия холода и его отражения в переводе при реализации стратегии коммуникативно-равноценного перевода позволяют в достаточной степени проследить передачу соответствующей перцептивной информации в текстах оригинала и перевода, позволяя учитывать лингвокультурологические и дискурсивные аспекты, а также роль переводческой личности в принятии переводческих решений.

4. Под влиянием экстралингвистических и лингвистических факторов в процессе перевода при использовании тактик перевода и принятии соответствующих переводческих решений сенсорики холода может передаваться с помощью средств языка перевода при сохранении ведущего сенсорного модуса текста оригинала. В связи с этим могут наблюдаться изменения характера ощущений холода и образов, которые формируют авторское представление о признаках холода.

5. В процессе перевода может осуществляться модификация сенсорной информации о восприятии холода, в результате которой происходит замена ведущего модуса восприятия, что обуславливается языковыми и лингвокультурологическими факторами, а также перцептивным опытом переводчика и его возможностями в восприятии и передаче перцептивно-маркированной информации.

6. В переводе могут наблюдаться игнорирование сенсорных модусов восприятия холода и создание сенсорной модальности по передаче восприятия холода, а также экспликация имплицитных в оригинале ощущений холода как результат принятых переводческих решений под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов.

7. Комплексное задействование сенсорных модусов для представления восприятия холода в тексте оригинала возможно как на вербальном (лексическом) уровне, так и в результате совместного использования вербального и зрительного (иллюстративного) компонентов текста, при этом в переводе может наблюдаться как сохранение совместного использования разных модусов восприятия, так и повышение степени доминирования одного из модусов.

При изучении передачи перцептивной информации в переводе в качестве **теоретико-методологической базы** используются научные труды отечественных и зарубежных ученых, среди которых можно выделить значимые для данного исследования направления:

- лингвосенсорика: А. Маджид и С. Левинсон (Majid, Levinson 2011), В.К. Харченко (Харченко 2012), С. С. Земичева (Земичева 2016), Е. Н. Еримизина и Е. В. Полховская (Еримизина, Полховская 2016), А. В. Нагорная (Нагорная 2017), И. А. Мартьянова (Мартьянова 2017), Д. Акерман (Акерман 2018), Б. Уинтер (Winter 2019), О. И. Ощепкова и В. Н. Слепцова (Слепцова, Ощепкова 2022) и др.;

- перцептивное восприятие и его вербализация:

а) зрительный модус: И. Ю. Колесов (Колесов 2013), Б. Хеасман (Heasman 2015), Т. С. Трусова (Трусова 2016), О. А. Валова (Валова 2017), А.Н. Ключева (Ключева 2018), Г. Лупян, Р. А. Рахман, Л. Бородитский, А. Кларк (Lupyan, Rahman, Boroditsky, Clark (Effects of Language on Visual Perception) 2020), А. М. Базарбаева (Bazarbaeva 2023) и др.;

б) слуховой модус: А. Н. Варламов (Варламов 2009), Л. Н. Якупова (Якупова 2010), Т. С. Бабарыкина (Бабарыкина 2010), А. В. Семкова

(Семкова 2013), О. В. Пашина (Пашина 2016), Н. В. Братчикова (Братчикова 2022) и др.;

в) осязательный модус: Е. А. Шлотгауер (Шлотгауер 2010), А. Франсуа (François 2015), М. Копчевская-Тамм (Kortjevskaja-Tamm 2015), Х. Локвуд, С. Вейдемо (Lockwood, Vejdemo 2015), А. Никунласси, П. Ювонен (Nikunlassi, Juvonen 2015), К. В. Жаббер, Х. Т. Й. Ал-Саеди (Jabber, Al-Saedi 2020) и др.;

г) вкусовой модус: Л. В. Лаенко (Лаенко 2001), О. В. Чалей (Chaley 2016), Л. А. Фурс, Н. А. Харитонов (Фурс, Харитонов 2021), В. Гуингери (Guingery 2023) и др.;

д) обонятельный модус: Г. Пак Сон (Пак Сон 2009), О. Халид, П. Сринивасан (Khalid, Srinivasan 2015), Е. Н. Абрамичева, А. В. Цуман (Абрамичева, Цуман 2015), Г. К. Купчик, К. Филлипс (Cupchik, Phillips 2015), Л. М. Алексеева, Ю. В. Черникова (Алексеева, Черникова 2016), Т. Йехезкели (Yehezkeley 2019), Н. В. Сигарева (Сигарева 2023) и др.;

- лингвокультурология: О. Л. Чоудхури (Чоудхури 2010), Е. И. Зиновьева, О. В. Абыякая (Зиновьева, Абыякая 2015), И. К. Мухина (Мухина 2017), Е. Н. Романова, О. Э. Добжанская (Романова, Добжанская 2019), Ю. Ма, Т. Б. Карпова (Ма, Карпова 2021) и др.;

- интегративный подход и интегративное переводоведение: М. Снелл-Хорнби (Snell-Hornby 1995), Х. Залевски, М. Мюллер (Zalevsky, Müller 2010), А. М. Поликарпов (Поликарпов 2012, 2013, 2017, 2018), Т. Т. Пшенкина (Пшенкина 2014), Л. А. Нефедова, И. Н. Ремхе (Нефедова, Ремхе 2019) и др.;

- теория переводческой личности: С. В. Серебрякова (Серебрякова 2007), М. В. Вербицкая, М. Ю. Соловов (Вербицкая, Соловов 2010), Т. А. Волкова (Волкова 2012), А. В. Ананьина (Ананьина 2019), Н. В. Захарова, О.В. Осипова (Захарова, Осипова 2019), А. М. Грязнова (Грязнова 2022), Э.М. Зиангирова, Р. Р. Данилова (Зиангирова, Данилова 2022), В. В. Сдобников (Сдобников 2024) и др.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые проводится комплексное изучение лингвосенсорики холода в финском языке на материале текстов, относящихся к лексикографическому, метеорологическому и художественному дискурсам, на основе концепции сенсорной лингвистики. Новым представляется подход и механизмы сопоставительного рассмотрения возможностей передачи исследуемой сенсорной информации в переводе рассматриваемых финских текстов на русский язык с учетом языковых, лингвокультурологических, лингвосенсорных и дискурсивных аспектов, а также роли переводческой личности, перцептивного опыта переводчика и выбранных им тактик перевода.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении и углублении научной базы лингвосенсорики путем системного описания восприятия холода в финноязычных дискурсах (лексикографическом, метеорологическом и художественном) с учетом специфики передачи рассматриваемой перцептивной информации на русский язык. Результаты исследования позволяют конкретизировать представления об особенностях передачи чувственной составляющей текста оригинала в переводе и используемых для этого переводческих тактик. Полученные данные могут быть использованы для дальнейшего изучения закономерностей передачи перцептивной информации в переводе при реализации стратегии коммуникативно-равноценного перевода.

Практическая значимость данного исследования состоит в возможности использования полученных результатов в преподавании дисциплин «Сопоставительное языкознание», «Теория перевода», «Интегративное переводоведение», «Практический курс перевода», «Практический курс финского языка», «Русский язык для переводчиков», «Теория и практика письменного перевода», а также при составлении лексикографических изданий и написании выпускных квалификационных

работ, связанных с изучением перцептивной информации и ее учетом в переводе.

Научные положения диссертации **соответствуют паспорту специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»,** в частности следующим пунктам: 1) лингвистическое переводоведение и его основные направления, языковые и экстралингвистические аспекты перевода; 2) лингвистическая теория как феномен культуры.

Степень достоверности результатов исследования определяется системным характером исследования, релевантностью исследуемой научной литературы, теоретико-методологической обоснованностью теоретических положений, значительным объемом отобранного языкового материала, который был проанализирован с помощью комплекса методов, используемых для проведения сопоставительных и переводческих исследований.

Личный вклад диссертанта заключается в исследовании способов передачи сенсорной информации, а именно ощущений холода, с позиций лингвосенсорики в целях анализа перевода с финского языка на русский и выделении тактик, используемых при переводе сенсорной информации.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены в 6 научных работах, зарегистрированных в базе данных РИНЦ, в том числе в 3 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Основные положения были представлены на международных, всероссийских и региональных научных, научно-практических конференциях и форумах: всероссийская финно-угорская студенческая конференция «Финно-угорские языки в поликультурном пространстве» (Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2022); XII региональная научно-практическая конференция молодых ученых

«Язык. Культура. Литература», проводимая в рамках Ломоносовских чтений молодых ученых Архангельской области (Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (САФУ), 2023); международная научная конференция «Проблемы художественной антропологии и литературной компаративистики» (Северодвинск, Архангельск, САФУ, 2023); всероссийская научная конференция «Северный текст русской литературы: актуальные проблемы исследования», посвящённая 130-летию со дня рождения Бориса Шергина (Архангельск, САФУ, 2023); XIII всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Язык. Культура. Литература», проводимая в рамках Ломоносовских чтений молодых учёных Архангельской области (Архангельск, САФУ, 2024); XII всероссийская научно-практическая конференция «Развитие Севера и Арктики: формирование и сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Архангельск, САФУ, 2024); I международный лингвоэкологический форум «Вызовы современности и тенденции развития полимодальной коммуникации» (Архангельск, САФУ; Бухара, Бухарский государственный университет, 2024); международная научная конференция «Герценовские чтения. Иностранные языки» (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2025); всероссийская научно-практическая конференция «Сенсорика текста и дискурса в разных лингвокультурах: границы и лакуны» (Москва, Государственный университет просвещения, 2025).

Работа также прошла апробацию на публичном представлении диссертационных исследований по прикладной лингвистике аспирантов и соискателей федеральных университетов РФ в рамках деятельности Консорциума федеральных университетов РФ «Цифровые практики в лингвистике и образовании».

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы (241

наименование, из которых 68 на иностранных языках), списков лексикографических источников и источников примеров. Общий объем работы составляет 221 страницу.

Во введении обосновываются выбор темы исследования, его новизна и актуальность, теоретическая и практическая значимость, определяются предмет, объект, цели и задачи исследования, формулируются гипотеза и основные положения, выносимые на защиту, представляются методы исследования и его теоретико-методологическая база, описывается исследуемый языковой материал, объем и структура работы и ее апробация.

В первой главе осуществляется обзор научных трудов отечественных и зарубежных ученых по проблематике исследования, рассматриваются основополагающие вопросы, касающиеся языковых, лингвокультурологических, коммуникативно-прагматических, лингвостилистических и лингвосенсорных аспектов описания холода, рассматриваются виды и особенности ощущений разных перцептивных модусов, так или иначе связанных с передачей ощущений холода, обосновывается важность интегративного подхода к переводу и отражению в нем изучаемой сенсорной информации при учете разнообразных внутренних и внешних факторов, влияющих на передачу перцептивной информации, наиболее важным из которых является личность переводчика.

Во второй главе рассматривается специфика вербализации восприятия холода в лексикографическом, метеорологическом и художественном дискурсах финского языка, анализируются и систематизируются особенности передачи восприятия холода в переводе на русский язык, изучаются переводческие тактики, связанные с передачей исследуемой сенсорной информации. Выявляются возможности сохранения ведущего перцептивного модуса в переводе (с сохранением воспринимаемого образа холода и характеристик ощущения холода или с их изменением), замены ведущего перцептивного модуса, связанного с передачей восприятия холода, на другой модус, эксплицирование имплицитно выраженных в оригинале ощущений

холода, создание лингвосенсорной модальности в переводе и ее игнорирование, а также комплексное задействование сенсорных модусов как на лексическом уровне, так и при совместном функционировании вербального и визуального компонентов текста.

Каждая из глав сопровождается выводами.

Работа завершается заключением, в котором обобщаются результаты исследования.

ГЛАВА 1. Теоретические предпосылки интерпретации восприятия холода в лингвистике

1.1 Традиционные лингвистические подходы к описанию холода в языке и речи

1.1.1 Лингвокультурологический ракурс рассмотрения сенсорики холода

Живя в определенном культурном обществе, человек «впитывает» специфическую для данного общества концептуальную картину мира, которая определяется как «совокупность всех знаний, мнений, представлений индивида, приобретаемая им довербально, вербально, невербально, репрезентируемая средствами различных символических систем, в том числе и языка» [Шаваева 2015: 70]. Получаемые человеком знания и представления существуют в виде лингвокультурных концептов, которые включают в себя не только смысловое содержание, но и релятивно-оценочный компонент, отражающий отношение человека к объекту [Выродова 2008: 20], т.е. в концепте происходит «слияние лексического значения слова с культурными представлениями народа об определенной понятийной сущности» [Выродова 2008: 20]. При этом важно отметить, что у носителей одного языка не наблюдается полное совпадение концептов, во многих случаях имеет место только сходство отдельных элементов. К тому же каждый человек в зависимости от различных факторов, таких как пол, возраст, профессия и др., по-разному вербализует тот или иной концепт [Митяева 2015: 1421]. Из-за этих несовпадений даже носители одного языка могут говорить будто на разных языках, не достигая полного понимания в процессе коммуникации. У носителей разных языков несовпадение концептов может оказаться еще более значительным.

Концептуальная картина мира имеет тесную связь с языковой картиной мира как одной из форм своей репрезентации. Языковая картина мира – это «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности, то есть своего рода

мировидение через призму языка» [Шаваева 2015: 71]. Рассматривая особенности взаимоотношений концептуальной и языковой картин, необходимо отметить, что концептуальная картина мира гораздо шире языковой, поскольку содержит в своей структуре элементы, не находящие языкового выражения.

Языковая и концептуальная картины мира соотносятся в случае рассмотрения художественного дискурса с художественной картиной мира, которая определяется как «результат особого способа отражения действительности, которое возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения, воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, в отборе языковых средств, индивидуальном отборе образных средств и т.д.» [Юсупова 2019: 54]. Художественная картина мира опосредована как самим языком, так и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира [Попова 2002: 8], т.е. она создается с использованием языковых средств, однако отбор и особенности использования этих языковых средств, а также своеобразие элементов содержания зависят от индивидуальной картины мира автора художественного произведения [Попова 2022: 8]. При этом изучение концептосферы отдельного автора помогает понять концептосферу того народа, представителем которого он является [Шубина 2009: 95]. Описание холода в художественных произведениях и его субъективное понимание авторами этих произведений отражают, например, в определенной мере отношение к холоду носителей того или иного языка.

Среди явлений, пространственных характеристик, живых существ и мифологических персонажей, которые часто ассоциируются с холодом, выделяют, например, следующие:

- 1) Холодное время года (зима) и связанные с ним явления;
- 2) Географические территории с холодным климатом;
- 3) Природные явления, ассоциирующиеся с холодом;
- 4) Животные, обитающие в холодных регионах и связанные с холодом;

5) Покровители холода (мифологические и сказочные персонажи);

Рассмотрим вышеперечисленные ассоциативные ряды более подробно.

1) Зима, занимающая в северных регионах России во временном плане значительную часть года, является одним из важных факторов жизни на этих территориях. Неразрывную связь зимы и холода подтверждает русская пословица «Волк не бывает без зубов, а зима – без холодов» [Уваров 2009: 35]. Русская зима вызывает стойкие ассоциации с холодом не только у носителей русского языка, но и, например, у китайцев, у которых «русская зима» связана с холодом и снегом [Ма 2021: 54], а также с тяготами и невзгодами, которые приходится преодолевать [Ма 2020: 86]. Именно наступление холодов сказалось, например, на неудачах западноевропейских армий во время боевых действий на территории России и получило меткое описание *Генерал Мороз*. Зимние природные явления, такие как снег и лед, также имеют устойчивую связь с холодом благодаря их постоянной температуре ниже нуля. Связь холода и зимы в финском языке подтверждает поговорка *Kylmät talven lämpymäkki* [Sananlaskut 1997: 165], указывающая на то, что даже теплые зимние дни являются холодными.

2) К географическим территориям, ассоциативно связанным с холодом, относятся, прежде всего, Арктика [Крюков 2013: 2; Иванова 2022: 103; *Arktinen osaaminen* 2014: 17], Сибирь [Михайлов 1956, Анисимов 2009, Буйницкий 2009; Волошина 2022: 21; Татарникова 2022: 33; Терских 2015: 44 и др.] и Север [Крылова 2013: 216]. С холодными природными условиями в Финляндии тесно связан такой ее регион как Лапландия [*Arktinen osaaminen* 2014: 33].

3) Ассоциации, связанные с холодом, возникают при рассмотрении зимних явлений природы, таких как снегопад, метель, буран, иней, гололед и др. Наряду с ними восприятие холода может описываться через использование таких северных образов, как «северное / полярное сияние», появление которого связывают не только с северными арктическими регионами, но и с зимними холодами. Так, одним из самых частых сравнений

при описании северного сияния является обращение к образу мороза, рисующего красками на небосклоне [Лингвосомиотическое исследование номинаций северного сияния 2022: 246].

С сильным морозом и стужей в мифологии северных народов часто связаны звезды. Например, в якутской мифологии используются сюжеты о том, как «люди пытаются уменьшить холод, срубив звезды» [Романова 2019: 258]. Культурно-специфическими можно считать ассоциации носителей русского языка с солнцем. За этим стоит не только знакомый многим по личному опыту сверкающий на солнце снег в морозный день, но и картины известных художников и поэтические произведения, передающие прекрасный зимний пейзаж с переливающимся в лучах солнца белоснежным покровом. Вспомним, например, знаменитую строку, вышедшую из-под пера А. С. Пушкина «Мороз и солнце, день чудесный!», которую все носители русского языка знают еще со школы. Ю. Ма и Т. Б. Карпова отмечают, что мороз вызывает ассоциации с ярким солнцем как у россиян, так и у китайцев, живущих в России, в то время как у китайцев, живущих в Китае, таких ассоциаций не обнаруживается [Ма 2021: 55]. Возможным объяснением данного факта являются экологические проблемы в Китае, по причине которых яркого солнца в зимний период практически не бывает [Ма 2021: 57]. В финской лингвокультуре холоду приписывается ассоциативная связь с луной, что подтверждает, например, пословица *Kylmille kuu kehii, ja sateille aurinko sappee* [Sananlaskut 1997: 165] (лунное гало – к холоду, солнце с ушами – к осадкам). Интересно отметить, что в русском языке, наоборот, существуют приметы, указывающие на зависимость осадков от луны, а холода от солнца. *Солнце-то в рукавицах, как радуга, как столбы по обеим сторонам – к стуже* (Пинежье); *Если зимой луна бледнее обычного и на ней видны разноцветные полосы, то жди сильной бури со снежной погодой* [Гаршин 2005].

4) К животным, которые в русском языке ассоциируются с холодом, можно отнести белого медведя, мамонта и пингвина. Мамонт для россиян –

символ вечной мерзлоты [Данилова 2019: 3]. Белый медведь и пингвин обычно вызывают ассоциации с холодом в силу их мест обитания и необходимости низких температур для их комфортного проживания. К животным, имеющим культурно специфичные ассоциации с холодом в русской культуре можно отнести собаку (*замерз как собака, собачий холод*) и волка (*замерзнуть как волк, замерзнуть как волчий хвост*) [Зиновьева 2015: 237]. В немецком языке холод может быть «овечьим» (*die Schafskälte*), но данная лексема используется только для описания июньских холодов [Украинский 2006: 139]. В финском языке страдающего от холода человека сравнивают с кошкой. Того, кто часто мерзнет, называют *vilukissa* (*vilu* ‘холод, озноб’ + *kissa* ‘кошка’) [Suomisanakirja].

Особенности передачи ощущений холода с помощью зоонимов в финском и русском языках можно проследить на примере следующего диалога и его перевода на финский язык:

Северный полюс.

Гусь: Какой собачий холод!

Собака: И не говори, у меня вся кожа гусиная!

На финском языке приведенный выше диалог выглядел бы следующим образом:

Pohjoisnara (Северный полюс).

Kana: *Kylmää kuin ryssän helvetissä!* (Курица: Холодно как в русском аду!)

Venäläinen: *Juu, minulla nousi iho ihan kananlihalle!* (Русский: И не говори, у меня вся кожа как у курицы!)

Таким образом, в разных лингвокультурах наблюдается отсутствие идентичности в описании холода с помощью зоонимов.

5) У многих народов мира существуют свои мифические и сказочные персонажи, тесно связанные с восприятием холода. Самым известным во всем мире «холодным» сказочным персонажем является Снежная королева из сказки Г. Х. Андерсена, хозяйка огромного царства

снегов и льдов, повелительница пронизывающих ветров, зимних вьюг и трескучих морозов. Для представителей России символом холода является, безусловно, Дед Мороз – повелитель морозов, сковывающий реки и озера льдом, покрывающий землю и деревья мягким снежным покровом. У многих северных народов есть мифологические образы, являющиеся покровителями холода. У ненцев и энцев холод посылает огромный Бык севера: стоит на месте – царит холод, начинает двигаться – теплеет, сбрасывает вылинявшую шерсть – идет снег, дует – поднимается холодный ветер [Романова 2019: 259]. У финнов древним духом холода и зимы является Пухури (фин. Puhuri) – отец Мороза. В современной финской литературе одним из самых известных персонажей, связанных с холодом, является Морра (фин. Mörkö) – герой популярных книг Туве Янссон о Муми-троллях [Янссон 2022]. От Морры всегда веет холодом, она может заморозить одним своим прикосновением, под ее ногами промерзает земля и погибают растения [Корхонен 2016: 1].

В результате изучения научной литературы и источников лингвокультурологической информации удалось выявить некоторые тенденции, показывающие связь холода с чувствами и ощущениями человека вообще или представителей лингвокультурной общности, в частности.

Отечественными учеными отмечается тесная связь понятий холода и сырости, холода и страха, холода и голода, холода и смерти, холода и ветра, холода и темноты.

Связь холода с сыростью. Взаимосвязь холода и сырости ярко передает в русском языке прилагательное *промозглый*, имеющее значение «пронизывающе холодный и сырой» [Словарь русского языка 1999]. Во время прогулки промозглым осенним утром человек, скорее всего, получает неприятные ощущения и ежится от влажного прикосновения холодного ветра. Чем выше влажность воздуха, тем сильнее ощущается холод. [Игнатова 2018]. В финском языке также отмечается связь холода с

сыростью. Так, погода может быть *kolean kostea* [Nikunlassi 2015: 10] (досл. холодно влажной) – промозглой.

Связь холода с ветром. Как правило, сильный ветер, способствуя более быстрому отводу тепла от тела, усиливает ощущение холода [Оценка риска здоровью по ветро-холодовому индексу 2021: 36]. С холодом чаще всего ассоциируется северный ветер – «дыхание бога зимы» [Северный ветер]. Именно его силу и сверепо́сть в некоторых мифологиях сравнивают с огнем, поскольку и холодный ветер, и пламя имеют непредсказуемый характер [там же]. Осенний ветер, обозначаемый в казахском языке как «қара бас жел» («черноголовый ветер»), считается предвестником холодов [Шайгозова 2023]. Название ветра обусловлено, вероятнее всего, воздействием холода и ветра на живую природу, а именно растительность, когда она чернеет и погибает. В финском языке можно также проследить отражение связи холода с ветром. Так, погода может быть *hyytävän tuulinen* (досл. холодно ветреная) – холодная и ветреная [Nikunlassi 2015: 10], а комплексное влияние ветра, влажности и холода зимой на организм человека определяется термином *pakkasen purevuus* (досл. кусачесть мороза) [Tuntuu kuin- hahmo kertoo pakkasen purevuudesta].

Связь холода с темнотой. Связь холода с темнотой отмечается в русской лингвокультуре. Говорится, что темнота – это отсутствие света, а холод – отсутствие тепла [Притча про добро и зло], тем самым отрицается возможность существования темноты и холода. И то, и другое явление описываются путем аннигиляции. Объединяющим фактором холода и темноты в северных регионах нашей страны, безусловно, является зима. Так, мурманская поэтесса Ирина Расшивалова сравнивает приход зимы с наступлением «мрачного холода вечной тьмы» [Расшивалова 2021]. Ассоциативная связь холода и темноты наблюдается и в эвенской паремии «Илэ химнээн — тала иһэнь» (Где темнота — там холода) [Бурыкин 2001: 172]. В финском языке зима может быть *jäätävän pimeä* [Nikunlassi 2015: 10] (досл. холодно темная) – холодная и темная, что свидетельствует о наличии

связи темноты и холода. Тьма, как и холод, во многих культурах ассоциируется со злом, смертью и страхом [Гораинова 2023].

Связь холода со страхом. Холод и страх имеют много объединяющих черт: а) человек воспринимает холод как нечто опасное для себя, а страх возникает при восприятии или представлении нечто опасного для себя (ср. *леденящий страх, похолодеть от страха, страшно холодно*); б) сильный страх и сильный холод могут привести к смерти (ср. *умереть от страха, умереть от холода, окоченеть до смерти*); в) страх и холод ограничивают двигательную активность (ср. *ноги отнялись от страха, застыть от страха, окоченеть от холода*); г) сходные реакции организма на страх и холод [Чеснокова 2015: 35] (ср. *сжаться от холода и сжаться от страха, руки стали холодными от страха и низкой температуры, мурашки пробегают по телу от страха и холода, кровь застывает в жилах от страха и холода*). Исследование А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским концепта «страх» приводит к выводу о том, что для русских идиоматических выражений свойственна метафорическая модель «страх – это холод» [Баранов 2008: 136-137].

Связь холода с голодом. Голодный человек часто испытывает ощущение холода. Восприятие холода связывается в русских пословицах и поговорках с ощущениями, испытываемыми голодным человеком [Мухина 2017: 188]. Например, это можно проследить в следующих паремиях: *Кто голоден, тот и холоден; Холод не терпит голод; И холодно, и голодно, и до дома далеко* [Даль 1989].

Связь холода и смерти. Холод и смерть имеют в традиционной русской культуре тесную ассоциативную связь [Быкова 2014: 17]. Холод зачастую является символом смерти, а сама смерть вызывает у людей чувство холода. В русском языке существует выражение «замерзнуть насмерть» [Харитоновна 2023]. В фольклоре якутов, коренного народа севера, жизнь которого во многом подчинена ритмам природы, используются сюжеты о людях, которые зимой умирали, а весной воскресали, т.е. зима и холод воспринимаются как

«время символического умирания» [Романова 2019: 256], что становится понятным благодаря нашим знаниям о том, что под влиянием отрицательных температур происходит замедление жизненных процессов и замерзание жидкостей, т.е. прекращение их движения (реки и озера будто засыпают или умирают на зимний период).

С эмоционально-оценочной точки зрения мороз и холод в разных лингвокультурах могут быть связаны как с положительными эмоциями (*бодрость, приятное ощущение прохлады, восхищение красотой зимнего пейзажа*), так и с отрицательными (*опасность для жизни, страх, неприятные ощущения*). Важно отметить, что жители северных регионов, проводящих большую часть года в окружении снега, мечтают о тепле, которое является символом счастья и спокойствия [Тепло – значение символики] (*растопить сердце, согреть кого-то своей добротой*), в то время как холод чаще связан с отрицательными эмоциями [Павлова 2023] (*кровь стынет в жилах, похолодеть от страха*). Для жителей южных стран, наоборот, снег и холод являются символами счастья и спокойствия. Выражение «*ты заморозил мою грудь*» используется в арабском языке, когда кто-то злится, а другой пытается его утешить, то есть согреть кого-то своей заботой и вниманием. Арабское выражение "اراك ان قل بي ل ي ث ل ج ان ه" связано с ощущением счастья [Standard-arabic Culture - Hot Mood], хотя его буквальный перевод (мое сердце снежит, когда я вижу тебя) у представителей северных стран будет, скорее всего, связан с несчастьем и отсутствием сильных чувств, поскольку холод в этих странах чаще связан с невзгодами, трудностями [Замятин 2020: 218] и отсутствием чувств и эмоций [Волкова 2019]. Так, любимый человек «греет сердце и душу» [Фразеологизмы русского языка] носителя русского языка, а «холодное сердце» не способно на яркие эмоции и сильные чувства [Танкова 2018].

Холод – это «сердце финской культуры» [Mullins 2012: 1], во многом влияющее на жизнь финского общества. Он заставляет финнов больше двигаться (ведь в бодрящий холод гораздо приятнее двигаться, чем просто

неподвижно стоять в ожидании автобуса), интенсивнее работать в офисе и даже лучше учиться (ведь в морозный день работа в офисе или в учебном помещении кажется более привлекательной, чем физический труд на открытом воздухе), а эстетика финского снегопада, северного сияния, оленей и покрытых инеем ветвей деревьев поднимает настроение, несмотря на неприятность физических ощущений от холода [Mullins 2012: 1]. При этом холод в этой северной стране ассоциируется и с пагубным воздействием на организм человека, возможностью получить обморожения и даже замерзнуть до смерти [Kylmä ja kuuma ympäristö 2010: 136].

В диссертационном исследовании О. Л. Чоудхури сопоставила номинативные поля концепта «зима» в финском и русском языках, выявив большое количество полных лексических соответствий, что «свидетельствует об универсальности представлений о зиме и зимних явлениях» [Чоудхури 2010: 309]. Ученым была выявлена и лакунизированная лексика, включающая в себя, например, обозначения холодных погодных явлений (*стужа, крещенские морозы, собачий холод*) и наименования зимних предметов одежды (*шапка-ушанка*) [Чоудхури 2010: 309], что говорит об отсутствии идентичности языковых картин мира в финском и русском языках.

Сравнительно-сопоставительный анализ языковых картин мира приводит к выявлению не только универсальных, но и национальных характеристик, т.к. каждый язык по-своему «интерпретирует нашу жизнь в окружающем мире» [Кашкин 2007: 6]. Носители языка обладают определенным объемом фоновых знаний, «связывающих культурно-маркированные единицы языка с «квантами» культуры». [Кульбаева 2015: 145]. Национальную окраску языковой картины мира подчеркивает и Е. Ф. Тарасов, отмечая, что значение знака – это «культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности» [Тарасов 1994: 34], при этом национальный колорит зачастую становится ощутимым при соприкосновении с явлениями иной культуры. Культура наряду с

физиологическими возможностями человека оказывает влияние на ощущения, которые находятся в тесной взаимосвязи с языковым отражением перцептивного восприятия [Демчук 2017: 28-29] – перцептивной картиной мира, которую С. С. Земичева определяет как «особенности мировосприятия, зафиксированные в перцептивных единицах» [Земичева 2016: 22].

При исследовании перцептивной картины мира следует учитывать, что она включает в себя «не просто отраженные объекты, но и позиции отражающего субъекта, его отношение к этим объектам» [Маслова 2004: 65], т.е. помимо универсального и национального компонентов картина мира содержит в себе и индивидуальные компоненты, а именно личное отношение человека к конкретному предмету или явлению. Перцептивная картина мира находит отражение в лексикографическом дискурсе, поскольку сам словарь отражает картину мира, которая через лексический состав языка выражает мироощущение носителей языка.

Важной частью перцептивной картины мира является отражение в лексическом составе особенностей восприятия тепла и холода. Данные лексические единицы являются неотъемлемой частью метеорологического дискурса [Григорьева 2022: 30] в связи с необходимостью указывать на температуру и связанные с ней явления.

Особый творческий взгляд на холод представлен в художественном дискурсе, ведь в художественной картине мира находит отражение не только общенациональная картина мира как результат коллективного опыта носителей языка, но и индивидуальная картина мира автора произведения, его личный опыт и знания, полученные в течение жизни [Лугаськова 2017: 137]. Таким образом, наиболее полное представление перцептивной информации о холоде возможно при ее рассмотрении в лексикографическом, метеорологическом и художественном дискурсах.

1.1.2 Коммуникативно-прагматический взгляд на сенсорику холода

Коммуникативно-прагматический подход к передаче сенсорной информации предполагает учет особенностей использования языка в процессе коммуникации в соответствии с прагматическими свойствами языковых единиц в зависимости от ситуации общения, адресата и адресанта сообщения.

Наши сенсорные ощущения и восприятие окружающего мира влияют на восприятие и интерпретацию информации в процессе коммуникации, а также оказывают влияние на эмоциональное состояние участников той или иной ситуации. Для улучшения общения необходимо понимать, как собеседник представляет себе мир и ощущает его. Понимание этих различий может способствовать более эффективной коммуникации. Например, восприятие холода у жителей северных и южных регионов нашей страны сильно различается. Так, для жителя Норильска холод наступает при 30-35 градусах ниже нуля, для жителя Якутии – при -60°C , для кемеровчанина – при -30°C , а для жителя Сочи – уже при -6°C [Как ощущают холод в разных регионах России]. Различие в восприятии холода в разных регионах можно наблюдать и в Финляндии, где сильным мороз считается при -15°C в южной части страны, -20°C в ее центральной части и -25°C на севере [Salminen 2024].

Разное восприятие холода жителями северных и южных регионов приводит к появлению шуточных высказываний:

Как объяснить жителям южных регионов, что, когда идет снег, тепло? Жители северных регионов знают, что погода теплеет, когда после морозов начинает идти снег.

Можно ли радоваться жизни, когда на улице -40 ? Конечно, если до этого было -50 ! [Как ощущают холод в разных регионах России].

Примечательным с точки зрения лингвосенсорики и прагматики является исследование Кристофера Кокоски, проанализировавшего особенности описания холода при создании литературных произведений и сформулировавшего рекомендации будущим писателям по созданию

эффекта погружения в атмосферу холода, который практически заставляет читателя его почувствовать. Автор отмечает, что при описании холода важно описывать сенсорные детали, эмоции, факторы окружающей среды и физические реакции персонажа. Он выделяет следующие элементы, используемые для описания холода:

- реакция организма человека на холод: дрожь в теле, ощущение холода кожей, онемение конечностей и скованность движений, болевые ощущения, вызванные воздействием холода, движения под воздействием холода и т.п.;

- визуальные признаки холода: пар изо рта, зимние пейзажи, описание теплой одежды, описание неодушевленных предметов, покрытых инеем и снегом и т.п.;

- визуально-тактильные признаки: лед, снег, снегопад и т.п.;

- аудиальные признаки: хруст снега под ногами, треск льда, звуки ветра, тишина заснеженного пейзажа и т.п.;

- эмоции, вызванные холодом: соотнесение холода с эмоциями способствует более субъективному его восприятию, позволяя читателю почувствовать себя в роли персонажа;

- реакция диких животных: описание поведения диких животных может помочь создать холодную среду, так как многие животные по-особому реагируют на холод: от спячки и миграции до физических изменений, таких как рост густого меха или перьев [Kokoski 2023].

К. Кокоски справедливо отмечает, что создание атмосферы сильного холода в литературном произведении включает в себя описание физических ощущений, эмоциональных реакций и деталей окружающей среды. Исследователь говорит о том, что необходимо адекватно передавать всеохватывающую природу холода: как он проникает в кожу, леденит кости, перехватывает дыхание, жжет любой открытый участок кожи, приводит в отчаяние или, наоборот, добавляет решительности для продолжения пути и в тоже время превращает окружающий пейзаж в прекрасную страну чудес, таящую в себе много опасностей [Kokoski 2023]. Отметим, что при описании

ощущений холода К. Кокоски уделяет внимание интероцептивным, экстероцептивным и проприоцептивным ощущениям, подчеркивая тем самым, что холод может восприниматься посредством разных сенсорных модусов.

Исследованием возможностей вербализации холода с коммуникативно-прагматической точки зрения занимались Е. В. Сергеева и Т. В. Губернская [Сергеева 2021], И. К. Мухина [Мухина 2017], Е. М. Мосолова [Мосолова 2016]. Так, И. К. Мухина отмечает, что в зависимости от ситуации холод может вызывать приятные ощущения, когда температура объекта, к которому прикасаются, имеет не очень резкий контраст с телом человека, и неприятные – при большой разнице температур. Для выражения приятного воздействия холода на человека в русском языке используются, например, лексемы *прохлада* и *свежесть*. Лексема *стужа*, в свою очередь, служит для обозначения труднопереносимого холода [Мухина 2017: 187]. Таким образом, выбор лексических единиц для обозначения холода в русской лингвокультуре может демонстрировать эмоциональное отношение человека к испытываемому холоду в конкретной ситуации общения.

Е. М. Мосолова отмечает существование аналогии в английском языке, в котором прилагательное *cool* (прохладный) обозначает, скорее, приятное ощущение холода, в то время как *chilly* свидетельствует о неприятном, пронизывающем холоде. Интересным с коммуникативной точки зрения является прилагательное *frosty* (морозный), которое в зависимости от ситуации может иметь значение «настолько холодный, что вызывает болевые ощущения (жжение или пощипывание)» или «холодный, но придающий бодрость и насыщающий энергией» [Мосолова 2016: 8].

Е. В. Сергеева и Т. В. Губернская рассматривают холод в творчестве А.Блока с прагматической точки зрения, т.е. исследуют интенции автора при описании холода, его потенциальное воздействие на сознание читателя. Ученые делают вывод о том, что описание холода используется автором для создания атмосферы реального мороза или холода, передачи ощущения

одинокости (душевного холода), бренности земного существования [Сергеева 2021: 92]. Отметим, что образ холода часто используется в художественной литературе для описания эмоционального состояния героя. Холодные пейзажи могут служить символом безэмоциональности и ощущения пустоты. Но с другой стороны, чистота снежного пейзажа может вызывать чувство умиротворения. Образы холода и зимы используются в художественной литературе и для изображения смерти [Зима в поэзии – значение символики].

Огромную значимость с коммуникативно-прагматической точки зрения имеет использование иллюстраций в текстовых сообщениях. В лексикографических источниках изображения встречаются редко, художественному тексту, как правило, необходимы иллюстрации, а в газетных статьях они являются неотъемлемой частью [Седова 2013: 73]. При этом иллюстрация может иметь непосредственную связь с текстовым материалом, дополняя и усиливая его, а может быть связана с текстом только тематически или ассоциативно. Во втором случае восприятие иллюстрации предполагает наличие у реципиента фоновых знаний о предмете повествования [Седова 2013: 73]. Особенности сочетания текста и изображения влияют на функциональность текста, его интерпретацию, степень экспрессивности и особенности перевода на другой язык [Седова 2013: 74].

Особенности восприятия сенсорной информации учитываются в рекламной коммуникации для лучшего «воздействия на подсознание человека» [Самигулина 2011: 239]. Использование синестетической метафоры в рекламном дискурсе изучает Ф. Г. Самигулина. Синестезия – это одновременное ощущение, совместное чувство, когда органы чувств начинают работать совместно. В этом случае качества ощущений одного вида переносятся на другой вид ощущений [Самигулина 2011: 239]. По результатам исследования Ф. Г. Самигулиной, в структуре рекламного слогана часто могут быть объединены две и более сенсорных модальности:

Холод на любой вкус (реклама холодильника), *прохладный янтарь на горячий язык* (реклама пива) [Самигулина 2011: 238].

Лучше понять содержание высказывания помогает и невербальная коммуникация, поскольку при устном общении мы получаем информацию не только вербально. Часто умение правильно интерпретировать невербальную коммуникацию является настолько же важным, как и степень понимания высказывания собеседника. Важность сенсорного восприятия в процессе коммуникации отмечает В. В. Наумов, указывая на то, что функционирование зрительного и слухового органов чувств помогает коммуникантам обеспечивать полный контроль в процессе коммуникативного акта «за счет речевой рефлексии, осуществляющей подбор и способы реализации тех или иных языковых единиц, соответствующих данной речевой ситуации» [Наумов 2012: 89]. В процессе речевого общения часть невербальной информации может передаваться через слух (у замерзшего человека может дрожать голос из-за движения нижней челюсти при сокращении мышц), зрение (особенности мимики, поз, жестов говорящего, например, собеседник может съежиться или дрожать), обоняние (в морозную погоду от одежды человека, побывавшего на морозе можно ощутить специфический морозный аромат).

На важность невербального взаимодействия в процессе коммуникации указывает и Е. А. Шлотгауер, отмечая, что тактильное взаимодействие может совпадать с коммуникативной направленностью вербального сообщения, вносить дополнительные коммуникативные смыслы или же замещать вербальный компонент, являясь единственным средством кодирования и передачи интенций субъекта [Шлотгауер 2023: 56]. Это представляется справедливым и в отношении других модусов перцептивного восприятия. Информация, воспринятая в процессе коммуникации зрительно или аудиально, может также совпадать с направленностью вербального сообщения, дополнять его, либо замещать. Например, находясь в аудитории с открытым окном, преподаватель замечает, что студенты начинают кутаться в

шарфы и съезживаться. Поняв, что им холодно, он закрывает окно. В данном случае коммуникация осуществляется невербально, вернее, невербальная информация замещает вербальную. Можно также отметить случаи, когда невербальное поведение может противоречить вербальному. Вспомним, например, известный эпизод из русской народной сказки «Морозко»:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

–Ой, тепло, голубчик Морозушко! [Морозко].

Если вербальное сообщение не содержит в себе указания на испытываемое девушкой ощущение холода, то описание ее интероцептивных и проприоцептивных ощущений позволяет передать реципиенту информацию о холоде.

При передаче перцептивной информации выбранные адресантом конкретные лингвистические единицы призваны удовлетворить прагматические интенции, обусловленные коммуникативной ситуацией, авторскими целями и коммуникативными стратегиями. Вербальная передача сенсорной информации выступает инструментом воздействия на адресата, заставляющим его воспринимать ситуацию определенным образом. Дополнять и усиливать вербальную составляющую текста могут иллюстрации, а в случае непосредственной устной коммуникации – невербальный компонент. Учет особенностей их взаимодействия с текстом также требует особого внимания в процессе перевода.

1.1.3 Лингвостилистический подход к описанию сенсорики холода

Высказывания, передающие ощущения холода, функционируют в жанрово-стилевых разновидностях текстов, относящихся к научному, художественному, публицистическому, разговорному и некоторым другим дискурсам.

В. К. Харченко определяет «концентрацию языковой сенсорики» термином «сенсорное напряжение», под которым она понимает «обилие перцептивных проекций на единицу текста, нацеленное на пробуждение средствами языка перцептивных образов» [Харченко 2012: 71]. Важность мультимодального подхода в описании действительности подтверждает и высказывание Н. Салмоуза о том, что репрезентация реальности становится ярче и богаче, если автор задействует большее количество сенсорных модусов [Salmose 2020: 332]. Так, в описании холода могут использоваться ощущения различных модусов для создания более полной сенсорной характеристики объекта или явления. Например, в отрывке из произведения Б.В. Шергина «Новая Земля» разные типы вербально выраженных ощущений холода создают общую картину.

Иду и чувствую, что холодно, что ветер не вчерашний. Шапчонку сорвал, щеку подставил, а ветер-то норд-ост, полуночник... Ноги будто подрезал кто-то, присел даже. Однако усилился, вылез на глядень. И море увидел: белое такое... Лед, сколько глазом достать, – все лед. Льдины – что гробы белые. И лезут они на берег, и стонут, и гремят. Жмет их полуночник [Шергин 2014: 105].

В данном отрывке текста при вербализации ощущений холода зрительные образы (*лед, льдины*) используются совместно с осязательными (*холодно*) и слуховыми (*стонут и гремят*) ощущениями, что создает сенсорное напряжение, заставляя «работать живую телесную память органов чувств» [Харченко 2012: 72].

Сенсорное напряжение может создаваться с помощью ряда приемов, которые В. К. Харченко делит на 4 группы:

- тропеические или образ-порождающие приемы: эпитет, сравнение, метафора, метонимия, олицетворение, перифраза, метафорическая гипербола;

- дубль-приемы: повторы предложения, слова, корня слова для усиления образа и эмоциональной нагрузки, а также создания определенной ритмической и композиционной структуры текста;
- парадокс-приемы: окказионализмы, грамматическая экспрессия, оксюморон, комизм изображения, доведение до абсурда;
- «кинематографические» приемы: быстрая смена кадров повествования, подключение «звуковой дорожки» (аллитерация, звукоподражание) к изображаемому, шквальное перечисление, синхронность перцепции [Харченко 2012: 75].

В. К. Харченко выделяет также приемы сенсорного реле, т.е. подключение к ведущему перцептивному каналу средствами языка другого канала восприятия [Харченко 2012: 75], например, *зеленовато-прохладное небо, прохладно-синие плоскогорья* [Харченко 2012: 76].

Специфику создания сенсорного напряжения исследовали на материале произведений английской писательницы Дженет Уинтерсон российские ученые Е. Н. Еримизина и Е. В. Полховская. Авторы отмечают, что использование языка сенсорики позволяет усилить эмоциональность и художественность текста, делая зрительные образы еще более выразительными и детальными за счет синестезии – «особого способа восприятия, при котором некоторые понятия, явления, состояния наделяются дополнительными качествами: запахом, вкусом, цветом, текстурой, звуковой тональностью и так далее» [Еримизина 2016: 70]. Помимо широкого спектра сенсорной лексики средствами создания эмоционального напряжения являются и различные стилистические приемы образности: метафора, метонимия, инвертированный эпитет, перечисление, детализация и другие [Еримизина 2016: 72].

Особенности создания сенсорного напряжения в поэтических произведениях Константина Константиновича Романова исследовал Д. А. Романов. Исследователь указывает на комплексность и многослойность поэзии К. К. Романова, который не только мастерски использует различные

виды перцепции, но и представляет сенсорную информацию на нескольких уровнях. Например, слуховой модус находит выражение в звукоподражании и использовании лексических единиц слухового модуса, зрительный – в использовании колоративов [Романов 2018: 172]. Д. А. Романов выделяет три вида колоративов: непосредственные отчетливые (*алый*), неотчетливые (*пестрый*) и опосредованные (*белоснежный*) [Романов 2018: 173]. Исследователь отмечает тесную связь между созданием сенсорного напряжения в произведениях поэта и переживаниями его лирического героя. Эмоциональное состояние усиливается по мере возрастания сенсорного напряжения [Романов 2018: 173].

Одну из групп приемов, выделенных В. К. Харченко, а именно «кинематографические приемы», исследовала И. А. Мартыанова [Мартыанова 2017]. «Литературную кинематографичность» она определяет как характеристику текста «с преимущественно монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения» [Мартыанова 2017: 138]. Она обусловлена желанием автора «динамизировать изображение наблюдаемого» [Мартыанова 2017: 138] и его стремлением руководить восприятием читателя, меняя планы и ракурсы изображения и создавая неожиданные перемещения во времени и пространстве, нарушая хронологическую последовательность событий. Кинематографичность текста проявляется в его подчеркнутой визуальности, в том числе за счет «повышенной плотности лексем зрительного восприятия, сопровождающейся их семантическими сдвигами» [Мартыанова 2017: 137]. Отметим, что к «кинематографическим приемам» создания сенсорного напряжения, выделенным В. К. Харченко, И. А. Мартыанова добавляет такие приемы как стоп-кадр и повторный замедленный показ [Мартыанова 2017: 139].

Создание кинематографического эффекта в литературном произведении исследовали Ю. А. Капшук и Л. В. Бондаренко, отмечая

особую роль лексических единиц, придающих сенсорный характер повествованию [Капшук 2016: 65], например, глаголов чувственного восприятия. По их наблюдениям, использование глаголов зрительного восприятия позволяет автору сделать описываемые им события и явления ближе читателю, «направляя его взгляд на персонажей и запечатлевая увиденное в его зрительной памяти» [Капшук 2016: 66]. Тем самым создается ощущение, что читатель присутствует при происходящих событиях.

Исследованиями стилистических особенностей передачи сенсорной информации в текстах различных жанров занимались ученые из Кувейта О.Халид и индийский языковед П. Сринивасан [Khalid 2022]. Результаты их исследования показали, что каждый жанр имеет свои особенности в вербализации сенсорной информации, причем эти особенности могут в полной мере быть одним из критериев определения жанра текста. Также ими было установлено, что каждый автор имеет свой индивидуальный стиль описания сенсорной информации [Khalid 2022: 144].

Л. Е. Ляпина исследовала особенности вербализации температурных ощущений в лирических текстах М. Ю. Лермонтова, отмечая значительное преобладание среди тактильных микрообразов лексических единиц с семой 'холод', а также более широкий спектр денотатов для «холодного» в сравнении, например, с «теплым» [Ляпина 2014: 67-68]. Прилагательное «холодный» характеризуется в лирике Лермонтова наличием экспрессивно-оценочных характеристик. Холод как температурное отклонение от нормы предполагает негативную коннотацию. Исследователь отмечает, что около половины температурных характеристик в творчестве Лермонтова метафоричны, при этом наблюдается совпадение экспрессивно-оценочных параметров метафорических и прямых температурных характеристик [Ляпина 2014: 69]. Л. Е. Ляпина приходит к выводу о том, что М. Ю. Лермонтов путем использования различных стилистических приемов мастерски использует возможности температурных характеристик в организации лирических сюжетов, создании эмоциональной окраски

стихотворных произведений и расширении масштабов интерпретационных возможностей [Ляпина 2014: 77].

При передаче сенсорной информации средствами языка важным представляется создание сенсорного напряжения, т.е. довольно компактное использование большого количества вербально выраженных перцептивных ощущений разных модусов с целью создания выразительных образов. Достижение такого результата возможно путем использования различных приемов, позволяющих повысить интенсивность передачи сенсорной информации. При этом дискурс оказывает влияние на особенности вербализации сенсорной информации.

1.2 Лингвосенсорика как основа для описаний ощущений холода

1.2.1 Ощущения как основа восприятия мира

В последнее время наблюдается заметное повышение интереса к изучению процессов восприятия и отражению перцептивной информации в языке, что связано с возрастающей потребностью современного человека в многоаспектном перцептивном восприятии окружающей его действительности. Он стремится ощутить явления и объекты окружающего мира всеми органами чувств. Так, например, поднимая бокал вина, мы ощущаем его температуру, обоняем уникальный букет, оцениваем насыщенность цвета и приятный вкус и даже чокаемся бокалами, чтобы ощутить звон содержащего вино бокала на слух. Выходя на улицу в холодный день, мы видим скованную льдом реку, слышим хруст снега под ногами, вдыхаем морозную свежесть, а также ощущаем холодное прикосновение ветра и охлаждающий вкус тающего во рту леденца с ментолом. Стремление современного человека к многоаспектному перцептивному восприятию мира находит свою реализацию и в появлении 7D-фильмов, во время просмотра которых можно почувствовать брызги воды, ощутить дуновение теплого прибрежного ветра или прикосновение мягкого шарфа, вдохнуть запах роз в саду главного героя.

На протяжении всей своей жизни человек испытывает целый калейдоскоп ощущений, но способен ли он вербализовать их в полном объеме, выразить их особенности с помощью языковых единиц? Ограничивается ли наш сенсориум языком, на котором мы говорим? Ведь овладевая родным языком, мы начинаем видеть мир через его призму и принимаем характерную для нашей культуры концептуализацию мира [Шмелев 2002: 12]. Иными словами, способны ли мы испытывать ощущения, которые не представлены в языке? Ответы на данные и многие другие вопросы, связанные с вербализацией ощущений, являются сферой изучения лингвосенсорики – «области лингвистического знания, которая занимается языком перцепции, вербальной репрезентацией показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния» [Харченко 2012: 6]. Лингвосенсорика изучает, каким образом в языке находят свое отражение ощущения, которые определяются как «простейший психический процесс, состоящий в отражении отдельных свойств предметов и явлений материального мира, а также внутренних состояний организма при непосредственном воздействии раздражителей на соответствующие рецепторы» [Новик 2016: 152]. Ощущения обеспечивают нашу связь как с внешним миром, так и с внутренним миром нашего организма, ведь именно они позволяют нам воспринимать сигналы и отражать свойства и признаки вещей внешнего мира и состояний организма [Лурия 2006: 99]. Ощущения являются основным источником получаемых нами знаний о внешнем мире и своем теле. Основа познания окружающего мира – это «сплав чудес, которые мы привыкли называть «осязанием», «вкусом», «обонянием», «слухом» и «зрением» [Акерман 2018: 6].

Ощущения связаны не только с органами чувств, но и с деятельностью нервной системы в целом, поскольку для возникновения ощущения необходимо функционирование анализатора, состоящего из трех частей: рецептор, афферентные волокна и корковое ядро анализатора. Рецептор является воспринимающей частью органов чувств и трансформирующей

получаемую информацию в нервные импульсы, моделирующие характеристики раздражителя, действующего на органы чувств. Посредством афферентных волокон нервные импульсы, несущую информацию о воздействии, передаются в корковое ядро анализатора, где происходит преобразование и обработка информации о раздражителе [Сорокун 2005: 102].

Между началом действия раздражителя и возникновением ощущений проходит период, измеряемый миллисекундами, который необходим для прохождения импульса от рецептора до нервных клеток коры головного мозга. После окончания действия раздражителя исчезновение ощущения также происходит с задержкой, т.е. имеет место «инерция ощущений» [Сорокун 2005: 105]. Например, если на запястье положить лед, а затем его убрать, то ощущение холода сохранится еще какое-то время [Акерман 2018: 52].

Важные в рамках данной работы свойства ощущений, выявленные разными учеными, представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Свойства ощущений и особенности появления ощущений холода

Свойство	Характеристика	Пример
сиюминутность	возникновение ощущения непосредственно в момент воздействия раздражителя на орган чувств [Штерн 2003: 12].	Ощущение холода возникает, например, непосредственно при соприкосновении холодного предмета и поверхности кожи [Сергеев 2011].
модальность	привязанность ощущения к одному анализатору [Штерн 2003: 12].	Прикосновение к холодному предмету (путем осязания) приводит к возникновению ощущения холода [Сергеев 2011].
индивидуальные особенности	наличие индивидуального порога чувствительности, т.е. «границ в пределах которых могут возникать ощущения данного вида в сознании» [Сорокун 2005: 105].	Жители Крайнего Севера имеют более низкий порог чувствительности к холоду, поэтому понятие «холодно» они будут использовать иначе по сравнению с жителями более теплых

		регионов. [Константинов 2006].
	адаптация – повышение чувствительности под воздействием слабого раздражителя или ее притупление под воздействием сильного или продолжительного раздражителя [Психологический словарь].	При длительном воздействии холода происходит привыкание, а как следствие, притупление чувства холода [Фишер 2023].
	субъективное ощущение температуры среды и ее комфортность в зависимости от теплового состояния организма [Бочаров 2015: 10].	Холодная вода вызывает приятное ощущение после продолжительного воздействия теплом и неприятное ощущение до него [Бочаров 2015: 10].
способность к синестезии	«перенос качеств одной модальности на другую» [Лурия 2006: 109], когда при воздействии одного раздражителя могут возникать как ощущения, характерные для данного органа чувств, так и добавочное ощущение, характерное для другого органа чувств [Психология физической культуры 2016: 29].	Сине-зеленый цвет в интерьере вызывает ощущение холода [Ерошенкова 2017: 188].
взаимодействие ощущений	интенсивность одних ощущений может повышать или понижать интенсивность других [Психология физической культуры 2016: 29].	После ушиба приложенный к нему лед заставляет нервы передавать информацию о холоде, замещая информацию о боли [Акерман 2018: 60], поскольку низкая температура снижает чувствительность нервов, проводящих болевые сигналы.

Ощущения выполняют следующие основные функции (Таблица 2):

Таблица 2. Основные функции ощущений

Функция	Описание
сигнальная	уведомление организма о жизненно важных объектах или свойствах окружающего мира;
отражательная	построение субъективного образа свойства, необходимого для ориентировки в мире;
регулятивная	адаптация в окружающем мире, регулирование поведения и деятельности [Общая психология 2007: 31].

Ощущения являются основой восприятия, которое определяется как «отражение предметов и явлений в совокупности их свойств и частей при непосредственном воздействии их на органы чувств» [Новик 2016: 153]. В сравнении с ощущениями восприятие – это сложный психический процесс, предполагающий работу мышления, памяти, эмоций, чувств и личности воспринимающего. Восприятие, в отличие от ощущения (которое мономодально), является полимодальным. В процессе восприятия всегда можно выделить ведущий анализатор (название которого выносится в название вида восприятия), но в процесс приема информации могут быть вовлечены и другие модальности [Штерн 2003: 12]. Например, при виде покрытых инеем ветвей деревьев «просыпаются» тактильные анализаторы и появляется ощущение холода.

Восприятие во многом зависит от индивидуальных особенностей человека. Знания, предыдущий опыт, установки, стереотипы, эмоциональное отношение к тому или иному предмету или явлению оказывают влияние на процесс восприятия объективной реальности. К различиям в восприятии могут приводить и особенности, обусловленные принадлежностью людей к различным культурам. В качестве примера можно привести ситуацию, когда восприятие первого снега у представителей разных культур происходит совершенно по-разному, хотя ощущения, когда снежинки ложатся на ладонь,

могут быть очень даже сходными. Так, представители южных стран (некоторые из которых до этого снега и не видели) радуются первому снегу, пытаясь поймать каждую белую пушинку, в то время как представители северных стран пребывают в некотором разочаровании от того, что осень закончилась и вновь неизбежно наступает длинная и холодная зима. Наличие предшествующего сенсорного опыта в данном случае оказывает огромное влияние на восприятие. Некоторые ученые отмечают, что в лингвистике понятия ощущения и восприятия не разделяются и используются как взаимозаменяемые [Земичева 2016: 12].

Ощущение холода является объектом изучения не только психологии (которая изучает, например, связь ощущения холода с эмоциональным состоянием человека, страхом и т.п. [Body Sensations Associated with Emotions 2005]), но и медицины (ощущение холода как симптом заболеваний [Куликов 2022]; последствия воздействия холода [Шигеев 2017] и т. п.), физиологии (например, особенности терморегуляции [Бочаров 2015]), нейрофизиологии (изучение особенностей температурной чувствительности и функционирования терморецепторов [Нейрофизиология температурной чувствительности 2015]) и др.

Ощущение холода является предметом исследования многих научных направлений, каждое из которых вносит свой вклад в понимание особенностей функционирования сенсорных ощущений и восприятия окружающей действительности. Одним из важных научных направлений лингвистики является лингвосенсорика, занимающаяся изучением вербализации сенсорных ощущений и особенностями отражения сенсорной сферы в языке.

1.2.2 Виды ощущений и их классификации в лингвосенсорике

Ощущения связаны, прежде всего, с работой органов чувств. В соответствии с ними выделяются пять сфер восприятия, которые И. Г. Рузин называет «перцептивными модусами» или «модусами перцепции» [Рузин

1994: 79]: зрительный, слуховой, обонятельный, осязательный и вкусовой. Однако, классификация по «перцептивным модусам» не является исчерпывающей, поскольку не включает в себя все разнообразие ощущений. В рамках лингвосенсорики используется классификация ощущений, разработанная английским ученым Ч. Шеррингтоном, который выделил 3 группы ощущений в зависимости от расположения рецепторов:

- 1) экстероцептивные ощущения возникают при воздействии на рецепторы, которые находятся на поверхности тела;
- 2) интероцептивные ощущения возникают при воздействии на рецепторы, располагающиеся во внутренних органах, либо обуславливаются обменными процессами во внутренней среде организма;
- 3) проприоцептивные ощущения возникают при воздействии на рецепторы, расположенные в мышцах, сухожилиях и суставных сумках и фиксируют информацию об относительных положениях частей тела и их движениях [Sherrington 1906].

В рамках данной классификации выделяется пять перцептивных модусов (они названы выше), которые относятся к экстероцептивным ощущениям. При этом указывается на то, что экстероцептивные ощущения бывают контактными (вкус и осязание) и дистантными (обоняние, слух, зрение) [Шишкеедов 2014: 9].

Многие ученые [Харченко 2011: 19; Акерман 2018: 124; Нагорная 2017: 25] отмечают, что лидирующую позицию в системе перцепции занимает **зрительное восприятие**. Именно оно принимает наиболее активное участие в восприятии и познании мира, так как до 90% информации человек получает с помощью зрения [Харченко 2012: 19]. Это во многом объясняется и анатомическими причинами, ведь толщина нервных зрительных волокон в 25 раз превышает толщину других нервных волокон [Харченко 2012: 19], а 70% чувствительных рецепторов собраны именно в глазах [Акерман 2018: 124]. Это, безусловно, находит свое отражение и в языке, где зрительная лексика

составляет наиболее обширную группу слов по сравнению с лексикой слуха, обоняния, осязания и вкуса [Харченко 2012: 32]. На лидерство зрения среди каналов восприятия влияет и то, что иногда оно способно ограничивать работу других органов чувств. Так, например, блюдо, вид которого нам не нравится визуально, мы даже и не пробуем, тем самым лишая работы вкусовые рецепторы, а песни певца, внешность которого вызывает у нас отторжение, даже не слушаем, лишая работы слуховые рецепторы. С другой стороны, зрение зачастую компенсирует работу других рецепторов, позволяя людям не тратить усилия и время на получение необходимой перцептивной информации. Например, понять, что на улице холодно и прийти к выводу, что лучше надеть шапку можно и без выхода на улицу и получения ощущений от прикосновения холодного воздуха, если мы видим в окне траву, покрытую инеем, или лужи, покрытые тонким льдом.

Ввиду того, что нас интересует, прежде всего, восприятие холода, обратимся далее именно к нему. Визуальное восприятие холода может быть связано со следующими факторами:

- 1) природные явления, такие как снег, лед, иней, холодный ветер (можно определить по сильно качающимся ветвям деревьев зимой), северное сияние, морозный туман, которые ассоциируются с холодом;
- 2) реакции организма человека на холод, например, голая кожа на морозе белеет из-за ограничения притока крови, а затем краснеет, когда сосуды снова расширяются. Такое чередование сужения и расширения сосудов вызывает покраснение носа и рук на холоде [Кривомаз 2015: 1]. Кроме того, при ощущении холода человек занимает определенную позу (съеживается), начинает делать характерные движения или дрожать;
- 3) теплая или специальная одежда. Так, для поддержания температуры тела неизменной при холодных температурах люди вынуждены носить теплую (многослойную) одежду, а выглянув из окна и увидев, во что одеты прохожие, можно быстро определить, холодно на улице или нет.

Лидирующее положение зрения в системе перцепции явилось причиной того, что и большинство лингвистических исследований в сфере перцепции посвящены в большей степени вербализации зрительных ощущений. [Клюева 2018; Трусова 2016; Стефанович 2020; Колесов 2013; Mosina 2021; Effects of Language on Visual Perception 2020; Heasman 2015] Это, в свою очередь, привело к естественному стремлению повысить внимание и к другим перцептивным модусам, прежде всего **слуховому** [Семкова 2013; Якупова 2010; Бабарыкина 2010].

Слух помогает нам ориентироваться в ситуациях, когда визуальный канал восприятия не работает или не может воспринимать какую-либо информацию о внешнем мире в конкретных условиях. Например, мы слышим звук приближающегося сзади автомобиля и отходим на обочину дороги, часто даже не оглядываясь назад, а заблудившись в лесу, можем найти дорогу, ориентируясь на звуки транспорта или лай собак. Однако по тем правилам, которые устанавливает нам наш язык, слуховой канал все же, на наш взгляд, уступает визуальному по такому критерию как «достоверность информации», поскольку слух как источник информации некоторым образом дискредитирован. Недаром часто можно услышать: *не верь всему, что слышишь, верь тому, что видишь собственными глазами*.

Слуховое восприятие холода в северных регионах связано, прежде всего, с порождаемыми в период низких температур звуками, возникающими, например, при воздействии обуви на снег и лед (ср. хруст при ходьбе по деревянным мостовым зимой), а также со звуками, которые мы улавливаем ушами при воздействии холодных температур на объекты неживой природы (ср. например, треск деревьев в мороз, гудение проводов зимой, «шепот звезд» – звук, похожий на шелест, возникающий при застывании пара от дыхания на очень сильном морозе (<https://www.pnp.ru/regions/2014/12/18/shyopot-polyarnykh-zvyozd.html?ysclid=m6gke0wamt676878784>)).

Еще одним дистантным ощущением наряду со зрением и слухом является **обоняние**. Хотя обоняние – это ощущение, которое практически непрерывно сопровождает нас всю жизнь и которое можно прекратить на время лишь при задержке дыхания, оно очень слабо представлено в языке, а вербализации специфических сенсорных качеств запаха практически не происходит [Нагорная 2017: 49]. Некоторые ученые даже считают, что запах – это «молчаливое, не наделенное словесным выражением ощущение» [Акерман 2018: 7].

Следует согласиться с тем, что запах чаще всего не воспринимается как самостоятельная характеристика в отрыве от своего носителя, что приводит к установке предметных соответствий, характерных для каждого запаха. [Нагорная 2017: 49]. Но как можно вербально описать запах «морозной свежести», которую имитируют некоторые освежители воздуха? Запах способен порождать яркие образы и непередаваемые эмоции, поэтому, скорее всего, в этом случае активируются память и воображение, и мы представляем себе морозный день, белый снег, иней, пар изо рта и, конечно, специфическую свежесть, которую чувствует проживающий в северном регионе человек, когда выходит морозным утром на улицу. Память на запахи практически всегда долгосрочная, поэтому повторное появление запаха у человека, который его уже воспринимал ранее, зачастую приводит к определенным воспоминаниям и ассоциациям. Однако низкий уровень вербализации обонятельного модуса делает практически невозможным описание человеку запаха, который ему незнаком. Например, как описать «морозную свежесть» человеку, который никогда не был в северных краях? Или как передать ему словами аромат, принесенного с мороза белья?

Если запах мы начинаем чувствовать, когда вещество начинает испаряться, то **вкус** мы начинаем чувствовать, когда вещество начинает растворяться [Акерман 2018: 78]. Вкус является контактным ощущением, поскольку возникает лишь при непосредственном взаимодействии с воспринимаемым предметом, ведь вкусовые рецепторы не способны

работать на расстоянии. Ощущения холода практически не имеют отношения к вкусу, поскольку во рту разные рецепторы отвечают за ощущение температуры продукта и его вкус. Однако, рецептор, являющийся основным сенсором холода в нервной системе, реагирует также на ментол и ряд других веществ, которые мы называем «освежающими» [Боль, воспаление и другие неприятности 2016: 7], что приводит к возникновению «охлаждающего вкуса».

Еще одним контактным ощущением, наряду со вкусом, является осязание, играющее важнейшую роль в познании мира. Осязание – первичный модус восприятия, поскольку появляется у человека раньше остальных типов ощущений [Нагорная 2017: 41]. Кроме того, осязание – это «сенсорная система, действие которой трудно изолировать или элиминировать» [Акерман 2018: 45], поскольку органом восприятия для осязания является кожа, распределенная по всему телу. Утрата осязания может быть только частичной, например, когда человек лишается температурных или болевых ощущений, либо эти ощущения искажаются. Так, например, Д. Акерман приводит в качестве примера случай, когда стоматолог сделал укол карбокаина и восприятие температуры у пациента перевернулось: ледяная вода на вкус оставалась водой, но казалась горячей [Акерман 2018: 48].

А. В. Нагорная выделяет два вида осязания:

1) активное осязание, которое «осуществляется при целенаправленном движении руки по поверхности предмета» [Нагорная 2017: 43], либо при прикосновении к поверхности предмета или жидкости, т.е. когда происходит непосредственный контакт кожи человека с предметом или каким-либо веществом, например, с холодной водой или поверхностью предмета. Рецепторы, хоть и неравномерно, расположены по всему телу человека, но для активного осязания преимущественно используются кончики пальцев, язык, плечи, ступни. Некоторые ученые, например, Л. В. Лаенко, четко

разграничивают понятия «осязательный» и «тактильный», воспринимаемый всей кожей и только пальцами рук, соответственно [Лаенко 2005: 21].

2) пассивное осязание, которое можно толковать как «восприятие объекта, воздействующего на покоящуюся руку» [Нагорная 2017: 43], когда, например, источник холода контактирует с кожей человека посредством воздуха, льда или снега.

Осязание играет огромную роль в температурном восприятии. Характеризуя восприятие холода путем осязания, можно отметить следующие факторы:

1) Большая часть холодовых рецепторов находится на лице, особенно на кончике носа, веках губах и лбу [Акерман 2018: 52].

2) Обычно самыми чувствительными к прикосновениям являются наиболее волосистые части тела, потому что здесь очень много осязательных рецепторов, расположенных у корней волос, кроме того кожа под волосами тоньше чем в других местах [Акерман 2018: 40].

3) Ощущение холода может усиливать ветер. Ветер сдувает поверхностный слой теплого воздуха, замещая его холодным и увеличивая тем самым теплоотдачу [Кривомаз 2015: 2]. Влияние ветра и особенности кожи головы находят свое отражение в якутском благословении: *Пусть голову твою не продует сквозной холодный воздух, пусть снизу не стелется стылый покров, и ноги твои всегда будут в тепле* [Винокурова 2021: 126].

4) Кожа ладоней и ступней сохраняет высокий уровень холодовой чувствительности даже при низкой температуре окружающей среды [Медведев 2019: 97].

5) Чем дистальнее находится участок кожи с температурными рецепторами, тем выше скорость прохождения электрического сигнала по связанного с ним афферентному волокну [Клейнбок 1990: 18].

6) Холодовые рецепторы кожи руки человека обладают способностью к восприятию механических воздействий. Контактное температурное воздействие чаще всего вызывает у человека переход ощущения

прикосновения в смешанное температурно-механическое со сменой на чисто температурное [Клейнбок 1990: 32].

7) Температурные ощущения обладают эмоциональным действием: они могут казаться приятными или неприятными, когда человек испытывает дискомфорт от холода или чувствует освежающую прохладу [Бочаров 2015: 10].

Рассмотренные экстероцептивные ощущения составляют наиболее разработанную в лингвистике часть сенсориума, хотя и их представленность в исследованиях неравномерна [Нагорная 2017: 27]. В рамках данной работы особое внимание будет уделено рассмотрению вербализации экстероцептивных ощущений при восприятии холода.

Менее изученными по сравнению с экстероцептивными ощущениями являются ощущения **интероцептивные** [там же], под которыми понимается «совокупность сигналов, поступающих из внутренней среды организма и характеризующих состояние органов и частей внутреннего тела» [Нагорная 2017: 55]. Интероцептивные ощущения связаны с обменными процессами организма, к которым относятся, например, голод, жажда, удушье [Общая психология 2007: 35], «чувство дискомфорта», «чувство напряжения», «чувство комфорта» [Лурия 2006: 105]. Они доводят до мозга раздражения, исходящие из стенок желудка, сердца, кровеносных сосудов и т.д., так как рецепторы этих ощущений расположены в стенках внутренних органов. Интероцептивные ощущения не воспринимаются пятью органами чувств, с помощью которых человек обычно осуществляет взаимодействие с окружающим миром. Они чаще всего остаются на неосознаваемом уровне и начинают осознаваться лишь в случае «существенного нарушения нормального состояния организма, нарушения необходимого постоянства его внутренней среды» [Общая психология 2007: 35].

Вербализация интероцептивных ощущений и их систематизация для вербального описания являются очень сложным вопросом, на что указывает А. В. Нагорная [Нагорная 2014: 159]. Данный вид ощущений представляет

собой внутренние ощущения человека. Следовательно, они очень субъективны и не могут быть подвергнуты объективной проверке. Каждый человек имеет определенную свободу в описании своих интероцептивных ощущений, что в результате приводит к тому, что одно и то же интероцептивное ощущение может иметь несколько вариантов вербализации, ни один из которых не может считаться единственно верным и тем более объективным. Однако, даже имея определенную свободу в описании интероцептивных ощущений, человек в определенном смысле ограничен, так как не способен «выйти за пределы концептуария своей культуры» [Нагорная 2014: 296] и не может выразить то, что не находит вербализации в его языке. Как заметил Л. Витгенштейн, «пределы моего языка – это пределы моего мира» [Витгенштейн 2018: 36].

А. В. Нагорная выделяет следующие отличительные характеристики интероцептивных ощущений:

1) неконтролируемость, поскольку процессы, происходящие внутри тела, «в лучшем случае регистрируются сознанием, но не управляются им» [Нагорная 2017: 57];

2) изменчивость, поскольку они «могут появляться и исчезать, варьируя свои качественные и количественные параметры и меняя локализацию, причем рисунок интероцептивных ощущений может меняться даже на протяжении одного перцептивного эпизода» [Нагорная 2017: 58];

3) невозможность сознательного варьирования параметрами, так как в данном случае «человек лишь принимает сигнал, но не управляет им» [Нагорная 2017: 57];

4) осмысление интероцепции и вывод ее в речь полностью основываются на метафоре [Нагорная 2017: 59].

В качестве примеров проявления интероцептивных ощущений холода можно привести следующее:

1) При снижении температуры кожи дистальных участков тела до 5-8°C у человека могут появиться термоиллюзии в виде жжения, сменяющееся

болью и онемением [Медалиева 2014: 86]. Когда температура внутренних органов тела снижается, а кожа остается теплой, может возникнуть мнимое ощущение холода [Медведев 2019: 97].

2) Когда мерзнут только руки или ноги, мы все равно ощущаем холод во всем теле, даже если оно находится в тепле [Акерман 2018: 53].

3) Пальцы ног теряют чувствительность, так как кровеносные сосуды сужаются, посылая кровь к более важным частям тела [Акерман 2018: 53].

4) Во время воздействия холода или сразу после него может происходить затруднение дыхания или ощущение нехватки воздуха [Герасимова 2000: 37].

5) Спина более чувствительна к холоду, чем грудь [Общая психология 2007: 109], поэтому ощущения холода (мурашки, холодный пот) возникают в основном на спине.

Необходимо упомянуть тот факт, что ощущение холода тесно связано с другим interoцептивным ощущением, а именно голодом, поскольку тело способно вырабатывать необходимое для обогрева количество тепла только при достаточном питании [Почему от холода хочется есть].

Проприоцептивными ощущениями считаются ощущения, «связанные с положением тела и отдельных его частей в пространстве, как в статичном состоянии, так и в движении» [Нагорная 2017: 61]. Они регулируют наши движения. Проприоцептивная система также отвечает за запуск адаптивных изменений, в том случае, если мышечная активность не приносит необходимых результатов. Например, при воздействии холода возникает такая мышечная активность как дрожь, которая определяется как «непроизвольные сокращения мышц, которая начинается в мышцах туловища и рук, но постепенно распространяется и на мышцы челюстей, вызывая стук зубов и сотрясая все тело» [Кривомаз 2015: 1]. За счет увеличения мышечной активности организм увеличивает теплопроизводство. Ослабление и даже прекращение холодовой дрожи и повышение теплопродукции происходят в условиях произвольной мышечной работы

[Бочаров 2015: 5], например, при прыжках, потирании рук или передергивании плечами. Некоторые наиболее чувствительные к ознобу участки тела могут под воздействием холода покрываться «гусиной кожей», что связано с сокращением гладкой мускулатуры волосяных фолликулов.

Холод может приводить к нарушению моторики, когда из-за окоченения мышц и суставов снижаются биомеханические возможности рук и, как следствие, произвести какое-либо мелкое движение (завязать шнурки или застегнуть пуговицу) иногда становится очень непросто. [Кривомаз 2015: 1; Караяни 2019: 251].

Отдельную группу составляют **болевые ощущения**, которые базируются на «активности специфических рецепторов – ноцицепторов» [Нагорная 2017: 66], реагирующих на конкретную опасность, например, замерзание. Болевые ощущения не могут рассматриваться как часть осязания, поскольку они могут возникать и во внутренней среде организма. Но и рассмотрение болевых ощущений как части интероцептивных ощущений также невозможно, поскольку боль может возникать и на поверхности тела. Ощущения боли очень субъективны. Даже вопрос, какие именно ощущения мы можем к ним отнести, может вызвать разногласия, ведь «боль – это все то, что называет болью сам пациент» (Pain is what the patient says it is) [Gould 2007: 2]. Субъективность боли, а также сложность ее когнитивной обработки приводит к сложности ее вербализации, что отмечает Д. Биро, называя боль «сферой негостеприимной по отношению к языку» [Biro 2010: 218].

Таким образом, человек испытывает огромное количество ощущений, но закономерности языка накладывают определенные ограничения на восприятие и вербализацию этих ощущений. В случае с описанием ощущения холода, необходимо, например, определить, какие особенности ощущений холода находят отражение в языке и есть ли какие-то закономерности в их вербализации в различных дискурсах.

1.2.3 Лингвосенсорные исследования холода

Исследование холода с точки зрения лингвосенсорики в последнее время привлекает внимание многих ученых. Их научные труды представляют наибольший интерес для данного исследования.

О. И. Ощепкова и В. Н. Слепцова исследуют образ Севера в «Колымских рассказах» В. Шаламова в русле лингвосенсорики, доказывая, что Север тесно ассоциируется с холодом и воспринимается через ощущения разных перцептивных модусов:

- зрительный: индивидуальной окраской Севера по В.Шаламову является белый цвет, но встречается в произведениях и сочетание «синий рот», помогающее описывать губы героев, страдающих от холода. Также синими, согласно исследованию О. И. Ощепковой и В. Н. Слепцовой, часто бывают лед и снег [Ощепкова 2022: 106], что, вероятнее всего, можно объяснить существованием стереотипа о том, что синий цвет связан с обозначением холода;

- слуховой: описание звуков природы происходит с помощью музыкальных терминов: метель – тенор, буран – бас, а их совместное звучание создает «снежную симфонию» [Ощепкова 2022: 108], а «визг и шелест издаются якутским богом метели, который идет на лыжах, неся за собой хлопья снега» [Ощепкова 2022: 108];

- осязательный: оледеневшие люди сравниваются с холодными могильными плитами [Ощепкова 2022: 110], а холод является причиной серьезных телесных испытаний героев: «бронхи рвет мороз, сводит рот, слезы и пот на морозе превращаются в камни» [Ощепкова 2022: 109]. Отметим, что некоторые из этих ощущений относятся к интероцептивным, которые авторы в своей статье отдельно не рассматривают;

- ольфакторный: используется выражение *запах Севера*, которому В. Шаламов не дает точного и более развернутого описания [Ощепкова 2022: 110].

На перцептивность концепта «мороз» указывает О. А. Селеменова, отмечая, что «наблюдатель в русской картине мира при восприятии состояний природы выступает преимущественно как субъект сенсорного типа» [Селеменова 2019: 69], воспринимая природу разными органами чувств. Как отмечает ученый, мороз воспринимается в русской культуре посредством четырех органов чувств: зрения (иглистый мороз), обоняния (на дворе пахло морозом), слуха (мороз потрескивает) и осязания (жгучий мороз) [там же].

Ю. Н. Молодкина выделяет в своей диссертации на тему «Синестетическая метафора запаха (корпусное исследование)» некоторые модели межчувственного переноса обонятельного ощущения, одной из которых является модель «запах – осязание», при которой происходит совмещение обонятельной модальности и соощущений температурной субмодальности. В этом случае запах актуализирует температурные ощущения и получает такие физические характеристики, благодаря которым его можно ощутить, установив таким образом «связь между разными модальностями: модальностью конкретного физического восприятия, с которой мы хорошо ознакомлены на конкретном жизненном опыте, и абстрактной обонятельной модальностью» [Молодкина 2010: 13-14]. Ученый отмечает, что модель «запах – осязание» представлена довольно большим количеством примеров, так как «наше сознание стремится материализовать аромат» [Молодкина 2010: 14]. В качестве примера Ю. Н. Молодкина приводит такие выражения как *the hot smell of the sea* (горячий запах моря) или *the warm aroma of earth and growing things* (теплый аромат земли и растительности), в которых происходит совмещение обонятельной модальности и температурной субмодальности осязательной модальности.

Интересным представляется вывод Ю. Н. Молодкиной о том, что ситуации, в которых запахи вызывают температурные ощущения теплого спектра (*hot, warm*) чаще всего связаны с горячительными напитками и

специями, а «физическое ощущение холода при восприятии запаха может быть следствием испытываемого чувства страха» [Молодкина 2010: 13].

Исследование температурных ощущений описано и в научной работе М. Копчевской-Тамм и Е. В. Рахилиной, которые изучали температурные прилагательные в русском и шведском языках. Исследовались в том числе и прилагательные холодного спектра, такие как *холодный* и *прохладный*. Как указывают авторы, температурные ощущения, которые испытывает человек, можно разделить на две группы:

- температурные ощущения – рациональный опыт, который может быть описан как направленный на объективный мир, что выражается в утверждении *It is cold*. В их основе лежит восприятие температуры окружающих объектов кожей в соотношении с ее собственной температурой (холодными воспринимаются объекты, температура которых ниже температуры кожи). Эти ощущения обычно носят «местный характер» и ограничены отдельными частями тела;

- термальный комфорт – эмоциональное или аффективное переживание, относящееся к субъективному состоянию наблюдателя, что отражается в утверждении *I feel...* В его основу положено сохранение температуры тела около 37 градусов. Снижение температуры вызывает ощущения по всему телу. Отмечается, что термальный комфорт имеет важное значение для выживания [Koptjevskaja-Tamm (B) 2015: 3].

Изучением температурной лексики на материале разных языков занимались У. Сутроп [Sutrop 1998], А. Лехер [Lehrer 2009], Ф. К. Амека [Ameka 2015], П. Роулон-Доко [Roulon-Doko 2015], О. Ле Гуен [Le Guen 2015], А. Шаппер [Schapper 2015], Б. Бросиг [Brosig 2015], П. Сиахаан [Siahaan 2015], М. Брыкина, В. Гусев [Brykina 2015], Т. А. Пасарибу [Pasaribu 2019], М. Копчевская-Тамм, Д. Николаев [Koptjevskaja-Tamm 2021] А. В. Халас Попович [Halas Popović 2022], Л. Франко [Franko 2022].

Описание холода через ощущения различных модусов восприятия имеет большое значение для познания сенсориума холода, поскольку

позволяет максимально полно отобразить представления автора о холоде, его личный опыт восприятия холодных температур, а также дает автору возможность повлиять на восприятие читателя, за счет реализации различных аспектов (зрительного, слухового и т.д.) холода.

1.3 Перевод как средство передачи вербально-сенсорной информации в дискурсивном пространстве

1.3.1 Интегративный взгляд на перевод и междисциплинарность как факторы повышения эффективности передачи сенсорной информации

Интегративность является важной характеристикой современной науки, что находит свое отражение и в переводоведении, а именно в интегративном подходе к процессу перевода и влияющим на него факторам. Данный подход объединил в себе элементы ранее разработанных моделей, которые, концентрируясь на учете отдельных аспектов, оставляли без внимания другие переменные и их взаимодействие [Zalevsky 2010: 293]. Одной из первых перспектив развития интегративного переводоведения как самостоятельного научного направления определила в своих работах М. Снелл-Хорнби, указав на влияние сознания на восприятие текста, например, посредством фоновых знаний личности, а также знания контекста и ситуации [Snell-Hornby 1988: 31].

В рамках интегративного переводоведения процесс перевода рассматривается с учетом большого количества влияющих на него внешних и внутренних факторов, которые как отмечают Х. Залевски и И. Мюллер образуют «сложную сеть взаимосвязанных отношений» [Zalevsky 2010: 249], то есть структуру, в которой изменение одного элемента может привести к изменению функционирования всей системы [Zalevsky 2010: 32]. Это предполагает изучение каждого фактора не изолированно, а в тесной связи с другими.

Системное влияние различных факторов на процесс перевода отмечают и другие ученые. Н. К. Гарбовский, например, подчеркивает, что текст перевода и его содержание являются результатом когнитивной деятельности переводчика, осуществляемой под влиянием информационных, социальных, психологических, исторических, экономических, этических, эстетических и других факторов, «связанных между собой системными отношениями» [Гарбовский, 2015: 17]. А. Нойберт рассматривает переводимый текст в трех измерениях: текст оригинала, текст перевода и виртуальный перевод (ментальная модель текста, которая является основой текста перевода), который складывается под влиянием общелингвистических, текстовых и экстралингвистических факторов [Neubert 1992: 64]. Влияние различных факторов на процесс перевода отмечает и Л. В. Кушнина, утверждая, что предметом переводческого осмысления должны являться не только информация самого текста, но и «информация, поступающая извне» [Кушнина 2011 (А): 81], в рамках которой ученый выделяет факторы автора, переводчика и реципиента, а также фатического, экологического и энергетического аспектов значения [Кушнина 2011 (Б): 173]. Влияние различных факторов на процесс перевода доказывает, в частности, тот факт, что результатом перевода одного и того же текста разными переводчиками является расширение «веера индивидуально-образных смыслов» [Кушнина 2011 (Б): 173]. С другой стороны, если один и тот же переводчик будет переводить один и тот же текст в разное время, то результат его деятельности будет также различным [Кушнина 2011 (А): 85], что может быть объяснено изменением внешних факторов, влияющих на процесс перевода.

Разрабатываемое в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова под руководством профессора А. М. Поликарпова интегративное переводоведение изучает процесс перевода как вид когнитивной деятельности переводчика, происходящей в особой коммуникативной ситуации, предполагающей учет языковых, речевых, семиотических, этнокультурных, психологических, социальных,

экологических, морально-этических, производственно-экономических, технологических, этических, конфессиональных и других аспектов, а также предполагающей профессиональное владение специальными знаниями в различных предметных сферах [Поликарпов 2013: 9].

Важнейшим принципом интегративного переводоведения является антропоцентризм, поскольку переводчик рассматривается в качестве центрального звена процесса перевода [Поликарпов 2012: 278]. Именно на переводчика как на переводческую личность, а также на сам процесс перевода оказывают влияние как внешние, так и внутренние факторы, связанные, в свою очередь, с языковой личностью переводчика [Поликарпов 2013: 8].

Основным принципом интегративного переводоведения является интегративность, поскольку процесс перевода осуществляется «при реализации переводческих стратегий, основанных на учете языковых, речевых, временных, пространственных, социокультурных, психолого-этических, семиотических и других факторов межъязыкового и межкультурного акта коммуникации» [Поликарпов 2012: 278]. Перечень внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс перевода – «констант перевода» [там же] – довольно широк и характеризуется своей открытостью, т.е. возможно выявление все новых аспектов, оказывающих влияние на процесс перевода, а также характерных особенностей их взаимодействия [Поликарпов 2013: 8].

Интегративность предполагает, что текст перевода является результатом когнитивной деятельности переводчика, характеризующейся параллельным действием сознательных и бессознательных компонентов, многослойностью мышления и индивидуальными эвристическими характеристиками, как «реакция не только на текст оригинала, но и на все иные факторы информационного, социального, психологического, исторического, экономического, этического, эстетического и другого характера, связанные между собой системными отношениями» [Гарбовский

2015: 17]. При этом перечисленные выше факторы оказывают влияние на всех этапах переводческого процесса, а именно при восприятии исходного текста, его интерпретации и понимании, а также его ревербализации на языке перевода. Таким образом, с точки зрения интегративного переводоведения переводческий процесс является «динамической полисистемной деятельностью» [Поликарпов 2018: 238], происходящей под влиянием взаимосвязанных внешних и внутренних факторов.

Рассматривая переводчика в качестве центрального субъекта процесса перевода, интегративное переводоведение учитывает тот факт, что «мышление переводчика осуществляется при непрерывном взаимодействии и параллельном действии сознательных и бессознательных компонентов», [Поликарпов 2017: 12], что, несомненно, находит свое отражение при передаче перцептивной информации в переводе, когда особое значение приобретает как личный перцептивный опыт, установки и характеристики переводчика, так и особенности восприятия перцептивной информации, обусловленные принадлежностью переводчика к определенному культурному и языковому сообществу.

При передаче перцептивной информации интегративный подход к процессу перевода позволяет учесть следующие аспекты:

- междисциплинарный подход: использование достижений других наук, изучающих разные аспекты ощущений, для правильной интерпретации текста оригинала и адекватной передачи перцептивной информации в тексте перевода;
- влияние лингвокультурологических, психологических, социальных и других факторов как на специфические черты лингвосенсорной информации в тексте оригинала, так и на особенности ее передачи в тексте перевода;
- влияние ситуационных (место, время, окружение) факторов при восприятии и передаче сенсорной информации в тексте оригинала и в переводе;

- лингвокультурологические особенности восприятия перцептивной информации разных модусов (в том числе и при одновременном восприятии информации разных модусов) и учет этих особенностей при переводе;
- принцип текстоцентризма, который «обеспечивает сохранение цельности передаваемой информации при переводе» [Поликарпов 2017: 12];
- особенности языковой и переводческой личности, творческого потенциала, экстралингвистических знаний и перцептивного опыта переводчика и других участников интеракции;
- уровень сформированности переводческих компетенций.

Передача перцептивной информации в процессе переводе требует особого внимания со стороны переводчика, так как необходим учет большого количества как внешних, так и внутренних факторов, влияющих на ее передачу.

Интегративность предполагает не только комплексность подхода к процессу перевода, но и его междисциплинарность [Ремхе 2021: 76], которая является основой для описания внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на процесс перевода. Влияние может оказываться со стороны: а) самого переводчика и других субъектов процесса перевода; б) социума; в) окружающей среды в широком смысле слова [Поликарпов 2017: 9]. Междисциплинарность является одним из преимуществ интегративного подхода к изучению процесса перевода.

Междисциплинарный подход к переводу в последнее время получает все большее и большее развитие [Нефедова 2019: 161]. Процесс перевода, действительно, происходит при соприкосновении со многими отраслями знания, поскольку переводчику приходится использовать данные различных наук для достижения оптимального результата. Это подчеркивает и О. А. Анурова, определяя междисциплинарность как «совокупность лингвистических и экстралингвистических фоновых знаний в области переводимого текста, влияющую на выбор переводческого эквивалента и оценки адекватности перевода» [Анурова 2019: 457].

Важно понимать, что как в самом процессе перевода, так и при его изучении необходимо использование знаний из тех областей науки, которые помогут лучше понять текст оригинала и максимально полно передать содержащуюся в нем информацию в тексте перевода. Например, при передаче в процессе перевода перцептивной информации, в частности ощущений холода, необходим учет знаний медицины, метеорологии, психологии, географии, биологии, физиологии нейробиологии, культурологии и др.

Интерпретация и понимание процесса перевода невозможны без лингвистических знаний, полученных в рамках различных научных парадигм. Для данного исследования наибольшую значимость имеют системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы. Системно-структурная парадигма позволяет выявить наиболее существенные свойства исследуемых единиц языка, рассматривая их во взаимоотношении с другими единицами, как элементы определенной системы, позволяющей выявить особенности функционирования ее элементов [Ломов 1994: 26]. Например, при исследовании лингвосенсорных феноменов следует понимать, что перцептивность неотделима от человека. Это приводит к необходимости учета связей языка с культурой, обществом и отдельным человеком, а, следовательно, к учету направлений антропоцентрической парадигмы. Она включает в себя области лингвистики, фокус которых сосредоточен на человеке, а именно психолингвистику, этнолингвистику, коммуникативную и когнитивную лингвистики, лингвокультурологию [Маслова 2008: 10].

Таким образом, можно утверждать, что процесс перевода предполагает повышенное внимание к связям языковых единиц, учет особенностей мышления и экстралингвистических факторов, «постоянную работу в режиме сопоставления и сопряжения смыслов в пространстве двух лингвокультур» [Подгорная 2007: 90], а также активное использование фоновых знаний, в том числе и об особенностях сенсорного восприятия мира представителями двух лингвокультур.

1.3.2 Перевод как инструмент культурного освоения сенсорного мира

Перевод, осуществляемый на стыке двух культур с учетом, как минимум, двух национальных картин мира и языковых картин мира как их языкового воплощения, выявляет особенности культурного восприятия сенсорной информации, определяя ее вербальную репрезентацию в контактирующих языках. В процессе сопоставления перцептивных картин мира можно выявить самые разнообразные феномены их несовпадения, поскольку одни и те же явления могут по-разному восприниматься и оцениваться представителями разных культур. Так, некоторые предметы, явления, признаки могут вызывать у представителей одной культуры определенные ассоциации, например, яркие образы и связанные с ними ощущения, в то время как у представителей другой культуры такие ассоциации могут и не появляться. Эти предметы, явления и признаки, вызывающие определенные культурно обусловленные ассоциации и порождающие четкие ощущения и представления, могут осложнять восприятие художественного произведения читателем – представителем другой культуры.

И. К. Мухина отмечает, что при исследовании национально-культурной семантики используются термины «национально-культурные ассоциации» и «культурные коннотации» [Мухина 2012: 107]. К культурным ассоциациям относятся случаи появления дополнительных идей, связанных с предметом, процессом, явлением в определенной культуре [Мухина 2012: 107]. Под культурными коннотациями понимаются «дополнительные смыслы в ментальных образах того или иного объекта действительности, высвечивающие новые детали исходного представления, но не вытекающие непосредственно из «физических» свойств объектов» [Мухина 2012: 106]. Таким образом, культурные ассоциации и культурные коннотации – это дополнительные значения, специфичные для той или иной культуры.

К национально-культурным ощущениям зрительного модуса можно, безусловно, отнести восприятие цвета. В разных культурах цвета наделены разными ассоциациями и являются символами различных явлений, чувств, ощущений. Так, в некоторых культурах цветом смерти, печали и зла является черный, в то время как в других культурах это белый и желтый цвета. В одной культуре красный цвет может быть цветом радости и счастья, а в другой – цветом траура, символизирующим пролитую кровь. Зачастую с помощью лексических единиц цветообозначения авторы не только создают красочные зрительные образы своих произведений, но и передают с их помощью определенную дополнительную информацию, которая может носить национально-культурный характер. Искусное владение писателем цветописью, то есть мастерское умение работать с цветом в художественном произведении, может стать своеобразным вызовом для переводчика в познании особенностей цветовой палитры двух языков, выявлении всех «оттенков» – ассоциаций, вызываемых данными цветами в разных культурах, а в конечном итоге создании шедевра «языковой живописи», как две капли воды похожего на оригинал, но написанного другими красками и кистями, т.е. с помощью лексических единиц другого языка.

Изучением цветописи на основе исследования литературных произведений занимались как отечественные (Н. С. Братчикова 2006; Д. А. Соколова и С. К. Ильина 2015; О. А. Валова 2017; Ф. И. Карташкова, Л. Е. Беляева [Kartashkova 2022]), так и иностранные ученые (О. Tearle 2021; P.Weston 2023; D. Taufiq 2023). Особенности передачи цвета и цветового символизма в процессе перевода исследовали М. Уускюла [Uusküla 2016], Е. Шевченко и И. Томашевская [Shevchenko 2019], С. З. К Умирзокова [Umirzokova 2021], А. М. Базарбаева [Bazarbaeva 2023], К. К. Джгубурия [Джгубурия 2023]. В частности, ученые отмечают возможность колоронимов иметь символическое значение (Tearle 2021, Umirzokova 2021, Kartashkova 2022, Weston 2023, Taufiq 2023), которое может не совпадать в разных культурах, что может оказывать влияние на перевод. Расхождения

могут наблюдаться и в непрямых наименованиях цветов (когда цвет описывается через указание на предмет или явление, для которого он характерен), что требует от переводчика мастерства при передаче цвета на другой язык [Uusküla, 2016, Shevchenko 2019]. Важным представляется вывод Н. С. Братчиковой о том, что как в русском, так и в финском языке семантика синего цвета имеет тесную связь с окоченением [Братчикова 2006], т.е. в обоих языках синий цвет имеет связь с ощущениями холода. Таким образом, результаты приведенных выше исследований могут помочь в исследовании цветового представления холода и передачи специфики его цветовой гаммы в переводе.

Каждую национальную культуру отличают специфические запахи и вкусы, которые во многом обуславливаются особенностями географического расположения страны проживания того или иного народа, ее природными условиями, традициями, обычаями и кулинарными пристрастиями разных народов. Э. Розин отмечает, что в индийской кухне на первое место ставится вкус и аромат еды, а не ее структура, как в китайской кухне, что находит свое отражение в развитой системе вкусовой и ольфакторной лексики. Это, однако, не означает, что для китайцев не важен вкус, это лишь демонстрирует приоритетный способ восприятия и оценки различных качеств пищи в разных культурах. [Розин 1995: 327] А. Маджид и С. Левинсон также отмечают, что одни языки характеризуются более развитой системой ольфакторной лексики, в то время как другие уделяют большее внимание вкусовому аспекту [Majid 2011: 11]. Процесс перевода помогает выявить различия в объеме и особенностях вербализации запахов и вкусов в языках оригинала и перевода.

Определенным вызовом для переводчика может стать выявление и учет в процессе перевода национально-культурных ассоциаций, связанных с определенным запахом или вкусом. Например, праздники в той или иной культуре могут иметь свои запахи и вкусы. Так, в России запах мандаринов часто ассоциируется с Новым годом, а в Финляндии вкус мямми

(кашеобразного блюда из ржаной муки и солода с добавлением сахара и соли) – с Пасхой.

Вербальной репрезентацией запахов и особенностями перевода ольфакторной лексики занимались Х. Риндисбахер [Rindisbacher 1992], Е. Н. Абрамичева и А. В. Цуман [Абрамичева 2015], Д. Купчик и К. Филлипс [Cupchik 2015], Л. М. Алексеева и Ю. С. Черникова [Алексеева 2016], Т. Ехезкели [Yehezkeley 2019], Н. В. Сигарева [Сигарева 2023]. Передачу вкусовых ощущений с помощью языковых средств и особенности их вербальной передачи в процессе перевода изучали Л. В. Лаенко [Лаенко 2001] О. В. Чалей [Chaley 2016], Л. А. Фурс и Н. А. Харитонов [Фурс 2021], В. Гигнери [Guignery 2023]. Интересным представляется мнение ученых о способности запахов стимулировать образы и воспоминания [Cupchik, Phillips 2015: 103], которые могут быть культурно маркированными, т.е. иметь ассоциативные связи с каким-то объектом, явлением или ситуацией, которые возникают у носителей языка. Ассоциации могут носить и индивидуальный характер, т.е. возникать у конкретного человека (например, переводчика) на основе его предшествующего опыта, что может оказывать влияние на перевод. Л. М. Алексеева и Ю. С. Черникова отмечают, что в художественной литературе одоремы (лексемы, выражающие запахи) могут носить символический характер [Алексеева 2016: 124], а конвенциональность часто носит культурно-специфический характер. Культура оказывает влияние и на вкусовое восприятие, поскольку задает представления о «вкусном» и «неприятном на вкус». Кроме того, один и тот же вкус, например, лакричный, может восприниматься носителями разных культур как сладкий, пряный или соленый [Пироговская]. Данные факторы требуют особого внимания в переводе.

Следует подчеркнуть, что звуковая сторона окружающего мира воспринимается по-разному представителями различных культур. Это отмечает и А. Н. Варламов, обращая внимание на то, что на особенности звукового восприятия окружающего мира влияют способности,

приобретенные в течение жизни и обусловленные историческим опытом этноса, окружающей средой и образом жизни индивида [Варламов, 2009]. Близость повседневной жизни народа к естественным природным условиям оказывает влияние на полноту и остроту звукового восприятия мира, поскольку именно практический жизненный опыт лежит в основе различий в восприятии звукового мира [Варламов, 2009].

Различия в восприятии звуковой стороны окружающего мира представителями разных культур наблюдаются среди прочего и благодаря тому, что распознавание звуков происходит в том числе и путем «сличения с эталонами, хранящимися в отделах памяти» [Пашинина 2016: 99]. Очевидно, что жители разных регионов обладают разным набором таких «эталонов», т.е. системой звуков, которые являются для них знакомыми, которые они могут должным образом интерпретировать и которые могут вызывать определенные ассоциации. В понимании окружающего мира значительное место занимают звуки, знакомые с детства. Так, жителям северных регионов известно, как звучит хруст снега под ногами, треск деревьев на морозе или звук разламывающейся под подошвой сапога ледяной корочки на поверхности лужи. Звучание этой музыки природы может говорить жителям северных стран о холодной погоде, в то время как у жителей южных стран такие звуки могут не вызывать «холодных» ассоциаций, т.к. они не имеют соответствующих «эталонов».

Важное место в культуре некоторых народов занимают приметы, основанные на звуковых сигналах. Например, в некоторых культурах народов Сибири звон колец тагана предвещал появление гостя, с криками различных птиц были связаны многочисленные метеорологические приметы, а крик совы, считался дурным предзнаменованием [Новик 1999: 217]. Как отмечает Е. С. Новик, «звук, подвергаемый интерпретации, воспринимается как своего рода «жест» в интеракционном понимании этого слова» [Новик 1999: 217], а язык жестов может характеризоваться ярким культурным колоритом.

Вопросами передачи в процессе перевода звуков, издаваемых человеком, и звуков природы занимались такие исследователи, как Е. А. Титова [Титова 2006], Н. С. Братчикова [Братчикова 2022], З. И. Чале и Т. А. Герасимова [Чале 2023]. Ученые отмечают, что звукоизобразительные приемы производят прагматическое воздействие на реципиента, вызывая у него определенные эмоции [Титова 2006]. При этом элементы звукоподражаний могут находить различные средства реализации в разных языках [Чале 2023: 158], что требует особого внимания к звуковой стороне текста в переводе. Н. С. Братчикова отмечает, что при переводе определенных звучаний с финского языка на русский используются сходные фонетические средства, но объемы значений ономотопей не имеют полного соответствия [Братчикова 2022: 156].

Одно и то же явление или характеристика человека, предмета, явления могут восприниматься в разных культурах через разные модусы восприятия. Так, в русском языке неопытность молодого человека воспринимается ольфакторно через запах пороха (еще пороха не нюхал), а надвигающаяся опасность – через запах жареного (запахло жареным). В то время как в корейском языке неопытность воспринимается зрительно (мориэ пхидо марыджи анта (букв. на голове кровь еще не высохла) [Пак Сон 2009: 32], так же как и опасность (ильчхукчыкпаль (букв. если тронешь, то взорвётся) [Пак Сон 2009: 33].

При осуществлении перевода важно учитывать особенности восприятия различных температурных режимов. Так, в некоторых языках (английский, шведский и др.) можно выделить шесть и более сравнительно часто употребляемых температурных прилагательных и несколько прилагательных, которые употребляются реже, в то время как в других языках таких прилагательных может быть всего лишь два [Kortjevskaja-Tamm 2015 (A): 190]. Например, в языках северной части Вануату наблюдается вербализация оппозиции «горячий – холодный», но отсутствуют лексические единицы для описания экстремальных температур,

а также описания нюансов высоких и низких температур, таких как теплый, прохладный и т.п. [François 2015: 848]. Языки могут различаться не только разным количеством температурных прилагательных, но и характеристиками данных прилагательных. Так, в большинстве языков можно выделить температурные прилагательные, которые используются для описания всех типов температур, а именно температуры окружающей среды, температуры предмета и интероцептивных ощущений человека. В разных языках количество таких прилагательных будет различным. Например, в финском языке таких прилагательных три (*kylmä* 'холодный', *lämmin* 'теплый', *kuuma* 'горячий/жаркий') [Nikunlassi 2015: 11], в русском только два (*теплый* и *холодный*, в то время как *горячий* не используется для описания температуры окружающей среды, а *жаркий* – для описания температуры предметов), а в некоторых языках таких прилагательных вообще не существует, потому что каждое из прилагательных используется для описания только одного типа ощущений. [Lockwood 2015: 712]. Например, из двух прилагательных со значением «холодный» одно может использоваться только для описания тактильных ощущений, а другое для описания температуры окружающей среды и интероцептивных ощущений [François 2015: 848].

Лед в русском языке имеет устойчивые ассоциации с холодом. О холодном предмете говорят: *Он прямо как лед. Он холодный как лед.* Метафорически характеризуют таким же образом и незмоционального человека, перенося температурную характеристику на его эмоциональную сферу. В арабском языке выражение /ābrd mn āṭ'l'ğ/ 'холоднее льда' служит для обозначения глупого человека, поскольку в восприятии льда на первый план выходит не его низкая температура, а его неподвижность [Jabber 2020: 49]. Именно данное качество переносится на когнитивную сферу человека. Это подтверждается наличием в арабском языке еще одного устойчивого выражения о глупом человеке: /ābrd mn lyāāly ālšt/ 'холоднее, чем зимняя ночь'. Это, в принципе, вполне логично. Ночью снижается температура воздуха, а значит, снижается и активность человеческой деятельности [Jabber

2020: 49]. Таким образом, низкая температура ассоциируется в арабском языке с неподвижностью ума и глупостью.

Особенности перцептивного восприятия в разных лингвокультурах можно проследить в научных исследованиях, посвященных исследованию перцептивных существительных [Strik 2015], глаголов [Tries 2010; Viberg 2015; van Putten 2020; Norcliffe 2024] и прилагательных [Kholkina 2016; Shimotori 2022; Valiuliené 2024]. Ученые исследуют специфику сенсорного мира представителей разных лингвокультур и его отражение в языке.

Исследование лингвосенсорного аспекта вербализации ощущений позволяет не только выявить особенности сенсорного восприятия мира носителями другого языка, но и способствует более полному пониманию лингвосенсорных особенностей родного языка. Знание и учет культурно обусловленного сенсорного восприятия мира является необходимым условием не только для понимания текста оригинала, но и для передачи его содержания на другой язык в процессе перевода. Перед переводчиком в процессе перевода стоит непростая задача, которая включает в себя не только адекватную интерпретацию сенсорной информации исходного текста, выявление всех перцептивных ассоциаций, заложенных автором в тексте оригинала, но и обеспечение их адекватной и точной передачи в переводе. Это позволяет реципиенту перцептивно получить информацию оригинала в полном объеме с сохранением отдельных национально-специфических нюансов.

1.3.3 Роль переводческой личности в передаче сенсорных ощущений

Интегративное переводоведение дает возможность посмотреть на переводчика как на центральный элемент процесса перевода, а сам процесс перевода оценивать как «разновидность когнитивной деятельности переводчика с учетом креативности его языковой личности, а также целого комплекса факторов, определяющих и сопровождающих переводческий

процесс» [Поликарпов 2012: 277], т.е. осуществить «очеловечивание» процесса перевода [Поликарпов 2012: 278].

На процесс и особенно результат перевода большое влияние оказывает языковая личность переводчика, которая определяется как «личность, обладающая чувством принадлежности к определенному языку и культуре через знакомство с другими языками и культурами и способная транслировать этот язык и культуру при помощи различных переводческих техник и приемов» [Грязнова 2022: 49]. Наличие коллективного и индивидуального компонентов в структуре языковой личности отмечают многие исследователи [Серебрякова 2007: 30; Волкова 2012: 198; Кушнарера 2018].

Структура языковой личности переводчика включает в себя компетенции, представленные в Таблице 3.

Таблица 3. Компетенции в структуре языковой личности переводчика

Компетенция			Содержание
Билингвальная	Коммуникативная	Языковая	Уверенное владение контактирующими языками, знание всех уровней и жанрово-стилистических норм данных языков.
		Речевая	Совокупность речевых умений, необходимых для осуществления коммуникации и обеспечивающих не только восприятие и порождение текстов во время естественного общения, но и «фазу «перекодировки» в условиях устного или письменного перевода» [Кушнарера 2018: 304].
	Социокультурная		Знания о культуре страны и ее социокультурных особенностях коммуникации, специфике речевого и неречевого поведения носителей языка в различных социокультурных ситуациях [Кушнарера 2018: 305], а также осознание того, что родная культура оказывает влияние на миропонимание переводчика, предоставляя модели восприятия и интерпретации [Zalevsky 2010: 210].

Прагматическая	Распознавание степени воздействия текста оригинала на его реципиентов и выбор соответствующих приемов для обеспечения эквивалентного воздействия на адресатов текста перевода по сравнению с действием текста оригинала [Кушнарева 2018: 305].
Трансфертная	Усвоение переводчиком транслятологического опыта [Поликарпов 2013: 10].
Поисковая	Извлечение и систематизация информации из различных источников, а также квалифицированное определение их ценности для реализации переводческих стратегий [Поликарпов 2013: 10].
Психофизиологическая	Сформированность психофизиологических механизмов для эффективного осуществления переводческой деятельности [Вербицкая 2010: 17], а также индивидуальные особенности переводчика, отражающие особенности его личности и включающие в себя, в том числе познавательный, сенсорный, эмотивный и т.п. опыт.
Предметно-специальная	Знания в специальной области перевода и различия в языке оригинала и перевода в этой области [Zalevsky 2010: 118]
Эстетическая	Развитие интереса к творческой деятельности, навыки и способности понимать произведения искусства, а также создавать творческие работы на достаточно высоком эстетическом уровне, развитие эстетического вкуса и устремлений к эстетическому созиданию окружающего мира и действительности [Гребеник 2018: 77].

Наряду с понятием «личность переводчика» следует рассмотреть также и понятие «переводческая личность», которую А. В. Ананьина определяет как «совокупность личностных и социальных характеристик, которые в процессе учебной, квазипрофессиональной и профессиональной переводческой деятельности раскрывают индивидуальное начало переводчика и отличают его от других субъектов переводческой деятельности» [Ананьина 2019: 390]. Ученый отмечает, что наличие переводческой личности указывает на «принадлежность к переводческому сообществу, но только в качестве одного из многих подобных субъектов»

[Ананьина 2019: 390], в то время как личность переводчика определяет его индивидуальность [там же]. Это создает определенное противоречие, которое обусловлено характером самой деятельности переводчика, в которой он выступает и как медиатор, и как соавтор переводного текста. С одной стороны, ему необходимо сократить до минимума влияние своей личности на результат перевода, ведь передача языковой личности автора является одним из признаков мастерства переводчика. С другой стороны, переводчик не машина, лишенная чувств и ассоциаций, что находит свое отражение в переводе – творческом процессе, предполагающем определенную степень креативности и личностный характер.

Текст оригинала является воплощением фрагмента языковой картины мира его автора и отражает авторскую систему мировосприятия [Рыжикова 2018: 510]. Знакомясь с исходным текстом, обычный читатель и переводчик воспринимают его по-разному: читатель стремится понять его «для себя», а переводчик – «для другого» [Захарова 2019: 196]. А. Ю. Ивлева отмечает, что успешность перевода зависит, в том числе, и от учета переводчиком фактора адресата, например, его фоновых знаний, объем которых определяет восприятие адресатом символа текста [Ивлева 2016: 53]. Следует согласиться и с тем, что переводчик осуществляет перевод, «исходя из своего субъективного видения различий между адресатом текста оригинала и адресатом текста перевода» [Ивлева 2016: 54], стремясь к тому, чтобы оказываемое на адресата перевода коммуникативное воздействие соответствовало «коммуникативной интенции автора оригинала и, соответственно, его коммуникативным ожиданиям» [Ивлева 2016: 54].

Важность влияния культурного фактора на процесс перевода и личность переводчика подчеркивает Т. А. Казакова, отмечая, что дистанцированность исходной и целевой культур, а также культура, в которой формировался переводчик, оказывают влияние на перевод [Казакова 2018: 211]. Переводчик должен не только уметь видеть и понимать другую культуру через призму своей собственной культурной идентичности, но и

«показывать это умение посредством своей профессиональной деятельности носителям переводящего языка» [Зиангирова 2022: 52]. Это предполагает наличие в сознании переводчика социокультурного портрета страны переводного языка [Кушнарера 2018: 306], то есть знание национальной ментальности носителей переводного языка, форм их вербального и невербального поведения, этикет, достижений науки и искусства, истории, фольклора и т.п.

Переводчик занимает уникальное место в цепочке «автор – читатель», выступая как реципиент текста оригинала и автор текста перевода. При этом перевод характеризуется субъективностью и зависит от индивидуальных особенностей языковой личности переводчика [Зиангирова 2022: 51]. Это подтверждает и Т. А. Волкова, отмечая, что знание значений единиц исходного текста и общие знания о мире обуславливают инвариантность понимания исходного текста различными переводчиками, в то время как различия в индивидуальных фоновых знаниях и субъективных представлениях приводят к вариативности понимания текста [Волкова 2012: 195], поскольку интерпретации переводчика обусловлены его индивидуальной ассоциативно-образной системой [Рыжикова 2018: 512].

Важность личностных характеристик переводчика отмечает и Т. Г. Пшенкина, указывая на то, что «для интерпретирующего знаковая реальность, создающая знание об объекте, т.е. значение, конституируется не только набором потенциально присущих объекту признаков, а актуальными для индивида фрагментами опыта. В речевом общении языковые знаки, чаще всего выступающие ориентирами, опорами для доступа к образу мира, обеспечивают его лишь во взаимодействии с другими психическими процессами: памятью, мышлением, восприятием, чувствами, волей и т.д.» [Пшенкина 2014: 54-55]. Так, в процессе понимания текста оригинала в сознании переводчика возникают конвенциональные концепты-понятия, которые взаимодействуют с его фоновыми знаниями и знаниями контекста, что приводит к актуализации субъективных концептов [Волкова 2012: 194].

Интерпретация переводимого текста и его передача средствами языка перевода происходит с учетом знаний и опыта переводчика, его образа мира в целом [Леонтьева 2022: 130]. Любая информация, проходя через индивидуальное сознание переводчика, сохраняет признаки его индивидуальности, приводя к неидентичности информации на входе и на выходе [Захарова 2019: 196]. Каждый переводчик уникален, так как обладает собственным опытом, идиолектом и набором предпочтений, что находит отражение в стиле перевода [Захарова 2019: 199].

На результат перевода оказывают влияние и используемые переводчиком стратегии и тактики перевода. В данном исследовании в качестве текстов переводов отбирались тексты, демонстрирующие использование стратегии коммуникативно-равноценного перевода, предполагающей передачу интенции автора текста-оригинала в тексте перевода [Sdobnikov 2012: 862]. Характеризуя стратегию коммуникативно-равноценного перевода, В. В. Сдобников выделил следующие тактики: тактика точной и полной передачи информации, тактика экспликации имплицативной информации, тактика стилистической адаптации, тактика прагматической адаптации [Sdobnikov 2012]. Передача перцептивной информации в переводе также, скорее всего, требует использования определенных тактик, которые, однако, на данный момент подробно учеными не рассматривались.

А. М. Поликарпов отмечает «многоканальность» профессионального мышления переводчика, когда во время перевода происходит взаимодействие разных видов мышления (теоретического и практического, репродуктивного и продуктивного (творческого), наглядно-образного и словесно-логического, наглядно-действенного и аналитического), причем сознательные ментальные действия могут осуществляться с интуитивным мышлением, характеризующимся минимальной осознанностью [Поликарпов 2018: 238]. Т.В. Франтова отмечает, что человеческий мозг имеет «незаурядный потенциал синхронизации мыслительных потоков» [Франтова 2012: 281],

способности выполнять несколько задач. Такая «полифоничность мышления» [Франтова 2012: 286] отличает и деятельность переводчика. Причем «переводческое мышление может быть объяснено в достаточной степени лишь посредством выявления взаимосвязей между сознанием, физическим телом человека и окружающими его артефактами, а также взаимоотношений с другими индивидуумами» [Поликарпов 2018: 240]. Особое внимание следует уделить творческому началу переводческой деятельности и эвристическим способностям переводчика, а именно его лингвокреативной деятельности, в основе которой лежит «когнитивная способность человека творчески реконструировать старые и порождать новые ментальные структуры» [Лузина 2008: 45]. Важность формирования профессионального переводческого мышления отмечает В. В. Сдобников [Сдобников 2024: 224].

Важным при рассмотрении переводческой личности представляется выделение различных типов экстралингвистических знаний, которые задействуются в процессе перевода и также являются индивидуальной характеристикой переводчика. В частности:

- «когнитивный багаж»: концептосфера человека, отражающая общую культуру человека и знания, накопленные им в процессе жизни;
- «когнитивный контекст»: знания, полученные при восприятии текста оригинала и добавляемые к когнитивному багажу;
- «когнитивные дополнения»: собственные идеи, появляющиеся в процессе предпереводческого анализа текста оригинала, создания текста перевода и его редактирования [Бодрова-Гоженмос 2002: 13].

При передаче сенсорной информации в переводе важным является собственный опыт переводчика: испытывал ли он сам описываемые ощущения; наблюдал ли за поведенческими особенностями людей и животных, испытывающих описываемые ощущения; знакомы ли ему ассоциации, вызывающие те или иные ощущения; имел ли он личный положительный или отрицательный опыт появления тех или иных

ощущений; владеет ли он потенциально инвентарем разнообразных лексических единиц для описания ощущений и др.

Мастерство переводчика сродни мастерству актера, так как и тот, и другой берут авторский текст и представляют его так, будто он принадлежит им, неизбежно добавляя в него свои собственные элементы. Причем чем лучше и тот, и другой «вживутся в роль», тем лучше им удастся передать интенции автора, в том числе и особенности представленной в тексте сенсорной информации. Успешность перевоплощения как актера, так и переводчика во многом зависит от полученного жизненного опыта. Как актеру легче сыграть эмоции и ощущения, которые он уже испытывал, так и переводчику легче вербализовать то, что он ощущал и наблюдал. Как актер, так и переводчик имеют право на определенную степень «вольности», которая в случае с переводчиком зависит от жанра переводимого текста, цели перевода, социального заказа на перевод, ценностной ориентации переводчика и его представления об эстетических идеалах [Волкова 2012: 198]. Как в театре спектакль и исполняемая роль накладывают определенные ограничения на игру актера, так и дискурс, к которому принадлежит переводимый текст, оказывает влияние на деятельность переводчика и принимаемые им решения, используемые им тактики. И всегда следует помнить, что как от интерпретационной активности актера зависит мнение зрителя о том или ином герое, так и от мастерства переводчика зависит мнение читателя не только о произведении-оригинале, но и об авторе этого текста.

1.3.4 Лексикографический, метеорологический и художественный дискурсы как пространство для исследования вербализации восприятия холода и возможностей ее передачи в переводе

Дискурс как «фрагмент лингвокультурной реальности конкретного языкового сообщества, опирающийся на сложную систему традиций, обычаев, обрядов, написанных правил, задающий параметры порождения и

интерпретации любого социально значимого поведения человека, в том числе и его речевых произведений» [Радченко 2009: 61] является «не статистическим лоскутом экзистенциального пространства языкового коллектива» [Радченко 2009: 61], а «живой прецедентностью» коммуникации, подвергающейся постоянным изменениям под воздействием множества переменных» [Радченко 2009: 61]. Комплексное рассмотрение феномена холода в ракурсе дискурсивности предполагает его описание сразу в нескольких дискурсах для выявления особенностей вербализации восприятия холода в различных сферах и под влиянием различных факторов. Восприятие холода исследуется на материале лексикографического, метеорологического и художественного дискурсов, что позволит наиболее полно рассмотреть его вербализацию с лингвокультурологической, коммуникативно-прагматической и лингвостилистической позиций.

В лингвокультуре любого языка при восприятии холода находят свое отражение мировоззренческие взгляды носителей соответствующей картины мира, что фиксируется в лексикографическом дискурсе – «виде научного дискурса, который реализуется в словарях, учебниках, научных трудах по лингвистике, и в частности в таких ее разделах, как лексикология, лексическая семантика, лексикография и др.» [Архипова 2022: 134]. А. М. Плотникова определяет лексикографический дискурс как тип коммуникативного взаимодействия, в котором для достижения объяснительного эффекта значения слов отображаются как «кванты знаний» о мире [Плотникова 2014: 22].

Двуязычная лексикография призвана устанавливать и фиксировать эквивалентные отношения элементов языков [Девель 2011: 26], а также определять критерии выбора вариантов перевода в случаях взаимного несоответствия языков. Таким образом, дискурс двуязычных словарей позволяет выявить особенности концептуализации и вербализации, например, холода представителями разных культур. Репрезентация лексического состава языка предполагает проникновение в культуру народа,

понимание особенностей его мировостриятия, поскольку внеязыковая действительность находит отражение в словах [Жунусова 2009: 358].

Основной составляющей лексикографического дискурса является словарная статья, дающая определение лексической единицы [Rezunova 2018]. Словарная статья представляет собой текст, в котором находит свою реализацию как семантическая, так и прагматическая информация (например, отношение автора словаря к толкуемому слову) [Резунова 2008: 191]. При толковании значения лексической единицы автор словарной статьи опирается на знания носителей языка об описываемом объекте действительности [Плотникова 2014: 24], поэтому анализ статей помогает выявить важные для них признаки данного объекта.

В ходе исследования вербальной передачи ощущений холода в финском и русском лексикографических дискурсах, а также в финско-русском и русско-финском лексикографических дискурсах использовались три группы словарей:

1. финноязычные словари: Suomen kielen perussanakirja (SPS), состоящий из 3 частей (O1 - часть 1, O2 - часть 2, O3 - часть 3) [SPS 1996], Suomen kielen sanakirja ulkomaalaisille [Nurmi 1999], Suurella sydämellä ihan sikana. Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja [Muikku-Werner 2008], Suomisanakirja [suomisanakirja], Sananlaskut [Sananlaskut 1997].

2. двуязычные русско-финские, финско-русские словари: Вахрос И. Щербаков А. Большой финско-русский словарь (под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало) [Вахрос 2001], Новый большой русско-финский словарь (под ред. М.Э. Куусинена) [Куусинен 2002].

Финноязычные и двуязычные переводные словари использовались для осуществления сплошной выборки лексических единиц, используемых для вербализации холода в финском языке и их эквивалентов в русском языке. При этом сплошная выборка единиц, передающих в вербальном виде ощущения холода, проводилась с учетом классификации данных лексических

единиц по модусам восприятия, а внутри каждого модуса по частям речи и, где это необходимо, по тематическим группам.

3. русскоязычные словари: Новый объяснительный словарь русского языка (под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна) [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2003], Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой [Словарь русского языка 1999], Современный толковый словарь русского языка [Ефремова 2006], Толковый словарь русского языка под ред. Д. В. Дмитриева [Толковый словарь русского языка 2003], Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова [Толковый словарь Ушакова], Фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Федорова [Федоров 2008], «Энциклопедия народной мудрости. Пословицы поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения» [Уваров 2009].

Толковые, объяснительные и фразеологические словари русского языка использовались в ходе исследования для уточнения значений лексических единиц и выражений, передающих семантику холода, с целью поиска соответствий в переводе.

Важным ресурсом в исследовании вербализации холода является метеодискурс, под которым вслед за О. Н. Бычковой будем понимать «тематически обусловленное коммуникативное пространство, представленное как в устной форме, так и письменной, в неразрывной связи с ситуативным контекстом погодно-климатической реальности, воспринимаемой в совокупности с социальными, культурными, идеологическими, психологическими и другими факторами, а также с учетом коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, вербализируемых соответствующими разноуровневыми языковыми единицами» [Бычкова 2024: 11]. Для проведения анализа метеорологического дискурса на наличие вербальной передачи ощущений холода производился отбор метеорологических медиатекстов в электронной версии газеты «Iltalehti» (www.iltalehti.fi), а также на сайте метеорологической службы

Foreca (www.foreca.fi). Была собрана обширная подборка из 78 метеотекстов, содержащих вербализацию ощущений холода. В ходе исследования они использовались для выявления характерных особенностей метеотекстов, в которых содержится описание холода, в том числе, функционирования определенных лексем, появления лингвокреатом и т.д.

Важным источником примеров в контексте исследования вербализации холода и ее передачи в переводе является художественный дискурс, определяемый как совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора и реципиента посредством художественного текста, с учетом факторов порождения и восприятия этих высказываний [Фещенко 2021: 30]. Анализ данного дискурса с целью установления возможностей передачи ощущений холода и их отражения в переводе на русский язык проводился с использованием двух параллельных финско-русских корпусов текстов (ParFin2016 и параллельный финско-русский корпус на сайте Национального корпуса русского языка), а также произведений художественной литературы и их переводов на русский язык, которые не включены в данные корпусы.

Корпус ParFin2016 содержит тексты литературных произведений финских писателей и их переводов на русский язык. В него включены 18 литературных произведений 15 авторов. Используемые в ходе исследования произведения и их переводы, включенные в корпус, представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Произведения и их переводы, включенные в корпус ParFin2016

Автор	Название произведения-оригинала	Переводчик	Название текста перевода
Haahtela Joel	Perhoskerääjä	И. Прилежаев	Собиратель бабочек
Hotakainen Kari	Juoksuhaudantie	И. Урецкий	Улица Окопная
Katz Daniel	Kun isoisä Suomeen hiihti	В. Смирнов	Как мой прадедушка на лыжах прибежал в Финляндию
Krohn Leena	Ihmisen vaatteissa	А. Сидорова	В одежде человека

Lehtolainen Leena	Harmin paikka. Ensimmäinen murhani.	Т. Мельник	Змеи в раю. Мое первое убийство
Linna Väinö	Tuntematon sotilas	В. Смирнов, И. Марцина	Неизвестный солдат
Mäkelä Hannu	Pekka Peloton	Э. Иоффе	Бесстрашный Пекка
Oksonen Sofi	Puhdistus	Т. Джафарова- Виитала	Очищение
Rimminen Mikko	Pussikaljaromaani	А. Сидорова	Роман с пивом
Sillanpää Frans Emil	Ihmiset suviyössä	Г. Муравин	Люди в летней ночи
Sinisalo Johanna	Ennen päivänlaskua ei voi	Л. Виролайнен	Тролль
Tuuri Antti	Joki virtaa	Г. Муравин, Е. Каменская	Река течет через город

Параллельный финско-русский корпус на сайте Национального корпуса русского языка включает в себя художественные, публицистические и научные тексты. Хронологический период корпуса начинается с 1880-х годов, поэтому он включает в себя и произведения финских классиков. [Сичинава 2019: 45]. Используемые в ходе исследования произведения и их переводы, включенные в данный корпус, представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Произведения и их переводы из параллельного финско-русского корпуса на сайте Национального корпуса русского языка

Автор	Название произведения-оригинала	Переводчик	Название текста перевода
Toivo Flink	Kotiin karkotettavaksi – Inkeriläisen siirtoväen palautukset Suomesta Neuvostoliittoon	Я. Лапатка	Домой в ссылку: Возвращение ингерманландских эмигрантов из Финляндии в Советский Союз 1944-1955 гг.
Aleksis Kivi	Seitsemän veljestä	Э.Карху	Семь братьев
Ilmari Kianto	Punainen viiva	В. Смирнов	Красная черта
Hella Wuolijoki	Enkä ollut vanki. Tuokiokuvia vankilasta	Т. Викстрем	Нет, я не была узницей

В дополнение к текстам, включенным в приведенные выше корпуса, использовались следующие художественные произведения и их переводы: роман Розы Ликсом (Rosa Liksom) «Hytti nro 6» (Купе № 6, перевод А. Сидоровой), сказка Захариуса Топелиуса (Zacharius Topelius) «Sampo Lappalainen» (Сампо Лопаренок, перевод Л. Брауде), а также произведение Алексантери Ахола-Вало (Aleksanteri Ahola-Valo) «Koulupojan päiväkirja» («Дневник школьника»), перевод микроконтекстов которого осуществлен автором исследования.

В ходе исследования методом сплошной выборки проводился отбор микроконтекстов на финском языке, содержащих ощущение холода, и их переводов на русский язык. Также проводился контекстологический, интерпретационный, сравнительно-сопоставительный и смысловой анализ данных микроконтекстов с целью определения лингвосенсорных особенностей текста оригинала, выявления возможностей передачи данных особенностей текста перевода, фиксирования несоответствий сенсорной информации в текстах оригинала и перевода, а также выяснения возможных причин данных несоответствий.

Выводы по главе 1

Холод является важным элементом жизни представителей северных стран и северных регионов нашей страны, неотъемлемой составляющей мировосприятия человека. Изучение особенностей вербализации холода на материале различных видов дискурса может способствовать лучшему пониманию сенсориума представителей разных культур.

Анализ научных трудов отечественных и зарубежных ученых, выполненных в русле традиционных лингвистических подходов к описанию холода в языке и речи, таких как лингвокультурологический, коммуникативно-прагматический и лингвостилистический, демонстрирует особое внимание к явлению холода в его ментально-вербальной презентации.

Обзор отечественных и зарубежных исследований, посвященных восприятию холода в различных лингвокультурах, показывает как сходства, так и расхождения в ментально-вербальном отражении ощущений холода представителями разных культур. В различных лингвокультурах возникают и бытуют как общие, так и культурно-маркированные представления о холоде, зимних природных явлениях, холодных регионах, мифологических существах и литературных персонажах, напрямую связанных с холодом. Холод может характеризоваться наличием ассоциативных связей и определенной эмоциональной составляющей, которые имеют культурно-специфическую маркированность. Данные факторы оказывают влияние на вербализацию холода в языках и на особенности ее передачи в процессе перевода.

Помимо лингвокультурологических факторов передача вербализации ощущений холода в переводе требует учета прагматических составляющих коммуникации. «Холодные» лексические единицы могут быть связаны с приятным и неприятным воздействием холода на организм человека. Образ холода может использоваться не только для описания соответствующих ощущений, но и передавать эмоциональное состояние человека. Холод часто ассоциируется с состоянием отчаяния, одиночества, душевной пустоты и безэмоциональностью. Проведенный анализ научных трудов и других источников показывает связь холода с сыростью, ветром, темнотой, страхом, голодом и смертью. Текст, содержащий описание холода, может дополняться иллюстративным материалом, связанным с вербальным компонентом общения, а в устной коммуникации требуется учет невербальной составляющей.

Вербальная передача сенсорной информации предполагает использование различных стилистических приемов, которые являются эффективными именно в передаче данной информации: тропеические приемы (метафора, метонимия, гипербола и др.), дубль-приемы (повтор), парадокс-приемы (окказионализмы, оксюмороны и др.),

«кинематографические приемы» (быстрая смена кадров, подключение «звуковой дорожки» (ономатопея, аллитерация), синхронность перцепции, стоп-кадр).

Приемы усиления сенсорики являются одним из предметов изучения лингвосенсорики, относительно молодой отрасли лингвистики, занимающейся языком перцепции, т.е. особенностями вербализации экстероцептивных (зрительного, слухового, осязательного, обонятельного и вкусового модусов), интероцептивных (обусловленных процессами во внутренней среде организма) и прориоцептивных (кинестетических) ощущений. Если ощущение характеризуется наличием ведущего перцептивного модуса, то восприятие является полимодальным и во многом зависит от предыдущего перцептивного опыта человека.

Одной из ключевых особенностей холода является его субъективный характер, связанный, прежде всего, с индивидуальными порогами восприятия и возможностями адаптации организма. Определенной мерой субъективности характеризуется и вербализация ощущений холода, особенно интероцептивных.

В последнее время заметно возрастает интерес к исследованию вербализации холода, появляются именно лингвосенсорные исследования, посвященные восприятию холода. Однако обзор научных исследований, проводимых в данном ракурсе, показал, что они проводятся в основном не в сравнительно-сопоставительном или переводческом аспектах.

Изучение вербализации холода в тексте оригинала и ее передачи в процессе перевода требует комплексного подхода. С этой точки зрения важным является реализация принципа интегративности, поскольку именно он позволяет обеспечить комплексное рассмотрение передачи холода в переводе. Интегративный подход к рассмотрению процесса перевода позволяет учитывать влияние на перевод таких аспектов, как личность переводчика, стратегии и тактики перевода, лингвокультурные,

семиотические, психологические и многие другие факторы, а также чувственный опыт реципиента.

Анализ научных трудов, связанных с перцептивными картинами мира в разных лингвокультурах, позволяет установить сходства и различия в сенсориуме носителей языков. В каждой культуре выделяются культурно-маркированные ассоциации и коннотации, которые являются естественной составляющей данной культуры и обнаруживаются при соприкосновении с другой культурой. Восприятие цвета, запаха, вкуса и звука – культурно специфично, что находит отражение в восприятии окружающего мира носителями разных языков и требует учета в переводе.

Для исследования лингвосенсорики холода важными представляются лексикографический, метеорологический и художественный дискурсы, позволяющие комплексно посмотреть на вербализацию холода с разных сторон. Лексикографический дискурс позволяет системно рассмотреть лексические единицы, связанные с восприятием холода, что дает возможность составить представление о лингвосенсорной репрезентации холода в финском языке. Метеорологический дискурс позволяет обратить особое внимание на коммуникативно-прагматические аспекты вербализации холода, поскольку в данном дискурсе важное значение имеет прагматическая составляющая текста. Художественный дискурс позволяет более внимательно рассмотреть стилистическую составляющую в описании холода, а также дает возможность исследовать субъективный (авторский и переводческий) взгляд на холод и его передачу средствами языка.

ГЛАВА 2. Экстероцептивные ощущения холода: перцептивные модусы восприятия в оригинале и переводе

2.1 Вербализация экстероцептивных ощущений холода в исходном тексте и сохранение ведущего перцептивного модуса в тексте перевода

2.1.1 Доминирование осязательного модуса

В ходе данного исследования был проведен анализ лексикографических источников финского языка, в результате которого были выделены лексемы, относящиеся к разным частям речи, которые используются для вербализации ощущений холода осязательного модуса. К существительным с обобщенным значением «отсутствие или недостаточное количество тепла» относятся kylmä (холод, стужа), kylmyys (холод, стужа), pakkanen (мороз), viileys, (прохлада, свежесть, холод), vilpoisuus (свежесть, прохлада). Определения данных существительных представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Существительные, используемые для вербализации ощущения холода осязательного модуса

Существительное	Определение
Kylmä	Kylmyys, kylmä ilma (холод, холодная погода) [Nurmi 1999: 422].
Kylmyys	<u>Lämmön</u> puute, esimerkiksi kylmän ilman, nesteen tai esineen ominaisuus (недостаток тепла, например, свойство холодного воздуха, вещества или предмета) [suomisanakirja].
Pakkanen	Säätila, jossa lämpötila on veden jäätymispisteen alapuolella (погода, характерной чертой которой является температура ниже температуры замерзания воды) [suomisanakirja]; ilman lämpötilasta, joka on alle 0°C; vars. hyvin kylmä sää (о температуре воздуха ниже 0°C, особ. очень холодная погода [SPS O2 1996: 395].
Viileys	Se, että on viileä (когда прохладно) [suomisanakirja], при этом прилагательное viileä определяется как lämpötilasta: kylmähäkö, vilpoinen (о температуре: довольно холодный, прохладный) [SPS O3 1996: 551].
Vilpoisuus	Se, että on vilpoinen (когда прохладно) [suomisanakirja], при этом прилагательное vilpoinen определяется как raikkaan viileä (свежий и прохладный) [SPS O3 1996: 563].

В словарях также зафиксированы существительные *koleus* [Вахрос 2001: 249; SPS O1 1996: 517] и *kalseus* [SPS O1 1996: 380] для обозначения холода в отношении погоды и температуры воздуха в помещении, которые являются производными от прилагательных *kolea* и *kalsea*, а также существительное *raikkaus* (свежесть) [Вахрос 2001: 513], производное от прилагательного *raikas* (свежий).

Приведенные выше существительные можно разделить на 2 группы:

1) существительные, обозначающие низкую температуру, которую трудно выносить без принятия дополнительных мер: *kylmä*, *kylmyys*, *pakkanen*, *koleus*, *kalseus*;

2) существительные, обозначающие достаточно низкую температуру, при которой человек, однако, чувствует себя довольно комфортно или переносит ее без особых усилий: *viileys*, *vilpoisuus*, *raikkaus*.

Согласно исследованным дефинициям существительные *kylmä*, *kylmyys*, *viileys* и *vilpoisuus* используются для описания более субъективного ощущения холода, так как не связаны с точной температурой воздуха. Они вербализуют субъективное ощущение недостатка тепла, которое может возникать при температуре как ниже, так и выше нуля. Существительное *pakkanen*, в свою очередь, указывает на температуру ниже нуля.

Субъективность восприятия холода как приятного, так и неприятного ощущения может также различать указанные выше существительные. Так, *vilpoisuus* всегда предполагает приятные ощущения, в то время как *viileys*, *kylmä* и *pakkanen* могут вызывать как приятные, так и неприятные ощущения. В русском языке для номинации сильного холода или мороза, вызывающего неприятные ощущения, используется лексема *стужа* [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2003: 1242]. В финском языке эквивалента этому существительному не существует. Согласно «Большому русско-финскому словарю» лексема *стужа* может переводиться на финский язык и как *kylmä(t)*, и как *pakkanen* [Куусинен 2002: 1322]. В финском языке существует также композитное образование *tulipalopakkanen*

(букв. пожарный мороз), которое определяется в словаре «Suomen kielen perussanakirja» как *ankara pakkanen* (сильный мороз) [SPS ОЗ 1996: 347]. Существует две версии происхождения данной лексемы. Согласно первой в сильные морозы людям приходилось больше топить печи, что могло приводить к большему числу пожаров. В основе второй версии лежит сходство ощущения (жжения) на коже, которое возникает при воздействии огня и сильного холода [Ollonqvist 2024].

В отличие от лексем *vilpoisuus*, *viileys*, *kylmä* и *kylmyys*, которые используются для описания низкой температуры, как в помещении, так и снаружи, лексема *pakkanen* используется только для описания температуры на открытом воздухе. Однако в словосочетании *X astetta pakkasta* (X градусов мороза) *pakkanen*, указывая на температуру ниже нуля, может использоваться для описания температуры и в помещении.

В финском языке возможно создание композитных образований, первым компонентом которых является морфема *pakkas-*, образующая лексему *pakkanen* (мороз): *pakkasaamu* (морозное утро), *pakkasilma* (морозная погода, морозный воздух), *pakkaspäivä* (морозный день), *pakkasyö* (морозная ночь). Они переводятся на русский язык словосочетанием с прилагательным *морозный*. При образовании композитных образований может быть использована и морфема *pakkanen*, например, *yöpakkanen* (ночной мороз), *talvipakkanen* (зимний мороз).

Как показывают приведенные выше примеры, в лексикографическом дискурсе, который включает в себя как одноязычные финские толковые словари и русскоязычные лексикографические издания, так и переводные финско-русские и русско-финские словари, финноязычные номинации для обозначения ощущений холода и их русскоязычные соответствия демонстрируют в основном наличие вариантности соответствия, что объясняется, вероятнее всего, отсутствием параллельности соответствующего фрагмента языковой картины мира, касающегося передачи ощущений холода. Выявлено, что в финском языке имеется в соответствии с произведенным поиском, как минимум, восемь обозначений

холода (kylmä, kylmyys, pakkanen, viileys, vilpoisuus, koleus, kalseus, raikkaus), в то время как в русском языке обнаружено пять номинаций (холод, прохлада, мороз, стужа, свежесть). Языковая репрезентация сенсориума холода у носителей финского и русского языков, таким образом, различается. Доминантным способом перевода в данных случаях является поиск переводческого соответствия, что понятно из целеполагания переводного сегмента лексикографического дискурса, который состоит в раскрытии значения иностранного слова через поиск соответствия и эквивалентов, а в некоторых случаях и с помощью дефиниций, разъяснений и иллюстраций.

Установлена сочетаемость существительного *pakkanen*. Оно может использоваться в финском языке в комбинации с глаголами, обозначающими:

- наступление: *iskeä* (ударить), *tulla* (наступать);
- сохранение: *pysytellä* (оставаться), *jatkua* (продолжаться);
- усиление: *kiristyä* (крепчать), *yltyä* (усиливаться), *koveta* (усиливаться);
- ослабление: *hellittää* (спадать), *lauhtua* (спадать, отпускать);
- воздействие на человека и объекты природы: *purra* (кусать), *vahingoittaa* (повреждать).

Следует отметить, что вышеуказанные глаголы могут переводиться на русский язык и иным способом: глагол *iskeä* – *ударить, напасть* (например, *iskeä vihollisen sivustaan* – *напасть на врага с фланга*), глагол *kiristyä* – *затянуться* (например, *solmu kiristyi* – *узел затянулся*), глагол *hellittää* – *ослаблять* (например, *hellittää vyötä* – *ослабить пояс*), глагол *purra* – *кусать* (например, *purra huuliaan* – *кусать губы*). Это может указывать на то, что в ранней картине мира носителей финского языка мороз представлялся в виде змееподобного существа, которое может напасть, укусить, сдвинуть жертву в своих объятиях или ослабить свою хватку. Подтверждение этому можно найти в «Калевале» – карело-финском поэтическом эпосе, которая содержит в себе строки о том, что мороз был вскормлен змеями, а соответственно и мог перенять от них ряд характеристик.

*Kukas Pakkasen imetti,
kovan ilman kostutteli,
kun oli maammo maiotoinna,
emonen utaretoinna?*

*"Kyyhyt Pakkasen imetti,
kyy imetti, käärme syötti
nännillä nenättömillä,
utarella uuttomalla.*

(E. Lönnrot. Kalevala)

*Кто вскормил Мороз жестоким,
кто вспоил свирепым холод?
Мать грудей ведь не имела,
молоком не обладала –*

*Молоком змея поила,
и поила и кормила
грудью без сосков набухших,
выменем без жил молочных.*

(Перевод Э. Киуру и А. Мишина)

(Источник: <https://rusfin.org/Kalevala.aspx?runo=30>)

Отличия в представлениях мороза в языковых картинах мира носителей финского и русского языка, безусловно, оказывают влияние на вербализацию ощущений холода носителями данных языков, а соответственно и на их передачу в процессе перевода.

Для обозначения кратковременного понижения температуры до отрицательных показателей в финском языке используется лексема *halla* (заморозок), который определяется как «*tilanne, jossa ilman lämpötila laskee kasvukauden aikana maanpinnan tuntumassa – tarkemmin alle kahden metrin korkeudella – alle nollaan celsiusasteeseen*» [suomisanakirja] – ситуация, при которой температура воздуха в вегетационный период опускается на уровне земли, точнее на высоте до 2 метров от земли, ниже нуля. Обычно заморозки возникают ночью, ранним утром и осенью, что находит свое отражение в лексическом составе финского языка: *yöhalla* (ночной заморозок), *aamuhalla* (утренник, досл. утренний заморозок) и *syysalla* (зазимок, досл. осенний заморозок). Лексема *hallayö – ankara halla* (сильный заморозок) [SPS O1 1996: 163] используется для обозначения более сильного заморозка и большей степени его воздействия на природу.

Для вербализации понижения температуры в финском языке используются также лексемы *kylmeneminen* (похолодание), *viileneminen* (похолодание), *viilennys* (охлаждение), *syyskylmät* (осеннее похолодание). Наличие нескольких вариантных соответствий для русскоязычной лексемы «похолодание» служит показателем отсутствия идентичности данного

концепта в финской и русской языковых картинах мира. В финском языке с помощью существительного *kylmeneminen* можно передать значение «понижение температуры до холодной», а с помощью существительного *viileneminen* – «понижение температуры до прохладной». Это свидетельствует о том, что понижение температуры можно передать в финском языке более дифференцированно. Отметим, однако, и тот факт, что в русском языке значение «понижение температуры до прохладной» можно передать при использовании выражения «становиться более прохладным».

С вербализацией ощущений холода связано и обозначение самого холодного времени года *talvi* (зимы), определяемого как *kylmin vuoden aika* [Nurmi 1999: 989] – самое холодное время года. Корневая лексема *talvi* используется для образования композитных образований *talvisää* (зимняя погода), *talvipäivä* (зимний день), *talvikausi* (зимняя пора), *talvisää* (зимняя погода) и многих других. В финском языке зафиксирована также лексема *takatalvi* со значением «*keväällä tai alkukesästä lämmintä kautta seurannut kylmä (pakkas) kausi*» [SPS O3 1996: 239] – холодный (морозный) период весной или в начале лета, наступающий вслед потепление, не имеющая соответствия в русском языке.

Специфика финского языка накладывает отпечаток на существование номинаций, образованных путем словосложения. Как показывают вышеприведенные примеры, если корневая морфема *talvi* является первым элементом сложного слова, то сложное слово переводится на русский язык словосочетанием с прилагательным «зимний». Относительно лексемы *takatalvi* заметим, что непродуктивность словосложения в русском языке и отсутствие в нем прямого соответствия не оставляет другого переводческого решения при поиске варианта перевода, кроме как использование описательного перевода, который нами был предложен при переводе значения слова *takatalvi*. Лексема *takatalvi* может переводиться также и контекстуальным соответствием, например, в следующем микроконтексте:

Näin kauan takatalvi pitää Suomea otteessaan (Iltalehti). – Все это время вернувшиеся морозы будут держать Финляндию в своих объятьях (Здесь и

далее перевод микроконтекстов метеорологического дискурса выполнен мной. –А. М.).

К номинациям осязательного модуса, образованным путем словосложения, относятся и композиты с корневой морфемой *jää*, например, *jäätee* (холодный чай), *jääkahvi* (холодный кофе), *jäävesi* (ледяная вода).

В лексикографических источниках были выделены также названия холодных ветров, такие как *puhuri* со значением «*kylmä voimakas tuuli*» [SPS O2 1996: 532] – холодный сильный ветер, *viima* со значением «*kylmä ja navakka, tasaisesti puhaltava ilmapvirta, tuuli*» [SPS O3 1996: 552] – холодный и резкий, равномерный воздушный поток, ветер, *vinke*, которое дефинируется как *harv. kylmä tuuli* [SPS O3 1996: 563] – ред. холодный ветер.

Ощущения холода осязательного модуса могут передаваться в финском языке с помощью прилагательных. В результате анализа лексикографических источников было выделено 14 таких прилагательных, которые представлены в Таблице 7.

Таблица 7. Прилагательные, используемые для вербализации ощущений холода осязательного модуса

Прилагательное	Определение
Haalea	Ei lämmin eikä kylmä, kylmähkö (ни теплый, ни холодный, холодноватый) [SPS O1 1996: 152]
Viileä	Lämpötilasta: kylmähkö, vilpoinen, kolea, kalsea (о температуре, холодноватый, прохладный, холодный) [SPS O3 1996: 551]
Vilpoinen Vilpoisa	= Raikkaan viileä (свежий и прохладный) [SPS O3 1996: 563]
Raikas	Viileä, vilpoinen, kylmä (прохладный, свежий, холодный) [SPS O2 1996: 603]
Kylmä	Jonka lämpötila on alhainen, jossa ei ole (juuri) lainkaan lämpöä, viileä, kolea (температура которого низкая, в котором (практически) нет тепла, прохладный, холодный) [Nurmi 1999: 422]
Kalsea	Lämpötilasta: kolea, viileä (о температуре: холодный прохладный) [Nurmi 1999: 291]
Kolea	Kylmä(hkö), viileä, vilpoinen, kalsea (холодоватый, прохладный, холодный) [Nurmi 1999: 369]
Kirpeä	Kylmä, pureva, raikas (холодный, кусачий, свежий) [Nurmi

	1999: 357]
Hyinen	Jääkylmä, jäätävä, jäinen, huytävä (ледяной, леденящий) [Nurmi 1999: 198]
Jääkylmä	Kylmä kuin jää, jäinen, huytävä (ледяной, холодный как лед) [Nurmi 1999: 273]
Jäinen	Jääkylmä, hyinen, huytävä (холодный как лед, ледяной, морозный) [Nurmi 1999: 264]
Jäätävä	Viiltävän kylmä, hyinen, jäinen (пронизывающий, леденящий, ледяной) [SPS O1 1996: 357]
Huytävä	Jäinen, jääkylmä, hyinen (ледяной, холодный как лед, леденящий) [suomisanakirja]

Градуальное распределение прилагательных, обозначающих низкую температуру (от менее холодного к более холодному), представлено на схеме ниже (Рис. 1).

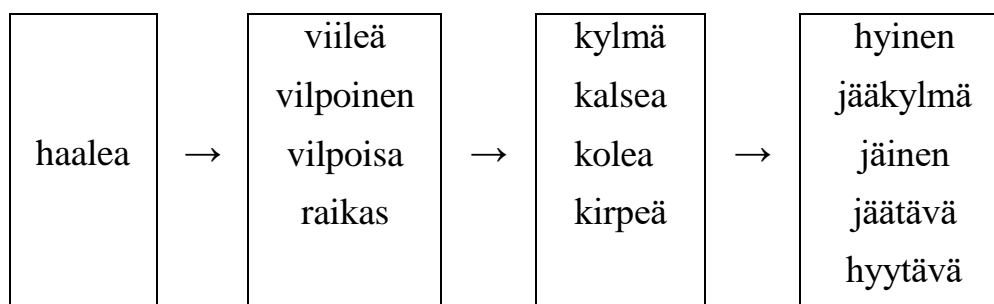

Рисунок 1. Градуальная шкала прилагательных, обозначающих холодную температуру (от менее холодной к более холодной) [Мерзлая 2023: 231]

Прилагательное haalea со значением «ei lämmin eikä kylmä, kylmähkö» [SPS O1 1996: 152] (ни теплый, ни холодный, холодноватый) используется для обозначения пониженной температуры, которая возникает в процессе остывания горячей жидкости или предмета [Мерзлая 2023: 231]. Структура значения данного прилагательного содержит в своей структуре оценочный компонент, указывающий на «несоответствие температуры жидкости или предмета ожиданиям коммуниканта, так как она не соответствует его ожиданиям» [там же]. Прилагательные второй группы объединяет обобщенное значение «kylmähkö» [SPS O3 1996: 551, 562] – холодноватый и меньшая степень выражения признака «холодный», в отличие от прилагательных третьей группы, характеризующихся высокой степенью выраженности данного признака, и прилагательных четвертой группы,

обозначающих крайнюю степень проявления холода. Прилагательные *jäätävä* и *hyytävä* будем относить к данной части речи, вслед за А. Никунласси и П. Ювонен, определяющих их как прилагательные, образованные от причастий [Nikunlassi 2015: 10].

Рассматриваемые прилагательные можно разделить на 2 группы в зависимости от особенностей ощущений, которые они передают, а именно ощущения, возникающие:

а) при непосредственном контакте кожи человека с холодной поверхностью или жидкостью [Мерзлая 2023: 232]: *haalea kahvi* – едва теплый кофе, *kylmä lasi* – холодный стакан, *jääkylmä vesi* – досл. холодная как лед вода, *jäinen vesi* – ледяная вода;

б) при непрямом контакте, когда источник холода контактирует с кожей человека посредством воздуха [Мерзлая 2023: 233]: *viileä tuuli* – прохладный ветер; *jääkylmä viima* – досл. холодный как лед ветер; *varjossa oli vilpoista* – в тени было прохладно.

Анализируемые прилагательные могут включаться в конструкции, состоящей из двух прилагательных, где первое прилагательное используется в форме генитива, например, *hyytävän kylmä tuuli* [SPS O3 1996: 253] – ледяной, холодный ветер, *jäätävän kylmä tuuli* – холодный; пронизывающий ветер [Вахрос 2001: 181]. Использование прилагательного в форме генитива позволяет добавить к значению основного прилагательного дополнительный компонент, например, в словосочетании *jäätävän kylmä* к осязательным ощущениям холода добавляются interoцептивные ощущения, возникающие во внутренней среде организма при наступлении состояния замерзания; в словосочетании *viiltävän kylmä* [SPS O1 1996: 357] – холодный, пронизывающий появляется сема «болевы́е ощущения, вызванные влиянием холода». Кроме того, первое прилагательное может получать дополнительный эмоционально-прагматический компонент значения, например, *kirpeän kylmä* – свежий холод и *kolean kylmä* – промозглый холод.

Как отмечают А. Никунласси и П. Ювонен в финском языке также возможны случаи, когда отношения между прилагательными в рассматриваемой конструкции могут характеризоваться скорее как объединение значения двух прилагательных для описания признака того или иного объекта, например, *jäätävän pimeä talvi* – холодная и темная зима [Nikunlassi 2015: 10]. Особенности соотнесенности компонентов прилагательных влияют возможности перевода данных словосочетаний на русский язык. Так, если прилагательные обозначают разные качественные характеристики предмета или явления (как, например, в словосочетании *jäätävän pimeä*, в котором одно прилагательное (*jäätävä*) служит для вербализации температурного признака, а второе указывает на наличие или отсутствие света (*pimeä*)), то их перевод на русский язык осуществляется путем использования двух соответствующих прилагательных в качестве однородных определений, связанных между собой союзом «и», например, *jäätävän pimeä* – темный и холодный, *kylmän kostea* – мокрый и холодный. Если же оба прилагательных используются для передачи ощущений холода, то при переводе на русский язык возможно использование как двух прилагательных (*viiltävän kylmä* – холодный, пронизывающий) для сохранения более детальной вербализации ощущений, вызванных воздействием холода, так и одного прилагательного, например, *kolean kylmä* – промозглый, поскольку русское прилагательное промозглый уже включает в себя ощущение холода, как это обосновывается в «Словаре русского языка»: «пронизывающе холодный и сырой» [Словарь русского языка], а также содержит компонент значения «неприятный», входящий в семантическую структуру финского прилагательного *kolea*.

С точки зрения лингвистики важно отметить, что финские прилагательные со значением «холодный» имеют другие значения, относящиеся к иным экстероцептивным модусам: *kalsea* – еще и шершавый [Вахрос 2001: 191], *kirpeä* со значением «*maku- ja hajuaistimuksesta: (lievästi) pistävän makuinen tai hajuinen, kitkerä(hkö)*» [SPS O1 1996: 496] – еще и о

вкусе или запахе: имеющий (немного) резкий запах, терпкий вкус; kolea – глухой (звук) [Вахрос 2001: 249]. В финском языке воздействие мороза на кожную поверхность ранее, вероятно, сравнивалось с ощущениями от прикосновения к шершавой поверхности, а холод воспринимался ольфакторно и аудиально. Полученные ощущения ассоциативно связывались с уже имеющимся ольфакторным, звуковым и осязательным опытом. В русском языке в результате поиска нами было выявлено выражение «терпкий запах мороза» (<https://litmir.club/br/?b=256024&p=7>), что свидетельствует о том, что мороз воспринимается носителями русского языка ольфакторно.

Выделенные в процессе анализа лексикографических источников глаголы, используемые для вербализации ощущений холода осязательного модуса, можно разделить на несколько групп:

1) приводить к понижению температуры объекта:

haalentaа (остудить), viilentää (охлаждать, делать более прохладным), kylmentää (охладить, остудить), jäähdyttää (охлаждать), kylmätä (подмораживать, застудить), pakastaa (морозить, замораживать), jäädyttää / jäätää (заморозить), kylmettää (холодить), kylmentää (холодить);

2) утрачивая тепло, становиться холодным, а в крайней степени замерзшим или достигать более низкой температуры (для слишком горячего предмета):

haaleta/ haalistua (охладиться), viiletä / viilentyä (становиться прохладнее, холодеть), kylmetä / kylmentyä (холодеть, охлаждаться), jäähtyä (остывать, остыть), pakastua (становится более холодным/ морозным), jäätyä (замерзнуть);

3) «ощущения, воспринимаемые как болевые» [Нагорная 1999: 44]:

Purra со значением «pakkasen, viiman tms. vaikutuksesta. Pakkanen puree poskipäitä» [SPS O2 1996: 553] – о воздействии мороза или холодного ветра. Мороз кусает щеки.

Poltaa со значением tulen tai kuumuuden aiheuttamaа muistuttavasta tuhosta, kuvusta, aistimuksesta tai tunteesta – о воздействии, боли, ощущении, похожих на

те, которые вызваны огнем или жаром. Например, Viima polttaa kasvoja – холодный ветер обжигает лицо [SPS O2 1996: 503].

Viiltää – пронизывать, например, viiltävä viima со значением «kylmä, jäätävä viima» [SPS O3 1996: 552] – пронизывающий ветер, холодный, леденящий ветер, tuuli viiltää kasvoja – ветер режет лицо [Куусинен 2001: 738].

Kipristellä (щипать, колоть) со значением kirvellä, pistellä (щипать, колоть), например, kylmä kipristeli sormia [SPS O1 1996: 486] – мороз щипал пальцы.

Kirpaista (щипнуть, обжечь) – kylmyyden aistimuksesta (об ощущении холода), например, avannon vesi kirpaisi ihoa (вода проруби щипала кожу) [SPS O1 1996: 495].

Nipistellä (щипать) со значением «puristaa jtk pieneltä alalta tiukasti kahden pinnan (vars. peukalon ja etusormen) väliin» (сильно зажимать небольшую площадь чего-либо между двумя поверхностями, особенно между большим и указательным пальцами), например, pakkanen nipisteli korvia (мороз щипал уши) [SKP O2 1996: 297].

Pistellä (колоть) со значением «pieninä pistoina tuntuvan kivun tms. aistimuksen tuottamisesta tai tuntumisesta» (об ощущении или причинении боли в виде небольших уколов), например, pakkanen pistelee ihoa (мороз покалывает кожу) [SPS O2 1996: 483].

4) движение (холодного) воздуха снаружи и в помещении:

Hohkaa, hohkata (нести о холоде): Ikkuna hohkaa kylmää [SPS O1 1996: 222] – От окна веет холодом.

Uhkua – дышать, нести (о холоде): Kellari uhkuu kylmää – Из подвала тянет холодом [Куусинен 2001: 674].

Uhota – нести, веять (о холоде): Suo uhoaa kylmää [SPS O3 1996: 413] – С болота тянет холодом.

huokua kylmyyttä – веять холодом: järvi huokuu kylmää – от озера веет холодом [Куусинен 2002: 97].

henkiä – дышать, нести, везти (о холоде): Kellari henkii kylmää [SPS O1 1996: 199] – из подвала веет холодом.

Дистрибутивный анализ глаголов четвертой группы позволяет констатировать, что слова, эксплицирующие источник холода, выступают в роли подлежащего в предложениях, в которых вышеприведенные глаголы являются сказуемым, т. е. в финском языке в сравнении с русским языком более конкретно выражен источник холода. Например, järvi huokuu kylmää – досл. озеро дышит холодом. В данном случае именно озеро источает холод, который оказывает влияние на реципиента. В русском языке в аналогичных по содержанию предложениях можно говорить скорее о направлении поступления холода без указания на его конкретный источник. Например, в предложении «С болота тянет холодом» можно понять, что холод идет со стороны болота, однако, точного указания на источник холода нет.

Фразеологической единицей, обеспечивающей вербальную передачу осязательных ощущений холода, является фразеологизм *kylmä kuin ryssän helvetissä* (досл. холодно как в русском аду). Он имеет значение «*äärimmäisen kylmä*» [Muikku-Werner 2008: 299] – очень холодный (досл. крайне холодный) и используется для передачи низкой температуры в помещении или снаружи. Например, в словаре «*Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja*» приведен следующий пример использования данного фразеологизма: *Jouduttiin vaihtamaan hotellia, kun se oli kylmä kuin ryssän helvetissä*. [Muikku-Werner 2008: 299] (досл. Нам пришлось менять отель, так как там было холодно, как в русском аду – Нам пришлось поменять отель, так как там был собачий холод).

Относительно происхождения данного фразеологизма существует две версии, которые зависят от трактовки данного выражения. Как отмечает Х. Хуртта под «русским адом» чаще всего подразумевается Сибирь, известная своим холодом [Hurtta 2003]. Однако он отмечает, что данное выражение можно трактовать и «холодно, как у русских в аду» [там же]. Это толкование может быть связано с представлениями финнов о том, что у русских все

работает не так, как у них, а скорее даже с точностью до наоборот, поэтому и ад у русских холодный.

Таким образом, анализ лексикографического дискурса финского языка позволил установить, что осязательное ощущение холода может быть передано лексемами, относящимися к различным частям речи. При этом возможна вербализация разной степени выраженности семантического признака «холодный», разнообразные типы воздействия на объекты внешнего мира и тело человека, а также прагматические оттенки значения, связанные с отношением реципиента к холоду.

Основным способом перевода в лексикографическом дискурсе является поиск переводческого соответствия, что определяется отсутствием идентичности структуры и содержания концепта «холод» в русской и финской языковых картинах мира. Важной отличительной чертой финского языка является широкое использование такого способа словообразования как словосложение. В русском языке возможности использования данного способа словообразования ограничены, что приводит к необходимости использования словосочетаний для перевода сложных финских слов, а также в некоторых случаях (при отсутствии эквивалента и возможности использования словосочетания) описательного перевода.

В ходе данного исследования был проведен анализ финноязычных метеорологических текстов, в ходе которого были выявлены следующие особенности вербализации осязательных ощущений холода:

1) Использование числовых значений температуры.

В ходе исследования было выявлено несколько вариантов репрезентации числовых значений температуры в финском метеорологическом дискурсе, которые можно наблюдать в следующих микроконтекстах:

(1) *Suomen eteläosassa voi loppuviikolla olla jopa 15–25, keski- ja pohjoisosassa 20–30 pakkasastetta ja Lapissa jopa yli 30 astetta pakkasta.* – В конце недели в южной части Финляндии может быть до 15-25 градусов

мороза, в центральной и северной частях – 20-30 градусов ниже нуля, а в Лапландии температура может преодолеть даже 30-градусную отметку.

(2) *Alkavalla talvilomaviikolla eri puolilla Suomea nähdään jopa 10–20 asteen pakkasia, Foreca ennustaa.* – Метеорологическое агентство Foreca прогнозирует на время предстоящих зимних каникул в разных частях Финляндии десяти- и даже двадцатиградусные морозы.

В приведенных микроконтекстах используются лексема *pakkasastetta*, которая буквально переводится как «морозных градуса», и словосочетания *astetta pakkasta* – «градусов мороза», *asteen pakkasia* – «-градусные морозы». Все они используются для обозначения температуры ниже нуля. Стилистический анализ перевода микроконтекста (1) позволяет отметить, что использование данных лексем в одном микроконтексте приводит к необходимости использования в процессе перевода тактики стилистической адаптации текста, выделенной В. В. Сдобниковым в рамках стратегии коммуникативно-равноценного перевода [Sdobnikov 2012: 864] и соответственно поиску эквивалентных способов выражения словосочетания «градусов мороза», так как в русском языке необходимо избегать тавтологии.

2) Использование степеней сравнения прилагательных.

В метеорологических текстах наблюдается частое использование прилагательных, обозначающих холод, в сравнительной и превосходной степенях сравнения, что обусловлено сравнением погоды актуального периода с предыдущим и последующим периодами или нормой, а также необходимостью фиксации пиков определенных погодных явлений, например, мороза.

(3) *Kylmin skenaario ennustaa ensi viikon alkuun ajankohtaan nähden poikkeuksellisen kovia, jopa 20–30 asteen pakkasia. Pohjois-Euroopan lämpötilat ovat jo pidempään olleet tavanomaista kylmempiä, mitä selittää Suomen eteläpuolella pitkään pysynyt suihkuvirtaus.* – Самый холодный сценарий предполагает наступление к началу следующей недели аномально сильных морозов вплоть до 20-30 градусов. Температура на севере Европы уже

довольно долго остается ниже нормы, что объясняется малоподвижностью атмосферного фронта на юге Финляндии.

В приведенном микроконтексте прилагательное *kylmä* используется как в превосходной, так и сравнительной степени. Превосходная степень используется для вербализации крайней степени выраженности признака «холодный», то есть из всех сценариев именно этот отражает пик, наиболее низкие температуры. Сравнительная же степень используется в данном случае с целью сравнения актуальной температуры с нормой, что отражено в словосочетании *tavanomaista kylmempiä* (досл. холоднее, чем обычно), что с нашей точки зрения, позволяет перевести данное выражение на русский язык как «ниже нормы».

3) Использование композитных образований, один из компонентов которых содержит эмоционально-прагматический компонент значения.

В нижеприведенных микроконтекстах можно выделить два существительных *kammopakkanen* (*kammo* ‘страх’ + *pakkanen* ‘мороз’) и *hirmupakkanen* (*hirmu* ‘ужас’ + *pakkanen* ‘мороз’), в которых первый компонент содержит эмоционально-прагматический компонент значения. Использование данных компонентов обусловлено необходимостью прагматического воздействия метеорологического текста на реципиента, заключающегося в указании на крайнюю степень проявления мороза и предостережения получателей информации от неприятных последствий его воздействия.

(4) *Suomeen väläytettiin jopa 50 asteen kammopakasta – Meteorologi tyrmää.* – В Финляндии наблюдались морозы вплоть до экстремальных -50 – Метеорологи не подтверждают.

(5) *Pohjoista vaanii jopa 40 asteen hirmupakkanen.* – На севере ожидаются суровые морозы вплоть до -40.

4) Нестандартная сочетаемость слов.

Одной из важных функций заголовка медиатекста является привлечение внимания реципиента. Для реализации данной функции

используется несколько приемов, одним из которых является нестандартная сочетаемость слов, что можно наблюдать в следующих микроконтекстах:

(6) *Kylmää karnevaalia: Pakkasennätys uusiksi neljänä päivänä putkeen.* – Холодный карнавал: рекордно низкие температуры продержатся четыре дня подряд.

(7) *Syksy saa kylmiä terveisiä Jäämereltä – tältä näyttää tuore kuukausiennuste.* – Осень получит холодный привет от Северного Ледовитого океана – свежий прогноз на месяц.

5) Использование аллюзий.

(8) *Uudenvuoden sää voi tuntua siltä kuin Muumien Mörkö talloisi yli.* – Новогодняя погода, вероятнее всего, окажется под холодным влиянием ледяной поступи Морры.

Морра – персонаж книг известной финской писательницы Туве Янссон. При ее появлении все вокруг замерзает, а на земле остается ледяной след. Морра и ее особенности могут быть недостаточно хорошо знакомы реципиентам при переводе на русский язык, что может явиться результатом отсутствия ассоциаций с холодом, а, следовательно, к утрате вербализации ощущения холода. Лингвокультурологический анализ данного контекста приводит к необходимости добавления в переводе прилагательных *холодный* и *ледяной* для сохранения вербализации осязательного ощущения холода, т.е. в переводе было произведено добавление лексических единиц для эксплицитной передачи имплицитного ощущения холода, которое содержится в семантической структуре оригинала. Можно утверждать, что при переводе микроконтекста в данном случае использовалась тактика экспликации имплицативной информации, выделенная В. В. Сдобниковым в рамках стратегии коммуникативно-равноценного перевода [Sdobnikov 2012: 861].

6) Персонификация мороза.

С целью привлечения внимания реципиента путем создания более яркого и выразительного образа холод/мороз может наделяться качествами живого существа, что можно наблюдать в следующих микроконтекстах:

(9) *Arktinen kylmänpurkaus nielee Suomen.* – Арктическое похолодание поглотит Финляндию.

Глагол *niellä* определяется как «saattaa kurkun lihasliikkein suussa oleva ruoka, neste tms. mahalaukkuun» [SPS O2 1996: 291] – перемещать находящуюся во рту пищу, жидкость и т.д. в желудок с помощью мышц глотки, то есть глотать.

(10) *Pakkaskoura puristaa lauantaina – Osassa maata jopa alle -30 astetta.* – В субботу морозный кулак сожмется еще сильнее – в некоторых частях страны температура воздуха может опуститься ниже 30-градусной отметки.

Представление усиливающегося мороза в виде сжимающегося кулака может оказать большее прагматическое влияние на реципиента за счет создания более яркого визуально воспринимаемого образа.

7) Использование лингвокреатем.

Метеорологические тексты предполагают описание регулярных, повторяющихся явлений, что требует непрерывного обновления и дополнения языковых средств. Это приводит к появлению лингвокреатем – языковых единиц, созданных из «заложенных языковой системой средств по аналогии с существующими моделями или отступая от них, для передачи посредством языкового знака ментальных конструкторов знания о реальной или конструируемой действительности» [Кшеновская 2020: 17].

Примером лингвокреатемы метеорологического дискурса является слово *rääkallorakkanen*. Лексема состоит из двух частей (*rääkallo* – череп и *rakkanen* – мороз) и обозначает наступление мороза после оттепели, в результате чего на дорогах образуется тонкая корка льда. Источником аналогии при образовании данной лингвокреатемы является композитная лексема *rääkallokelä* (состояние дороги, когда она покрыта тонким

прозрачным слоем льда). Использование лингвокреатемы *rääkallorakkanen* добавляет к осязательному модусу восприятия холода модус визуальный. Однако следует отметить, что напрашивающаяся аналогия с гладкостью черепа и льда в данном случае является ошибочной. На это указывает С. Таннер, отмечая, что ранее в финских диалектах существовало слово *kallokeli*, используемое для обозначения скользкой дороги. Слово *kallo*, в свою очередь, обозначало либо нагромождение льда, скопившегося на берегу водоема, либо участок земли, покрытый льдом, который долго не таял весной. Использование лексемы *kallo* постепенно сократилось, она стала архаичной и тем самым непривычной для носителей языка, за чем последовала ее адаптация к близкой по звучанию и совершенно иной по значению лексеме путем образования композитного образования с компонентом *rää* (голова) [Tanner 2002].

8) Концентрация лексем, передающих ощущение холода.

В метеорологических текстах фиксируется высокая концентрация лексем, вербализующих экстероцептивные ощущения холода осязательного модуса. Так, в приведенном ниже микроконтексте 12,5% слов передают ощущение холода.

(11) *Yksi kuva näyttää: Näin hyytävä sää Suomeen nyt tulee.*

Vähäsateinen pakkassää jatkuu.

Ilmatieteen laitoksen jakama kuva kertoo koleista säistä.

Suomen säässä on jäätävä meno. Lapissa keskilämpötila on seuraavien viiden vuorokauden aikana liki kymmenen astetta tavanomaista kylmempi, kertoo Ilmatieteen laitos X:ssä.

Достаточно одной фотографии: настолько леденящий холод охватит Финляндию.

Сохранится морозная погода с небольшим количеством осадков.

Фотография, опубликованная Финским метеорологическим институтом, указывает на холодную погоду.

В Финляндии установилась морозная погода. В ближайшие пять дней средняя температура в Лапландии будет почти на 10 градуса ниже нормы, сообщает Финский метеорологический институт в соцсети X.

Текст сопровождается следующим фотоизображением (Рис.2).

Рисунок 2. Фотоизображение к микроконтексту (11) (Источник: Ittalehti)

9) Использование глагола *purra* и его производных для вербализации осязательных (болевых) ощущений холода.

Глагол *purra* (кусать) наиболее часто используется в метеорологическом дискурсе для описания болевых ощущений, возникающих при воздействии холода, особенно при взаимодействии с ветром. Финноязычный метеорологический термин *rakkasen purevuus* (жесткость погоды, определяемая с помощью ветро-холодового индекса), отражающий субъективное ощущение человека при синхронном воздействии на него ветра и низкой температуры, переводится на русский язык буквально как «кусачесть мороза». Отметим, что данный термин используется в финских метеорологических медиатекстах намного чаще, чем термины «жесткость погоды» и «ветро-холодовой индекс» в русских метеорологических медиатекстах, где совместное влияние мороза и ветра вербализуется чаще посредством словосочетания «ощущается как», либо путем указания на усиление воздействия холода. Прилагательное «кусачий» применительно к морозу используется в основном в медиатекстах:

Кусачий мороз: правила прогулок в холодные дни (<https://ural.aif.ru/society/science/168018>); в Европу пришли первые в 2022 году кусачие морозы (<https://yakutsk.ru/news/20221208/127128/>); крепкий и

кусачий мороз основательно закрепился в Ленобласти (<https://ok.ru/komtranslo/topic/156046395706656>). Для сравнения в «Национальном корпусе русского языка» было выявлено всего лишь 2 примера использования сочетания «кусачий мороз», относящиеся к 1960-1970 годам.

В русскоязычных текстах метеорологической направленности также используется выражение «Мороз кусается», например, «мороз кусаться начинает» (<https://vestniksr.ru/news/73555-moroz-kusatsja-nachinaet.html>); Перестань, Мороз, кусаться! (<https://habarovsk.bezformata.com/listnews/perestan-moroz-kusatsya/8740634/>).

Примером использования глагола *purra* и его производных в финском метеорологическом дискурсе могут служить следующие микроконтексты:

(12) *Etelämpänä pilvisuus on runsasta, lisäksi kohtalainen pohjoistuuli lisää pakkasen purevuutta.* – На юге ожидается сильная облачность, кроме того морозы усилят умеренный северный ветер.

(13) *Voimistuva tuuli tekee pakkasesta purevaa.* – Усиливающийся ветер ужесточит воздействие мороза.

«Кусачесть» мороза как его неотъемлемая характеристика может способствовать в финском языке появлению необычных способов вербализации, например, ослабления холода, что можно проследить в следующем микроконтексте:

(14) *Joulun alla pakkasen purukalusto hellittää, mutta tuleva vuosi aloitetaan tavallista kylmemmässä säässä.* – В преддверии Рождества мороз ослабит хватку, но в начале следующего года погода будет холоднее, чем обычно.

В данном случае для перевода выражения *pakkasen purukalusto hellittää* (досл. челюсти мороза ослабнут) в русском языке можно использовать выражение «ослабить хватку», поскольку в русской языковой картине мира мороз может представляться при олицетворении в образе человека и, соответственно, ему свойственны качества, характерные для поведения

человека. Ему не свойственно сжимать челюсти (кусать) при воздействии на человека, но он может обнять и, соответственно, сделать свои объятия менее крепкими. Таким образом, при переводе может осуществляться адаптация, то есть происходит замена образности в описании воздействия мороза, наблюдаемого в финском языке, на близкую по значению и образности фразу в русском языке. Можно утверждать, что здесь при переводе микроконтекста использовалась тактика прагматической адаптации текста, выделенная В. В. Сдобниковым в рамках стратегии коммуникативно-равноценного перевода [Sdobnikov 2012: 866].

Таким образом, особенности функционирования финноязычных метеорологических медиатекстов обуславливают особенности вербализации осязательных ощущений холода, среди которых можно выделить, в частности, использование лингвокреатива, нестандартного сочетания слов, аллюзий и плотности использования так называемых лексем холода.

В ходе анализа финноязычного художественного дискурса были выявлены характерные особенности вербализации ощущений холода, к которым можно отнести следующие:

1) Более субъективная вербализация осязательных ощущений, вызванных воздействием холода, что приводит к большему разнообразию лингвистических средств, используемых для их описания. Подтверждением могут служить следующие микроконтексты:

(15) *Polttava yöpakkanen tarrasi kasvoihin* (R. Liksom). – *Ночной мороз обжигал лицо* (Перевод А. Сидоровой).

(16) *Veden rajassa järvi näytti siniselta ja syvältä. Ja kun sukelsin kalliosta taivuttavan kivilohkareen päältä veteen, se oli todella niin kylmä kuin olin kuvitellut, ja viilsi ihoon pitkän jäljen* (J. Hahtela). – *Я подошел к урезу воды, озеро было синим и глубоким. И когда я с выступа скалы нырнул в воду, она действительно оказалась холодной, как я себе и представлял, и обожгла тело до самых пяток* (Перевод И. Прилежаева).

При описании субъективных ощущений холода, как автор, так и переводчик опираются на собственные ощущения, испытываемые при воздействии холода, что оказывает влияние на особенности вербализации данных ощущений при переводе и приводит к появлению вариативности. Кроме того, в данном примере (2) можно наблюдать использование переводчиком **тактики сенсорной адаптации текста**, когда ощущения, вербализованные в тексте оригинала, в тексте перевода описываются через другие ощущения, возникающие в идентичной ситуации у носителей языка перевода, то есть ощущения более близкие и знакомые реципиентам перевода.

Вербализация более субъективного восприятия холода может осуществляться в финском языке с помощью лексем с оценочной семантикой, что можно наблюдать в следующем микроконтексте из текста оригинала и что соответствующим образом отражено в переводе:

(17) *Illalla epämiellyttävän kylmät viinasukat olivat nyt lämpimät, saippuan tuoksu tuntui vielä nenässä* (S. Oksanen). – *Носки, пропитанные спиртом, которые прошлым вечером неприятно холодили ноги, теперь стали теплыми, запах мыла еще ощущался в носу* (Перевод Т. Джафаровой-Виитала).

В данном микроконтексте сохранение ощущения холода, вербализованного в финноязычном микроконтексте прилагательным *kylmä*, сохраняется в русском языке благодаря задействию глагола «холодить», а субъективное отношение передается благодаря использованию наречия «неприятно».

2) Нестандартная сочетаемость лексем осязательного модуса для придания стилистике текста большей выразительности и яркости.

(18) *Lakanoiden sileä viileys rauhoitti* (R. Liksom). – *Гладкая прохлада простыней успокаивала* (Перевод А. Сидоровой).

При переводе данного микроконтекста переводчик использовал **тактику сенсорной одновекторности**, сохранив доминирующий модус

восприятия и не добавив в текст перевода дополнительных сенсорных аспектов.

Анализ переводов произведений финских авторов на русский язык показывает, что субъективность в описании ощущений холода позволяет выявить случаи, когда при переводе осязательный модус сохраняется, однако характер самого ощущения меняется. Выделено 3 вида таких модификаций:

1) одно ощущение при переводе заменяется другим:

(19) *Siperian kuiva, tiukka pakkanen viilsi hänen kasvojaan ja salpasi hehgytyksen* (R. Liksom). – *Сухой, дерзкий сибирский мороз обжигает лицо и перехватил дыхание* (Перевод А. Сидоровой).

Финский глагол *viiltää* может переводиться на русский язык при использовании глаголов резательной или проникающей семантики, например, «резать», «пронизывать». Он передает характеристики ощущения, отличные от характеристик ощущения, эксплицируемых в переводе глаголом «*обжигать*». В данном случае осязательное (болевое через порез) ощущение холода, вербализованное в тексте оригинала, в тексте перевода описывается посредством других характеристик ощущения (болевое через ожог), возникающего в идентичной ситуации у носителей языка перевода. При переводе данного микроконтекста использовалась описанная выше **тактика сенсорной адаптации текста**.

2) непосредственно восприятие холода заменяется на передаваемое опосредованно, или наоборот.

Приведем микроконтекст из текста оригинала вместе с его переводом:

(20) *Muistin, että olin ottanut kuvan hänen vanhempiansa mökillä, laiturin päässä. Siitä aukesi Päijänne, allot nousivat, vesi kylmeni, syksyn ensimmäiset keltaiset lehdet liimaantuivat laituriin* (K. Hotakainen) – *Я вспомнил, как делал эти снимки на тещиной даче, на мостках. Перед нами лежало озеро Пяяннэ, поднималось волнение, вода дышала холодом, первые желтые листья липли к мосткам* (Перевод И. Урецкого).

Финское высказывание *vesi kylmeni* (досл. вода остыла) обеспечивает вербализацию непосредственного восприятия холода, то есть холод ощущается путем непосредственного прикосновения к холодной воде. В то время как использование выражения «вода дышала холодом» в переводе предполагает, что вода является источником холода, который, однако, воспринимается опосредованно через воздух.

Обратную ситуацию можно наблюдать в следующем микроконтексте:

(21) *Olin vaihtanut rantahiekan, vaahdon ja kaislikon katukivien kovuuteen ja lasteni sointuvat huudot autojen kirskunnan ja jäistä kylmyyttä uhoavien kaappien surinaan. Eikö se ollut sanomattoman typerä vaihtokauppa?* (L. Krohn). – *Я променял прибрежный песок, морскую пену и шум тростника на грубые камни мостовых, а милый сердцу крик моих детей – на завывания сирен и жужжание холодильников. Не совершил ли я ужасную ошибку?* (Перевод А. Сидоровой).

В данном примере вместо описательного определения холодильника, использованного автором текста оригинала (*jäistä kylmyyttä uhoavien kaappi* – досл. дышащий ледяным холодом шкаф), переводчик использует лексику «холодильник», применяя тем самым компенсаторный прием, обратный описательному переводу, то есть вместо описательной характеристики предмета в тексте оригинала используется конкретная номинация денотата в тексте перевода. Невозможность сохранения описательной характеристики, а следовательно, необходимость использования лексики «холодильник» объясняется особенностями финского языка, которые не находят отражения в переводе. Слово *jääkaappi* (холодильник) является сложным словом и состоит из двух основ: *jää* – лед и *kaappi* – шкаф. В финском языке возможно использования одной основы сложного слова для номинации предмета, обозначаемого сложным словом. Например, вместо лексем *lentokone* (самолет), *pesukone* (стиральная машина), *tietokone* (компьютер) может использоваться только лексема *kone*. Это происходит в данном случае и с композитным образованием *jääkaappi*, в котором для обозначения

холодильника используется только основа *kaarri*. Русский язык не позволяет использовать подобный прием, что заставляет переводчика отказаться от описательной характеристики предмета, назвав его лишь соответствующим словом. Вынужденное использование точной номинации вместо описательной характеристики меняет восприятие холода в тексте перевода: в тексте оригинала холод выражен эксплицитно и носит четко опосредованный характер, то есть передается посредством воздуха, в то время как в тексте перевода ощущение холода передается лишь имплицитно и лишь ассоциируется с непосредственным восприятием холода.

3) появление в процессе перевода дополнительного осязательного аспекта в описании воздействия холода.

(21) *Mies ja tyttö astuivat muhivasta, kuumasta keittiöstä raikkaaseen pakkasaamiin, joka viilsi matkalaisten kasvoja kuin vitsa* (R. Liksom). – *Мужчина и девушка шагнули из бурлящей, жаркой кухни в свежее морозное утро, которое тут же, словно розгами, хлестнуло по лицам путешественников колючим ветром* (Перевод А. Сидоровой).

Выражение *viiltää matkalaisten kasvoja kuin vitsa* переводится дословно как *резать лица путешественников словно вища*. В процессе перевода было добавлено осязательное ощущение «колючий», что может быть основано на субъективном ощущении переводчика, который воспринимает резкое воздействие мороза после тепла через колючесть. В случае, когда в тексте перевода фиксируется вербализация сенсорной информации, отсутствующей в тексте оригинала, можно говорить об использовании переводчиком **тактики сенсорного обогащения**, т.е. расширения спектра сенсорной информации.

Таким образом, вербализация осязательных ощущений холода в художественном дискурсе характеризуется большей субъективностью и, соответственно, более разнообразными способами лексического оформления ощущения холода, что находит отражение в переводе.

В лексикографическом дискурсе основным способом перевода является поиск соответствий, а в случаях, где это не представляется возможным, – описательный перевод. В метеорологических медиатекстах помимо поиска соответствий было выявлено использование таких приемов как лексическое добавление. Оно задействуется в случае, когда представленная имплицитно информация о холоде, содержащаяся в оригинале, не передается в полной степени средствами переводного языка, а, следовательно, для ее сохранения требуется соответствующее выражение за счет добавления лексических единиц и адаптация (замена образов и понятий на близкие по значению и образности для обеспечения лучшего восприятия реципиентами переводного языка). Адаптация как прием перевода при передаче экстероцептивных ощущений холода также широко используется в художественном дискурсе, что объясняется необходимостью вербальной передачи ощущений, знакомых реципиенту перевода, а также большей степенью субъективности при переводе ощущений холода в художественной литературе, когда при описании ощущений, созданных в тексте автором, переводчик опирается на собственный перцептивный опыт и переносит его на вербализацию осязательных ощущений в переводе.

2.1.2 Доминирование зрительного модуса

В ходе анализа лексикографических источников финского языка были выделены лексемы, относящиеся к разным частям речи, которые используются для вербализации зрительного восприятия холода. Среди существительных можно выделить, прежде всего, *jää* (лед), *lumi* (снег), *härnä* (иней, изморозь), *huurre* (иней, изморозь), так как появление и существование данных природных явлений предполагает температуру ниже нуля.

Лексема *jää* широко используется для образования сложных слов, например, *jääkalikka* (ледышка), *jääruikko* (сосулька), *jääkarhu* (белый медведь, досл. ледяной медведь), *jääkukat* (морозный узор на окнах, досл. ледяные цветы), *jäälas* (стекло, покрытое морозными узорами, досл. ледяное стекло), *jäävuori*

(айсберг, досл. ледяная гора), jäähelmi (досл. ледяная жемчужина; определяется в словаре «Suomen kielen perussanakirja» как «oksiin jäähelmiksi jähmettyneet pisarat» [SPS O1 1996: 354] – капли воды, замерзшие на ветках как ледяные жемчужины) и др. Также стоит отметить наличие в финском языке наименований различных разновидностей льда и явлений, связанных со льдом: riite (ohut jääkuori [SPS O2 1996: 646] – тонкая корка льда), jäähile (ohut saroileva jääkuori [SPS O1 1996: 355] – тонкая, трескающаяся корка льда), uhku (наледь), iljanne (гололед), iljanko (гололедица), kaljama (гололедица), jääsumu (ледяной туман).

Лексема lumi также широко используется для образования сложных слов, таких как lumihanki (снежный покров), lumikinos (сугроб), lumikuuro (снегопад, досл. снежный ливень), lumihutale (снежинка, досл. снежная пушинка), lumihuippu (снежная вершина), lumiukko (снеговик, досл. снежный старик), lumiluola (снежная пещера) и др. В ходе исследования переводного лексикографического дискурса было выделено несколько наименований видов снега (pakkaslumi – морозный снег, ensi lumi – первый снег, viti(lumi) – vasta satanut hieno (pakkas)lumi [SPS O3 1996: 575] – только что выпавший мягкий (морозный) снег), а также лексемы, обозначающие снеговой покров разного объема. Так, лексемы kinos (сугроб, нанос) и nietos (сугроб, снежный занос) помогают обозначить снежный покров, наметенный ветром. Лексема hanki имеет в финском языке два значения: 1) maata peittävä paksu lumivaippa, kinokset [SPS O1 1996: 170] – толстый слой снега, покрывающий землю, снега, то есть снежный покров; 2) kantavaksi kovettunut lumivaipan pinta [там же] – поверхность снежного покрова, затвердевшая до несущей способности, то есть наст. Для обозначения твердого слоя снежной поверхности в финском языке также используется лексема kohvajää со значением hangen kova pinta [SPS O1 1996: 511] – прочная поверхность снежного покрова. При этом kohvajää также имеет еще одно значение «jäällä olevaa vettä tai sohjoa peittävä jääkuori» [там же] – вода на льду или ледяная корка, покрывающая шугу. В русском языке для

обозначения данного гидрологического природного явления используется лексема «наледь».

В ходе проведения сплошной выборки финских и переводных (финско-русских) лексикографических источников в финском языке были выявлены и другие лексемы - метеонимы, обозначающие осадки, которые появляются при низкой температуре. Помимо lumi (снег), это также lumirae (град) и räntä (satava vetinen lumi [SPS O2 1996: 694] – падающий мокрый снег). В словарях также зафиксированы лексемы räntälumi (räntä ‘мокрый снег’ + lumi ‘снег’) и räntäsade (räntä ‘мокрый снег’ + sade ‘дождь’) [SPS O2 1996: 694]), что в сравнении с русским языком позволяет обеспечить более градуированную вербализацию осадков, выпадающих на стыке дождя и снега. Важно отметить, что в последних трех названных метеонимах в семантику лексем включаются ощущения и осязательного модуса.

В ходе данного исследования был выделен целый ряд лексем, используемых для обозначения разного состояния снега или льда. К ним можно отнести следующие:

- loska (слякоть) – märkä lumi, vars. tiellä (мокрый снег, особенно на дороге) [SPS O2 1996: 93];

- härmä – обобщающее понятие для явлений, обозначаемых лексемами huurre и kuura [SPS O1 1996: 260], которые в свою очередь определяются следующим образом: huurre (иней, изморозь) со значением «pakkasella (pysty)pintoihin tiivistyvä jääkidekerros» [SPS O1 1996: 244] – слой ледяных кристаллов, образующийся на вертикальных поверхностях во время мороза; kuura (иней) с семантикой «pakasyönä maahan ja kasvien pintaan vesihyörystä muodostaneet jääkiiteet» [SPS O1 1996: 604] – кристаллы льда, образующиеся из водных паров на поверхности растений во время ночных заморозков;

- hyhmä – обобщающее понятие для явлений, обозначаемых лексемами lumisohjo (талый снег, снежное месиво) и jääsohjo (ледяная кашица, шуга) [SPS O1 1996: 246];

- hyude – обобщающее понятие для явлений, обозначаемых лексемами hile (тонкий лед, сало) и kuura (иней) [Вахрос 2001: 137];

- huuru (запотелость) в значении «kylmälle pinnalle tiivistyvä kosteus» [SPS O1 1996: 244] – влага, образующаяся на холодной поверхности, также данная лексема используется для обозначения пара, идущего изо рта [Вахрос 2001: 132];

- rouste в значении «kostean maan äkillisesti jäätyessä pystyistä jääneulaisista ja -sälöistä muodostuva hauras routakerros, pintarouta» [SPS O3 1996: 563] (хрупкий слой инея, образующийся вертикальных ледяных игл и пластинок при внезапном замерзании влажной земли, поверхностная изморозь), при этом routa (мерзлота) определяется в словаре «Suomen kielen perussanakirja» как «maaperän jäätnyt pintakerros» [SPS O3 1996: 668] (промерзший поверхностный слой почвы).

Как показывают вышеприведенные примеры, в лексикографическом дискурсе финноязычные номинации, используемые для вербализации преимущественно визуально воспринимаемых ощущений холода, имеют как однозначные (lumi – снег, jää – лед), так и вариантные соответствия (härmä – иней, изморозь) в русском языке. Анализ лексических единиц показал отсутствие идентичности в финской и русской языковых картинах мира относительно репрезентации визуальных образов холода.

В финском языке наблюдается более детальная представленность данного фрагмента языковой картины мира, что при переводе на русский язык приводит к необходимости использования конкретизации (hyude переводится как «тонкий лед» или «иней», поскольку в русском языке отсутствует обобщающее понятие для данных явлений) или генерализации (räntä, räntälumi, räntäsade переводятся как «мокрый снег», поскольку в русском языке отсутствует более подробная дифференциация обозначения состояний мокрого снега). В некоторых случаях при отсутствии однозначного или вариантного соответствия может использоваться калькирование или описательный перевод, например, jäähelmi можно на русском языке передать посредством пояснения «ледяные жемчужины, то есть капли воды, замерзшие на ветках как ледяные жемчужины».

К прилагательным, связанным с обозначением холода в визуальном модуле, можно отнести прилагательное *sininen* (синий). Именно он является основным цветом, относимых к палитре холодных цветов, поскольку ассоциируется с водой и льдом (<https://color-harmony.livejournal.com/649.htm>). Он также используется на схемах, картах, предметах (например, кранах с водой) для обозначения холодных районов, явлений, предметов и веществ. Кстати, финноязычная лексема *kylmä* с первичным значением «холодный», имеет также и семантику цвета «*väreistä: siniharmaan sukuinen*» [SPS O3 1996: 422-423] (о цветах: сине-серые цвета). Получается, что в финской лингвокультуре синий цвет имеет устойчивую ассоциацию с холодом. Кроме того, цвета сине-серого спектра обычно также классифицируются как «холодные».

Помимо финского прилагательного *sininen* (синий) с колористической семантикой холодного цвета или тона к зрительному модулю относятся еще 9 прилагательных: *huurteinen* (покрытый инеем), *huuruinen* (запотелый), *härnäinen* (заиндевелый), *kuurainen* (инистый), *jäinen* (покрытый льдом), *iljanteinen* (обледенелый), *luminen* (снежный, покрытый снегом), *riitteinen* (покрытый тонкой коркой льда), *routainen* (промерзлый), которые могут отражать восприятие холода на расстоянии, без непосредственного осязательного контакта с источником холода. Прилагательные образованы от существительных с помощью суффикса *-inen*, имеющего значение «обладающий тем-то», «покрытый тем-то» [Бубрих 1955: 16], что может находить отражение в переводе, когда прилагательное может переводиться словосочетанием «покрытый + чем».

К глаголам визуального модуля отнесем глаголы:

1) обозначающие покрытие поверхности снежным или ледяным покровом: *lumeta/lumettaa* (покрывать снегом), *huutää* (сковывать, покрывать льдом), *huurtaa – peittää huurteella* (покрывать инеем) [SKS O1 1996: 244], *kinostaa* – наносить / наметать (о снеге), *nietostaa* –наносить сугробы.

2) обозначающие приобретение предметом снежного или ледяного покрытия: jäätyä (покрыться льдом), kohvettua (покрываться ледяной коркой), huurtua (покрываться инеем).

3) обозначающие другие признаки, возникающие на морозе у людей или животных: huuruta- идти (о папе), например, hengitys huurusi [SKS O1 1996: 244] (изо рта шел пар); värjötellä, hytistä, väristä, vapista, täristä, tutista – дрожать ruistattaa – заставлять дрожать. При этом отметим, что глагол värjötellä имеет в своей семантической структуре сему холода, так как определяется в «Suomen kielen perussanakirja» как «hytistä kylmästä, palella» [SPS O3 1996: 608] (дрожать от холода, мерзнуть). При использовании остальных глаголов ощущение холода задается контекстом, так как дрожь может возникать под воздействием других состояний и эмоций.

Анализ фразеологии финского языка позволил выделить фразеологизмы, описывающие ощущения холода, относящиеся преимущественно к визуальному модусу. К таким фразеологизмам отнесем, прежде всего, фразеологизмы mennä/nousta kananlihalle (досл. пойти/подняться на куриное мясо) со значением «kokea iholla jännityksen, innostuksen tai viileyden tunne» [Muikku-Werner 2008: 101] (испытывать кожей волнение, напряжение или холод) и olla kananlihalla (досл. быть на курином мясе) со значением «ihokarvat ovat pystyssä jännityksestä, innostuksesta tai viileydestä» [Muikku-Werner 2008: 101] (волосы на коже встают дыбом от волнения, напряжения или холода). Фразеологизмы возникли из-за визуальной схожести кожи человека, испытывающего холод, с кожей ошипанной курицы. В русском языке имеется соответствие «покрыться гусиной кожей». В русском языке также используется выражение «мурашки побежали по телу/ пошли по спине» (фин. kylmät väreet). Однако следует отметить, мурашки возникают как признак озноба, вызванного сильным страхом, волнением или возбуждением [Федоров, 2008], т.е. в основном причина их возникновения лежит в эмоциональном состоянии человека. Однако Е. А. Машевич отмечает, что мурашки могут появиться и в случаях,

когда человек воспринимает холод визуально, без непосредственного воздействия низкой температуры на кожную поверхность, например, когда видит морозную сцену или легко одетого человека на морозе [Машевич]. Гусиная кожа, в свою очередь, появляется от холода, страха и нервного напряжения [Большой толково-фразеологический словарь Михельсона], т.е. стимулом их появления могут послужить не только эмоции, но и низкая температура.

Еще одним фразеологизмом визуального модуса является фразеологизм *väristä kuin haavan lehti* (дрожать как осиновый лист), который используется для обозначения дрожания, вызванного эмоциональным состоянием, страхом или холодом. В ходе исследования было выявлено две версии происхождения данного фразеологизма. Согласно первой легенде Иуда повесился именно на осине, что заставило оскверненное дерево вечно дрожать [Северская 2009]. Согласно второй легенде шелест осиновых листьев вызван тем, что крест Иисуса Христа был сделан из осины. У осины это вызвало настолько сильные переживания, что ее листья никак не находят себе покоя [Lehtonen 2023]. На русский язык фразеологизм *väristä kuin haavan lehti* переводится выражением «дрожать как осиновый лист».

Отметим, что передача семантики холода во фразеологизмах обычно задается контекстом, поскольку описываемые ими состояния можно испытывать не только под влиянием холода, но и под влиянием сильных эмоций.

Анализ финноязычного и переводного лексикографического дискурса показывает, что вербализация визуального восприятия холода главным образом связана со снегом, льдом и инеем, а также с обозначениями синего цвета, который относится к так называемым «холодным» цветам. Основным способом перевода «холодных» лексических единиц визуального модуса в лексикографическом дискурсе является использование переводческого соответствия, что определяется отсутствием идентичности в русской и финской языковых картинах мира в части визуального восприятия холода.

Данные расхождения приводят к необходимости использования генерализации и конкретизации при переводе «холодных» лексических единиц визуального модуса на русский язык. Ограниченные возможности использования словосложения в русском языке обуславливают использование при переводе композитных финских образований на русский язык словосочетаний, а также в некоторых случаях (при отсутствии соответствия и возможности использования словосочетания) описательного перевода.

Анализ метеорологического дискурса показал, что визуальное восприятие холода в прогнозах погоды связано со снегом и льдом, а также синим цветом. Снег и иней имеют тесную ассоциативную связь с холодом, так как их появление и существование требуют отрицательных температур. Например:

(22) *Aamulla myös etelärannikolla voi sataa paikoin lunta tai jäätävää sadetta.* – Утром и на южном побережье страны местами возможно выпадение осадков в виде снега или ледяного дождя.

Явление *jäätävä tihkusade* (ледяной дождь) описывается в финском метеорологическом дискурсе следующим образом:

(23) *Siinähan on kyse siitä, että vesi on alijäähtynyttä eikä se ole kiteytynyt lumiseen olomuotoon. Kun se osuu maahan, se tarttuu kylmiin pintoihin ja muuttuu jääksi (Iltalehti).* – Речь идет о ситуации, когда вода переохлаждается, но не превращается в снег. Когда же она достигает земли, то остается на холодных поверхностях, превращаясь в лед.

Как выпадение снега, так и выпадение ледяного дождя и появления ледяной корки на поверхностях предполагает, что температура воздушной массы ниже нуля. Соответственно визуальное восприятие этих явлений приведет к восприятию погоды как холодной, когда фиксируется температура воздуха ниже нуля.

В финском метеорологическом дискурсе «теплые» цвета (желтый, красный, оранжевый) используются для обозначения теплой погоды, а

«холодные» (sininen (синий) и его оттенки) цвета для обозначения холодной погоды на метеорологических картах – географических картах, на которых с помощью условных обозначений и на основании метеорологических наблюдений нанесены данные о погодных условиях в определенный момент времени, либо данные об ожидаемых погодных условиях [Морской энциклопедический справочник]. Подробное изучение финского метеорологического дискурса, связанного с зимним временем года, показало, что синий цвет используется метеорологами Финляндии для обозначения низких температур, что подтверждает следующий микроконтекст:

(24) *Maapallo on hyvin suurelta osin hehkunut keltaisena tai punaisena normaalia korkeampien lämpötilojen takia, mutta Pohjolaan on muodostunut sitkeä sininen kylmä piste.* – Большая часть земного шара окрасилась в желтый или красный цвета из-за более высоких, чем обычно, температур, однако на севере образовалось устойчивое холодное голубое пятно.

В метеосообщении, частью которой является данный микроконтекст, описывается температурная ситуация в мире и конкретно в Финляндии в ближайшие годы и указывается на то, что в мире средняя температура выше нормы вследствие глобального потепления, в то время как в Финляндии она ниже средней. Подобная ситуация отражена на климатической карте (Рис 3) – карте, для построения которой используются осредненные данные за некоторый отрезок времени [Морской энциклопедический справочник].

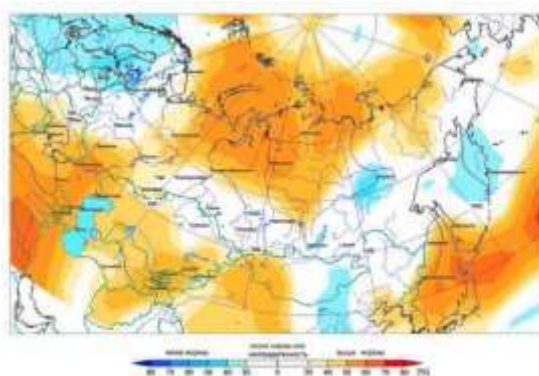

Рисунок 3. Климатическая карта к микроконтексту (24) (Источник: <https://meteo.crimea.ru/?p=7955>)

Следует отметить, что интенсивность холода связана при использовании метеорологических карт в финноязычной синоптике с насыщенностью синего цвета, что можно проследить в следующем микроконтексте, описывающем ситуацию, когда холодная погода сменяется теплой:

(25) 27. marraskuuta alkavalla viikolla sininen signaali on hiipunut vaaleaan sävyyn (досл. На неделе, начинающейся с 27 ноября, синий сигнал стал более светлым). – На неделе, начинающейся с 27 ноября, наблюдается ослабление холодного циклона.

Прилагательное «sininen» в выражении *sininen signaali* (досл. синий сигнал), которое здесь используется в зрительном модуле для передачи ощущений холода, начали применять для обозначения низкой температуры в финском метеорологическом дискурсе в 2021 году. Причем сначала данное выражение заключалось в кавычки:

(26) *Kuukausiennusteessa "sitkeä sininen signaali" – tältä näyttää sydäntalvi Suomessa (Foreca 24.12.2021)* (досл. По прогнозу на месяц «устойчивый синий сигнал» - так будет выглядеть середина зимы в Финляндии). – В ближайший месяц сохранится холодная погода - именно такой будет погода в Финляндии в разгар зимы.

Однако, как показывают микроконтексты из финского метеорологического дискурса 2023 года, при использовании данного выражения кавычки перестали использоваться.

(27) *Sininen signaali syö Suomea (Iltalehti 17.11.2023)* (досл. Синий сигнал съедает Финляндию). – Финляндию охватывают холода.

При переводе прилагательного *sininen* в приведенных выше микроконтекстах отметим использование **тактики сенсорного переключения**, когда в тексте перевода сенсорная информация принадлежит к другому модулю восприятия в сравнении с текстом оригинала (зрительный→ осязательный), что в данном случае вызвано необходимостью экспликации имплицативной информации, а также особенностями

использования прилагательного «синий» для обозначения холода в русскоязычном метеорологическом дискурсе (отмечается более низкий уровень конвенциональности использования синего цвета для обозначения холода). В данном случае в результате перевода происходит экспликация имплицативной информации.

Метеорологический дискурс, в котором наблюдается регулярность описания схожих метеорологических явлений, требует постоянного создания метеонимов-неологизмов (новых номинаций природных явлений) для исключения повторения одних и тех же лексических единиц при описании погодных явлений и привлечения внимания читателей в целях информирования, а при очень низких, экстремальных температурах – для предупреждения несчастных случаев. Результатом лингвокреативных возможностей создателей метеорологических метеотекстов является, например, выражение *sininen sadisti* (синий садист), используемое в приведенном ниже микроконтексте:

(28) *Sininen sadisti saapuu Suomeen* (досл. Синий садист прибудет в Финляндию). – В Финляндии ожидаются суровые морозы.

Выражение *sininen sadisti* впервые использовалось в метеорологическом дискурсе в ноябре 2023 года для обозначения надвигавшегося на Финляндию холодного фронта [Hytinen 2024]. Его использование направлено на передачу болевых ощущений от воздействия холода и служит своего рода предупреждением о возможном пагубном влиянии мороза на организм человека. Вербализация болевых ощущений может стимулировать принятие человеком необходимых мер для нейтрализации или минимизации данного воздействия при выходе на улицу в сильный мороз.

В метеорологическом дискурсе также зафиксирована лингвокреатема *huurtaja*, которая используется, например, в следующем микроконтексте.

(29) *Arktinen huurtaja nielaisee Suomen: loppuviikolla jopa yli 30 astetta pakkasta. Koillistuulen myötä huurtajan kylmä syleily kirpaisee vieläkin enemmän*

(досл. Арктический «покрыватель изморозью» проглотит Финляндию: в конце недели даже ниже 30 градусов мороза. Из-за северо-восточного ветра холодные объятия «покрывателя изморозью» будут обжигать еще сильнее). – Арктические холода охватят Финляндию: на выходных ожидается ниже - 30°C. Северо-восточный ветер добавит колкости заиндевелым объятиям мороза.

При образовании лингвокреатемы *huurtaja* использованы потенциальные возможности финского языка, т.е. способность глаголов присоединять продуктивный суффикс *-ja/jä* для образования существительных с семантикой «исполнитель действия». Значение глагола *huurtaa* зафиксировано в словаре «*Suomen kielen perussanakirja*» как «*peittää huurteella*» [SPS O1 1996: 244] (покрывать изморозью, инеем). *Huurre* (изморозь, иней) же определяется как «*pakkasella (pysty)pintoihin tiivistyvä jääkidekerros*» [там же] – слой кристаллов льда, образующихся на (вертикальных) поверхностях в морозную погоду. Получается, что *huurtaja* – это тот, кто покрывает предметы окружающей среды изморозью или инеем. Кандидат географических наук М. Софер отмечает, что изморозь может появляться при сильных морозах (ниже -30°C), причем температура и вид изморози имеют непосредственную взаимосвязь: чем ниже температура, тем ажурнее становится изморозь [Софер 2024]. Таким образом, автор сообщения эффективно использовал потенциальные возможности финского языка и особенность лексемы *huurtaa* передавать визуальный признак холода, так что посредством такой лингвокреатемы передается целый спектр ощущений холода.

При передаче лингвокреатемы *huurtaja* на русский язык невозможно создать аналогичную лингвокреатему со значением «покрыватель инеем», поэтому в переводе необходимо использование других лексических единиц. При вербализации на русском языке заложенных в семантике лексемы *huurtaja* ощущений холода, необходимо, прежде всего, передать сему «низкая температура». Актуализации данного компонента значения в финском языке

способствует согласование лексемы *huurtaja* с прилагательным *arktinen* (арктический). Использование в переводе лексем *мороз* и *холод* позволит передать указанный компонент значения. Вторым аспектом, находящим свою реализацию в значении лингвокреатемы *huurtaja*, является наличие визуального признака холода. В данном случае целесообразным будет использование в переводе на русский язык прилагательного *заиндевелый*. Причем использование выражения *заиндевелые объятья мороза* позволяет сохранить образ мороза, как живого существа, что содержится в семантике финской лексемы *huurtaja*.

В метеорологическом дискурсе визуальное восприятие холода обеспечивается не только через описание снега и инея и связанных с ними явлений, но и с помощью синего цвета – символа холода. Постоянная необходимость описания повторяющихся явлений в метеорологическом дискурсе приводит к появлению лингвокреатем, что при переводе требует задействования лингвокреативных способностей переводчика, а в случае невозможности создания неологической номинации в русском языке, использования, например, такого приема перевода как компенсация, когда элемент значения, утраченный при переводе одной лексической единицы, может быть передан другими лексическими единицами.

В ходе анализа художественного дискурса было выявлено, что визуальный модус восприятия при описании холода в нем используется широко, причем в качестве его характерной черты можно отметить большое разнообразие признаков, которые подвергаются описанию. При этом за счет описания визуальных признаков холода авторам удастся создавать более яркие образы и тем самым обеспечить оказание более сильного прагматического эффекта на реципиента, как бы погружая его в ситуацию холода и заставляя ее прочувствовать.

Визуальные аспекты холода могут использоваться для описания воздействия мороза как на человека, так и на окружающую среду, что можно увидеть в следующих микроконтекстах:

(30) *Hänen piponsa alta pilkistävä huissuortuva huurtui hetkessä, ripset liimautuivat yhteen, huulet jäättyivät* (R. Liksom). – *Прядь волос, выбившаяся из-под шапки, тут же покрылась инеем, ресницы слипались, губы примерзли друг к другу* (Перевод А. Сидоровой).

Через зрительно воспринимаемые признаки воздействия автор описывает состояние холода, испытываемого персонажем. Данное описание предполагает опору на ранее полученный перцептивный опыт реципиента. Скорее всего, реципиент испытывал описанные ощущения от воздействия холода, а значит, в процессе прочтения текста произойдет обращение к этому предшествующему опыту, что может способствовать более многоплановому восприятию холода. Это справедливо и при описании воздействия холода на окружающую среду:

(31) *Hotellia ympäröivä aita oli vinksahtanut kasaan, sen ikkunat olivat täynnä jääkukkia* (R. Liksom). – *Забор вокруг гостиницы покосился, а все окна были покрыты морозными узорами* (Перевод А. Сидоровой).

Покрытые инеем окна – признак холода, поскольку красивые морозные узоры могут появиться только при температуре ниже нуля. С этим связано и представление русского человека о том, что именно мороз рисует эти ледяные узоры на окне.

При описании холода авторы финноязычных художественных произведений эффективно создают сенсорное напряжение за счет перечисления ощущений различных модусов восприятия (при этом ведущим часто является зрительный), что создает синхронность перцепции восприятия холода. Примером может служить следующий микроконтекст:

(32) *Ajattelen tätä kalaa ja kalastamista talvella jäällä kun kaikki häipyä kaukaiseen valkeuteen, tuuli ajaa irtonaista lunta jäätä pitkin eikä voi erottaa rajaa, missä taivas ja meri kohtaavat, vesi on kylmää ja verkkoja uitetaan pauloilla jään alta ja takaisin jään alle, hevoset höyryävät, miehet ovat pukeutuneet paksuihin sisäturkkeihin, lampaannahkaisiin, joista karva näkyy kauluksessa, harmaa ja kähäräinen; kaloja jotka jäättyvät pian liikkumattomiksi*

tappamatta ja reen ääntä jäätä ja lunta vasten, hevosten kavioiden ääntä ja jään railoutumisesta syntyviä ääniä, jotka ovat joskus kumeita jylähdyksiä ja joskus pitkiä, sointuvia (А. Tuuri). – Я думаю об этой рыбе и о рыбной ловле зимой на льду, когда расстилается вокруг и уходит в бесконечную даль белизна, когда ветер взмывает и крутит сухой снег и размыта граница между небом и морем, когда вода холодна и сети качаются, то всплывая, то снова уходя под лед, когда у лошадей клубится из ноздрей пар, а люди укутываются от мороза в овчинные тулупы с серыми курчавыми воротниками; о рыбе, скоро засыпающей, о скрипе полозьев по льду и снегу, о стуке лошадиных копыт и о музыке льда, то звенящего, то стонущего под ударами врубающегося в него людей (Перевод Г. Муравина и Е. Каменской).

В описание холода посредством признаков визуального восприятия (лед, снег, пар из ноздрей) финским автором искусно добавлены ощущения слухового модуса (музыка льда), а также описание интероцептивных ощущений холода (именно внутреннее ощущение холода заставляет укутываться в тулупы), что способствует более полному восприятию холода во всем разнообразии его аспектов. Переводчикам удалось передать практически все нюансы создаваемой автором сенсорной картины холода. Однако можно отметить, что при описании выловленной рыбы автор использует выражение *jotka jäätyvät pian liikkumattomiksi* (которые вскоре замерзают и перестают двигаться). В переводе же используется словосочетание *скоро засыпающей*, что делает ощущение более имплицитным в сравнении с текстом оригинала. С другой стороны, в переводе состояние рыбы при воздействии мороза сравнивается с состоянием человека в подобных условиях. При очень сильном переохлаждении человек засыпает или даже теряет сознание и перестает двигаться. С этой точки зрения наличие или отсутствие у реципиента перевода знаний о воздействии холода на организм человека или предыдущего опыта будет оказывать влияние на восприятие им данной перцептивной информации.

В финноязычном художественном дискурсе, в котором передаются ощущения холода, нередко наблюдается концентрация лексем, относящихся по своему значению к визуальному модусу. Примером может служить следующий микроконтекст:

(33) *Hän katseli korkeammalle tähtiin, jotka kolisivat jääkuutioina vihreällä taivaalla, ja jäistä valoaan säteilevää kuuta. Kerrostalot kyyhöttivät kylmissään kiiltelevien jääkatujen varsilla* (R. Liksom). – *Она смотрела на звезды, на маленькие кубики льда, дрожавшие на зеленом небе, на светящуюся ледяным светом луну. Многоэтажные дома застыли от холода по обеим сторонам скользких улиц* (Перевод А. Сидоровой).

При переводе данного микроконтекста переводчик использовал смысловое развитие при переводе сложного слова *jääkatu* (*jää* ‘лед’ + *katu* ‘улица’), справедливо предположив, что покрытые льдом улицы являются скользкими. Однако, с нашей точки зрения, в данном случае более оправданным было бы использование лексемы «заледевший», поскольку в тексте оригинала ощущение холода передается посредством использования лексемы *jää* (лед), и более того, через неоднократное повторение данной лексемы и композитных образований с ней. При использовании в переводе прилагательного «скользкий» данный эффект, заложенный автором, немного стирается, поскольку реципиенту текста перевода при его восприятии необходимо провести размышления, обратные размышлениям переводчика: скользкий – значит покрытый льдом. Это могут сделать не все реципиенты, что может привести к некоторому снижению уровня визуального восприятия холода в сравнении с оригиналом.

Интересным, с точки зрения вербализации ощущений холода является следующий микроконтекст:

(34) *Tyttö jäi penkille hytisemään. Hänen poskensa hehkuivat punaisina ja hänen nenäkarvoissaan roikkui pieniä jääpisaroita. Tytön viereen tupsahti aamupakkasen kangistama mustavaris. Tyttö tarjosi sille jäätynyttä melonipalaa* (R. Liksom). – *Девушка осталась дрожать на скамейке. Ее щеки горели*

огнем, а волосы в носу покрылись маленькими кристаллами льда. Рядом с девушкой присела скованная утренним морозом черная ворона. Девушка предложила ей кусок замерзшего арбуза (Перевод А. Сидоровой).

В данном микроконтексте передача ощущений холода через описание большого количества визуальных признаков холода, ощущаемого как девушкой, так и вороной, находит выражение в высоком уровне концентрации лексем визуального восприятия холода (*hytisemään* – дрожать, *jääpísarat* – кристаллы льда, *aamupakkasen kangistama* – скованная утренним морозом, *jäätynyt* – замерзший). При переводе необходимо было сохранить данное сенсорное напряжение, что, с нашей точки зрения, переводчику вполне удалось.

Как было рассмотрено ранее, в цветовой гамме вербальных средств, используемых в финских метеорологических текстах, посвященных зимнему времени года, отмечается явное преобладание синего цвета. В финском художественном дискурсе наряду с синим основными обозначениями холода являются *valkoinen* (белый) и *punainen* (красный).

В рамках данного исследования было изучено использование колоративной лексики при описании восприятия холода в финском художественном дискурсе. В целом было выделено 24 колоратива. 13 из них связаны с белым цветом, 7 – с красным и 4 – с синим. Соотношение используемых при описании холода цветов представлено на диаграмме (Рис. 4).

Рисунок 4. Колоративы в финском художественном дискурсе

Обозначение белого цвета, безусловно, используется при описании снега и покрытых им объектов, что можно видеть в микроконтексте:

(35) *Mies tahtoi sinne, aaltoilevien, varhaiskevään sumujen syömien lumipeltojen keskelle. Tuuli vihelsi valkoisilla pelloilla, joilla kesäisin kasvoi mehukasta ruohoa* (R. Liksom). – *Мужчина стремился именно туда, в центр волнующихся снежных полей, изъеденных туманами ранней весны. Ветер со свистом гулял по белым просторам, на которых летом растет сочная зелень* (Перевод А. Сидоровой).

В переводе сохраняется колороним «белый», так как он используется для описания покрытого снегом пространства. Его утрата в переводе привела бы к утрате вербализации визуального восприятия холода. Кроме того, использование колоронима для описания конкретного объекта действительности чаще всего дает возможность нахождения однозначного или вариантного соответствия в языке перевода, а, следовательно, способствует сохранению колоронима в переводе.

Ощущение холода при описании белых зимних пейзажей в финской художественной литературе возникает на основе уже имеющегося у реципиента перцептивного опыта в восприятии холодной погоды и функционирования логической цепочки *белый* → *снег* → *холод*.

Белый цвет может использоваться и при описании частей тела человека, подвергшихся воздействию мороза, что находит отражение в следующем микроконтексте:

(36) *Tuo kuiva, jäinen pakkane, <...> joka saattoi lapset valittelemaan kun heillä ulkoa tullessa oli kädet kontassa ja nenä valkoisena ja joka jääti juomaveden korvoihin ja sankoihin, – sehän on tavallista vuoristossa!* (J.Lie.). – *Сухой ледяной мороз, <...> который заставлял жаловаться детей, пришедших с улицы с окоченевшими руками и побелевшими носами, и который замораживал питьевую воду в ушатах и ведрах – в горах это обычное дело!* (Перевод мой. – А.М.).

Побелевшая кожа на носу является признаком обморожения, то есть результатом воздействия мороза. Данный симптом хорошо знаком всем жителям северных регионов, соответственно как носителям финского языка,

так и носителям русского языка, поэтому колороним сохраняется в тексте перевода и не требует дополнительных пояснений.

При описании воздействия мороза на кожный покров человека используется также красный цвет:

(37) *Mutta ken siellä omilla asioillaan lähestyy asumusta tällaisena ehtona, hän näkee sen vallan viehkeänä, siinä alakuloisen tasaisella kannokkoon rajoittuvalla tontillaan, rakennukset kahden puolen tietä, asuinrakennuksen niin lähellä, että talvisin hevosmiesten reenpankot siihen karahtelevat ja pakkasen **punaiseksi purema** renkipojan **naama** paljastaa ilvehtivät hampaansa ja huutaa toisesta reestä toverilleen* (F. E. Sillanpää). – *Но тот, кто, идучи по своим делам, приближается таким вечером к этому хозяйству, - видит его весьма привлекательным: на уныло ровной поляне, окруженной пнями вырубки, постройки по обеим сторонам дороги, проходящей так близко от жилого дома, что зимой поперечные брусья волокуш задевают за него, и батрак, искривленные зубы **на красном от мороза лице**, кричит товарищам в других санях* (Перевод Г. Муравина).

Синий цвет используется для описания кожи человека, которая подверглась воздействию холода, а также участка снега, находящегося в тени.

(38) *Ajattelin, että häntä varmaan paleli, sillä hänen kasvonsa näyttivät **sinisiltä** ja käpertyneiltä* (L. Lehtolainen). – *Мне показалось, что Киммо очень холодно, поскольку лицо у него **посинело*** (Перевод Т. Мельник).

В ходе данного исследования был проведен сравнительный анализ передачи цветовой палитры холода при переводе на русский язык в художественном и метеорологическом дискурсах. Результаты исследования показали, что в художественном дискурсе сохранение колоронима происходит в 96% случаев (см. Рис. 5), в то время как в метеорологическом дискурсе доля сохранения составляет лишь 17 %. (см. Рис. 6).

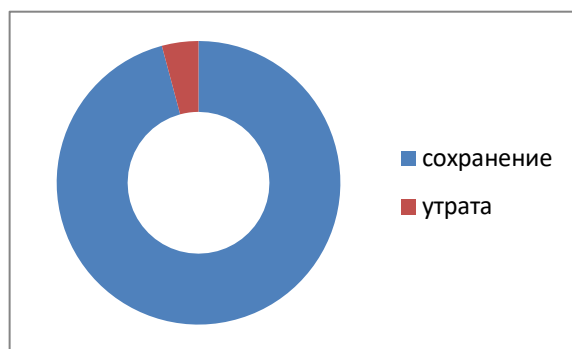

Рисунок 5. Сохранение и утрата колоронима в переводе в художественном дискурсе

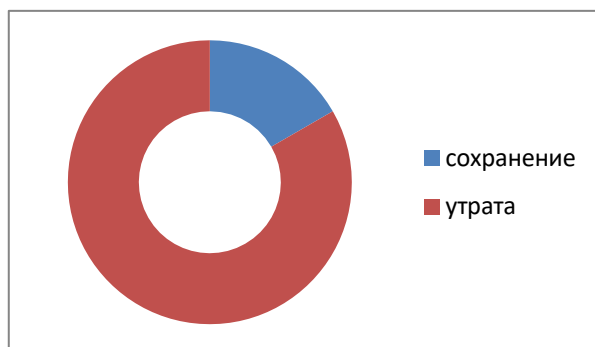

Рисунок 6. Сохранение и утрата колоронима в переводе в метеорологическом дискурсе

Отсутствие колоронима в переводе объясняется конвенциональностью использования синего цвета в финском метеорологическом дискурсе и менее активным использованием данного цвета в русском метеорологическом дискурсе, что приводит к необходимости замены колоронима другой лексической единицей. В художественном дискурсе колоронимы используются для описания объектов действительности, что позволяет найти соответствующий колороним в языке перевода.

В ходе анализа переводов произведений финских писателей на русский язык выявлен случай, когда при сохранении доминирования визуального модуса в ходе перевода происходит изменение визуального образа:

(39) *Pörröisten jäähileiden koristamat vanhat koivut näyttivät kukkivilta tuomilta, jotka rappeutuneessa puutarhassa suovat lohtua* (R. Liksom). – *Старые ели, увешанные ледяными изумрудами, походили на цветущую черемуху, дарующую утешение приходящему в запустение саду* (Перевод А. Сидоровой).

Pörröisten jäähileiden koristamat vanhat koivut дословно переводится как «украшенные пушистыми кристаллами иная старые березы». При этом, как

отмечалось ранее, изморозь возникает при сильных морозах, в то время как используемое переводчиком выражение «ледяные изумруды» не только меняет цветовую гамму с белого на зеленый, но и понижает уровень холода, так как возникновение льда предполагает наличие указания на более теплый период перед наступлением холода. В случае, когда в процессе перевода происходит смена образа при сохранении ведущего модуса восприятия, можно говорить о **тактике сенсорной модификации**. Смена образа может быть вызвана культурными особенностями, а также перцептивным опытом переводчика и его возможностями описать те или иные ощущения.

Смену визуального образа в тексте перевода можно наблюдать и в следующем микроконтексте:

(40) *He kävelivät jäykkinä, henkeä haukkoen ohi lumen alle hautautuneiden rekentamattomien tonttien, kaupunkikasvimaiden, ohi koulun, ohi lumen kuorruttamien aitojen ja pihaporttien, ohi jään kukittamien ruutuikkunaisten verantojen ja valkoisessa pakkashuurussa vaeltavan tanakan naisen* (R. Liksom). – *Мужчина и девушка шли напряженно, время от времени переводя дух, мимо погребенных под сугробами незастроенных участков и городских огородов, мимо школы, мимо заваленных снегом заборов и окутанной облаком белого морозного инея коренастой женщины* (Перевод А. Сидоровой).

Существительное *huuri* определяется как «*usvainen höyry, sakea usva*» [SPS O1 1996: 244] (туманообразный пар, густой туман), то есть используется для описания пара, исходящего от дыхания людей и теплых предметов в холодную погоду. Иней – это тонкий слой ледяных кристаллов, образующихся на охлажденных предметах [Словарь русского языка]. Переводчик изменил визуальный образ с пара на кристаллы льда. Однако анализ словарных дефиниций показывает, что описание пара через образ облака из инея не является удачным, поскольку иней появляется на поверхностях и не существует в форме облака. Возможно, переводчик пытался в данном случае избежать повторения и искал способ для новой

номинации, т.к. в пределах страницы от приведенного выше микроконтекста можно найти предложение, в котором та же лексема *pakkashuuru* переводится как «морозный туман».

(41) *He käveleskelivät keskellä jäisestä unesta heräilevää teollisuuskaupunkia, läpi pihojen ja löysivät pakkashuurusta maailmankaikkeuden alakuloisimman jonon* (R. Liksom). – *Мужчина и девушка долго шли по ледяному, пробуждающемуся ото сна промышленному городу, через дворы, и вышли в морозном тумане на самую печальную во Вселенной очередь* (Перевод А. Сидоровой).

В финском художественном дискурсе при описании холода авторы прибегают к созданию сенсорного напряжения путем перечисления ощущений, относящихся к разным модусам восприятия при явном доминировании визуального модуса, а также насыщение текста лексическими единицами, обеспечивающими «более жизненное» восприятие холода. В цветописии холода в финском художественном дискурсе доминируют белый, красный и синий цвета. Зрительный модус восприятия холода наиболее полно поддается вербализации, поэтому носители финского и русского языков, живущие в сходных климатических условиях и подвергающиеся воздействию холода, имеют в лексическом составе языков соответствующие способы вербализации визуальных ощущений холода. Данный факт позволяет в подавляющем числе случаев сохранить передачу визуальных признаков холода в переводе. Однако в процессе перевода могут находить отражение субъективные ощущения переводчика.

2.1.3 Доминирование слухового модуса

В ходе анализа лексикографических источников финского языка были выделены лексемы, обеспечивающие вербализацию слухового восприятия холода. К таким лексемам относится, например, глагол *raukkuua* (хлопать, трещать). Возьмем, к примеру, финское высказывание *rakkanen raukkuu nurkissa* [SPS O2 1996: 430] (мороз трещит в углах) В «Большом русско-

финском словаре» приводятся вариантные соответствия для глагола *paukkuu* – хлопать, трещать, раздаваться: *ryssyt paukkuvat* раздаются оружейные выстрелы (досл. ружья издают звук выстрела), *vasara paukkuu* раздается стук молотка (досл. молоток издает стук), *ovet paukkuvat* двери хлопают [Вахрос 2001: 448]. Выражение *paukkuva rakkanen* переводится в «Большом русско-финском словаре» как *трескучий мороз*. При описании слухового восприятия холода финский глагол *paukkuu* имеет в русском языке соответствие «трещать». Глагол «трещать» в русском языке означает «издавать резкие щелчки под воздействием сильного давления, в результате которого объект либо с трудом выдерживает нагрузку, либо разрушается на части» [Толковый словарь русского языка, 2003]. При этом треск определяется как «резкий звук, издаваемый чем-либо ломающимся, лопающимся, разрываемым и т.п.» [Ефремова, 2006]. Треск является результатом воздействия мороза на деревья, строения, лед и т.п., при котором возникают нарушение их структуры и разрывы тканей. Таким образом, сам мороз не трещит, но из-за соотнесенности по времени треск, издаваемый деревьями и т.п., переносится непосредственно на мороз, тем самым приписывая ему данную характеристику. Для сравнения в финской языковой картине мира именно мороз может издавать звуки, когда он бьет по стволам деревьев и строениям. Различия в финской и русской языковых картинах мира можно видеть на примере следующего микроконтекста и его перевода:

(42) *Pakkasen paukahdukset kuusipuissa eivät olleet häntä säikäyttäneet* (I. Kianto) (Досл. Хлопки мороза в елках не напугали его). – *Трещали от мороза стволы елок, но это не пугало его* (Перевод В. Смирнова).

В финском предложении мороз является актором, действия которое приводит к появлению звука, в русском же языке мороз является лишь причиной появления звуков, источник которых находится в стволах деревьев. Также отметим, что, исходя из лексического значения глагола *paukkuu*, приведенного выше, в финском языке звуки, появляющиеся на морозе и по причине его, больше похожи на хлопки или звуки от ударов, чем на треск.

Таким образом, даже при наличии соответствия *raukkuu* – трещать, носители русского и финского языков воспринимают сам звук от воздействия мороза по-разному.

Слуховое восприятие холода в финском языке вербализуется также с помощью глагола *narskua* (скрипеть, хрустеть), имеющего значение «*lyhyestä soinnittoman terävästä äänestä*» [SPS O2 1996: 280] – о непродолжительном приглушенном, четком звуке. Например, *lumi narskuu jalkojen alla* [SPS O2 1996: 280] – снег скрипит под ногами. Семантика холода в данном случае будет передаваться через ассоциации данного звука со скрипом снега, который появляется при воздействии на него. Например, когда мы наступаем на покрытую снегом поверхность, снежинки начинают ломаться и тереться друг о друга, что и приводит к появлению характерного хруста или скрипа. Причем, чем сильнее мороз, тем громче скрип. Особенности звука, появляющегося при воздействии на снег, зависит и от структуры самого снега: пушистый свежевypавший и слежавшийся плотный снег будут издавать разный звук (<https://www.gismeteo.ru/news/stihiynye-yavleniya/30336-pochemu-sneg-skripit-pod-nogami/>).

К глаголам слухового восприятия холода можно также отнести глаголы, обозначающие характерные звуки, которые при ознобе издаются зубами. К таким глаголам относятся глаголы *kalista* (стучать, лязгать) и *kalisuttaa* (заставлять стучать). Например: *hampaat kalisevat vilusta* – зубы стучат от холода [Вахрос 2001: 190], *kylmyys kalisutti hampaita* [SPS O1 1996: 377] – досл. холод заставил зубы стучать. Данные глаголы описывают симптомы, возникающие при возникновении озноба, однако семантика холода задается все же самым контекстом, поскольку стук зубов может быть, например, также и признаком некоторых эмоциональных состояний и болезней.

Таким образом, при переводе на русский язык лексемы, обеспечивающие возможность передачи слухового восприятия холода, имеют вариантные соответствия в русском языке.

В финском метеорологическом дискурсе средства вербализации слухового восприятия холода немногочисленны и сводятся в основном к использованию глагола *paukkuu* (трещать):

(43) *Pakkanen paukkuu alkuvuikosta: lumisadekin mahdollista.* – В начале недели затрещат морозы: возможен и снегопад.

Зафиксированы также случаи использования композитного субстантивного образования *paukkupakkanen*, которое состоит из двух элементов: *paukku* ‘треск, стук’ + *pakkanen* ‘мороз’.

(44) *Pojoisessa Suomessa paukkupakkaset voivat jatkaa pitkään.* – Трескучие морозы могут задержаться на севере Финляндии.

В художественном дискурсе слуховое восприятие холода описывается благодаря использованию более разнообразного спектра слуховых ощущений. Прежде всего, это звуки, вызванные воздействием холода. В качестве примера можно привести следующий микроконтекст:

(45) *Joskus napsahti pakkasen oksissa, joskus kuului hillitty metallin kolahdus valtiomiesten liikutellessa aseidensa lukkoja pitääkseen ne toimintakykyisinä* (V. Linna). – Потрескивали на морозе ветви деревьев, иногда раздавалось негромкое металлическое позвякивание – это часовые опробовали затворы оружия, чтобы в любую минуту быть готовым к действию (Перевод В. Смирнова и И. Марциной).

Глагол *napsahtaa* определяется в словаре «*Suomen kielen perussanakirja*» посредством комментария «*kevyen iskun tms. aiheuttamasta lyhyestä soinnittomasta äänestä*» [SPS O2 1996: 279] – о коротком приглушенном звуке, появляющемся при легком ударе и т.п. и его предлагается переводить посредством глагольного выражения «слегка щелкать» [Вахрос 2001: 396]. Таким образом, в переводе сохраняется звуковое восприятие холода, хотя сам характер звука меняется. В данном случае имеет место адаптация, когда в процессе перевода происходит замена на слуховой образ, более близкий носителям русского языка, когда звук мороза ассоциируется не со щелчками, а с треском.

Звуковая передача ощущения холода наблюдается и в следующем микроконтексте:

(46) *Erämaa seisoi ympärillä tähtien välkkeessä, ja ainoastaan pakkanen rasahteli huurteisissa puissa* (I. Kianto). – *Вокруг в блеске звезд стоял глухой лес, и только мороз потрескивал среди покрытых инеем деревьев* (Перевод В. Смирнова).

Значение глагола *rasahtaa* раскрывается в словаре «Suomen kielen perussanakirja» следующим образом: *risun katkeamisen tms. aiheuttamasta lyhytkestoisesta karheasta äänestä* [SPS O2 1996: 617] – о кратком глухом звуке, возникающий при переломе хворостины, его предлагается переводить на русский язык как «хрустнуть, скрипнуть» [Вахрос 2001: 518]. В предлагаемых вариантах перевода сохраняется звуковое восприятие холода, но характер звука при этом немного меняется, хотя следует отметить, что хруст и треск похожи как по звучанию, так и по происхождению, так как хруст определяется как «треск при разрушении чего-либо сухого, ломкого, хрупкого» [Ефремова, 2006].

Звуковое восприятие холода в современной литературе Финляндии реализуется и через описание звуков, появляющихся при осуществлении воздействия на снег. Использование рассматриваемого выше глагола *narskua* можно проследить в следующем микроконтексте:

(47) *Oli niin kylmä, että tähdet kipinöivät ja lumi narskui jalkojen alla* (Z. Topelius). – *Мороз стоял такой, что всё вокруг так и сверкало, а снег под ногами скрипел от каждого шага* (Перевод Л. Брауде).

Для описания слухового восприятия снега используется также глагол *narista*, который характеризуется в словаре «Suomen kielen perussanakirja» посредством пометы «*soinnittomasta terävästä äänestä*» [SPS O2 1996: 279] (о четком приглушенном звуке) и предлагается переводить как «скрипеть, хрустеть» [Вахрос 2001: 396]), что можно выявить в следующем микроконтексте:

(48) *Lumi narisee ja juttelee jalkojeni alla, juttelee minun saappaitteni kanssa. En pidä huovikkaista. Saappaissa on pakko juosta pakkasessa ettei paleltuisi.* (A. Ahola-Valo). – Снег скрипит под ногами, словно болтает с моими сапогами. Я не люблю валенки. В сапогах на морозе приходится бежать, чтобы не замерзнуть. (Перевод мой –А.М.).

Скрип снега, как известно, тесно связан с температурой: чем сильнее мороз, тем громче скрипит снег (<https://www.gismeteo.ru/news/stihiynye-yavleniya/30336-rochemu-sneg-skripit-pod-nogami/>), что используется писателями для создания в произведении атмосферы холода и мороза.

В финском художественном дискурсе выявлены также способы вербализации звука от стука зубов, возникающем при ознобе:

(49) *Kettua paleli niin että sen hampaat löivät loukkua, mutta se yritti siitä huolimatta hymyillä* (H. Mäkelä). – Лисонька страшно замерзла, зубы ее выстукивали дробь, но все равно она пыталась улыбаться (Перевод Э. Иоффе).

Финское выражение *lyödä loukkua* имеет значения *kalista* (стучать, лязгать) и *tutista* (дрожать) [SKP O2 1996: 94]. Согласно данным «Большого финско-русского словаря» выражение *hampaat lyövät loukkua* переводится как *зуб на зуб не попадает* [Вахрос 2001: 336]. В данном случае сохраняется вербализация значения «*tutista*» (дрожать), но не происходит вербализация слухового компонента. Весьма удачный вариант перевода автора «выстукивали дробь» позволяет передать как ритмичное движение челюсти, так и звуковой компонент значения.

Таким образом, слуховое восприятие холода в финноязычном художественном дискурсе может осуществляться через вербализацию звуков, появляющихся при воздействии холода на объекты окружающего мира (треск) и организм человека (стук зубов), а также при механическом воздействии, например, наступании на снег при низких температурах (хруст, треск). Необходимо отметить, что звуковое восприятие снега описывается в русской и финской картинах мира в основном через сходный по своим

характеристикам звук, но звуки, образуемыми объектами окружающего мира под воздействием мороза, при переводе с финского языка на русский передаются посредством вербализации отличных по аудиальным характеристикам звуков.

2.1.4 Доминирование вкусового и обонятельного модусов

В финноязычном лексикографическом и метеорологическом дискурсе не было обнаружено лексических единиц, передающих обонятельное или вкусовое восприятие холода, что вполне объяснимо тем, что восприятие холода обонятельными и вкусовыми рецепторами весьма ограничено.

Примером ольфакторного восприятия холода может служить в финском художественном дискурсе следующий микроконтекст:

(50) *Kylmä pohjoistuuli puri poskia tuon pienen kävelymatkan aikana ja mökin oven avattuamme tuttuun tuoksuun sekoittui **tuoksu talvesta. Kylmä tuoksu, joka kertoi, että nyt on aika. Jos olin sitä aiemmin epäillyt, niin en enää epäillyt. Talvi painaa päälle aiemmin kuin muina mökkivuosina*** (M. Nurmi). – Холодный северный ветер пощипывал щеки во время этой короткой прогулки, а когда мы открыли дверь коттеджа, знакомый запах смешался с **запахом зимы. Холодным запахом**, который говорил о том, что время все-таки пришло. Если раньше в этом были какие-то сомнения, то теперь они совершенно отпали. Зима наступит раньше, чем в прошлые годы (Перевод мой –А.М.).

В данном случае именно через ольфакторные ощущения автор описывает наступление холода. Под «запахом зимы» подразумевается целый букет запахов, которые на основе ранее приобретенного опыта ассоциируются со скорым наступлением холодов. Запах зимы в (50) описывается и через интермодальное (осязательное) восприятие запаха (холодный запах), основанного на метонимической замене (запах чего-то холодного → холодный запах). В переводе возможно сохранить данный прием: холодный запах.

В русском языке реализация ольфакторного фактора восприятия наступающей зимы также возможна, что подтверждает следующий микроконтекст:

(51) *Хотя был ещё сентябрь, в воздухе чувствовался **запах зимы*** (С. Востоков).

Мороз также может получать в русском художественном дискурсе свой характерный запах, что можно увидеть в следующем микроконтексте:

(52) *Мы отчётливо помним **запах мороза** и свежести, исходящий от пододеяльников, наволочек и полотенец* (А. Дубас).

Нежный и тонкий аромат занесенного с мороза белья для многих представителей русской культуры является своего рода эталоном «морозной свежести» – специфического аромата, свойственного сильному морозу.

Следует отметить, что ольфакторное восприятие мороза как в финском, так и в русском языках весьма ограничено, что связано, в том числе, с лимитированностью средств вербализации ольфакторного восприятия действительности в целом. Вербализация запахов, связанных с холодом, происходит через ассоциативную связь с погодными явлениями или временем года (запах мороза, запах зимы). В процессе перевода ольфакторного восприятия холода необходимо учитывать ассоциативные связи холода с определенными явлениями, которые есть у носителей разных языков. В силу схожих климатических условий у носителей русского и финского языков наблюдается высокая степень схожести явлений, имеющих ассоциации с холодом.

2.1.5 Комплексное задействование модусов при передаче ощущений холода в оригинале и переводе

Мультимодальное восприятие, то есть прием и переработка информации разных сенсорных модусов, становится одной из отличительных характеристик современного текста, особенно медиатекста, в том числе и сообщений о погоде. Все чаще и чаще метеорологический медиатекст

становится поликодовым, то есть объединяет в себе разные семиотические коды [Некрасова 2014: 45], например, вербальный и визуальный. Так, медиатекст может включать в себя не только текстовый, но и невербальный компонент (например, изображение), который может существенно дополнять информацию его вербальной составляющей. Визуальный компонент и текст образуют единое вербально-визуальное информационное пространство, которое становится шире, чем отдельно взятые визуальная и вербальная составляющие. О. И. Максименко отмечает, что «изображение не является такой же четко выраженной единицей, как слово, а его семантика по сравнению с последним характеризуется значительно меньшей определенностью, расплывчивостью, размытостью своих границ, сочетание вербального и иконического компонентов в пределах текста позволяет дополнить, обогатить и уточнить передаваемую с их помощью информацию» [Максименко 2012: 101]. Фотография является факультативным элементом в организации метеорологического медиатекста, однако, представленные на ней люди, предметы и ситуации объективного мира связаны с вербальным компонентом тематически или ассоциативно.

Анализ финских метеорологических медиатекстов показал, что взаимодействие вербального и визуального компонентов обеспечивает полимодальное восприятие информации, при котором актуализируются несколько перцептивных каналов. Рассмотрев особенности параллельного функционирования вербального и невербального компонентов метеорологических медиатекстов, а также передачи с их помощью различных видов ощущений холода, было выделено 2 группы текстов: 1) вербальный и визуальный компоненты передают ощущения одних и тех же перцептивных модусов; 2) вербальный и визуальный компоненты передают ощущения разных перцептивных модусов.

К первой группе можно отнести, например, микроконтекст 53:

(53) *Kylmä henkäys vyöryy Suomeen*

Alkuviikon lauha sää alkaa tuoreen ennusteen mukaan viiletä, ja osassa maata mitataan pian jopa yli 20 asteen yöpakkasia. Tiistaina pilvisuus on koko maassa runsasta, ja sateita liikkuu monin paikoin, ennustaa Foreca. Sateet ovat yleisiä etenkin maan keskiosassa, jossa sateen olomuoto vaihtelee veden ja lumen välillä.

Финляндия ощутит на себе ледяное дыхание холода

Согласно последним прогнозам на смену теплой погоде, наблюдавшейся в начале недели, придет похолодание, а в некоторых частях страны ночные температуры вскоре могут опуститься ниже 20 градусов мороза. По информации метеорологической службы Foreca во вторник по всей стране будет наблюдаться сильная облачность, во многих регионах выпадут осадки. Их наибольшая вероятность прогнозируется в центральных регионах страны, где можно ожидать выпадение как дождя, так и снега.

Данный микроконтекст сопровождается следующим фотоизображением (Рис. 7).

Рисунок 7. Фотоизображение к микроконтексту (53) (Источник: Italehti)

В данном случае как в вербальной части, так и в невербальной части медиатекста ощущение холода передается через осязательный и визуальный модусы. В вербальном компоненте содержатся соответствующие лексические единицы (*lumi* – снег, *kylmä henkäys* – ледяное дыхание холода и -20), в визуальном компоненте – изображение рыхлого морозного снега и термометра, показывающего низкую температуру. Минусовые показатели подчеркиваются на изображении синим цветом. Данное фото является своего

рода визуальным сопроводителем вербального компонента медиатекста, позволяющим иллюстрировать содержание его вербального компонента.

Ко второй группе можно отнести микроконтексты 54-56.

(54) *Pakkasvaroitus*

Ilmatieteen laitos varoittaa purevista pakkasista lähipäivinä.

Pakkaset kiristyvät jälleen, ja Ilmatieteen laitos on antanut pakkasvaroituksia useaan maakuntaan. Purevasta pakkasesta varoitetaan tiistaina maan länsi- ja keskiosassa aina etelään asti. Keskiviikkona pakkasvaroitus ulottuu Itä-Suomeen asti.

Осторожно, мороз!

Финский метеорологический институт предупредил о сильных морозах, которые ударят в ближайшие дни.

Морозы только усилятся. Финский метеорологический институт предупреждает о сильных холодах в нескольких регионах страны. Во вторник морозы охватят западную и центральную часть Финляндии, вплоть до южных регионов. В среду он принесет морозы и в восточную часть Финляндии.

Данный микроконтекст сопровождается изображением (Рис. 8).

Рисунок 8. Фотоизображение к микроконтексту (54) (Источник: Iltalehti)

Если в вербальной части сообщения ощущение холода передается через осязательный модус (*pakkanen* – мороз) и болевые ощущения (*pureva pakkanen* досл. кусачий мороз), то визуальный компонент медиатекста связан, прежде всего, с визуальным модусом восприятия. Лед, иней и снег

ассоциируются с холодом, так как само их существование предполагает наличие отрицательных температур. Кроме того, ранее приобретенный опыт восприятия холода жителями холодных регионов, безусловно, оказывает влияние на более многоаспектное восприятие холода, способствуя передаче информации, которая не нашла своего отражения в вербальном компоненте.

Похожее с микроконтекстом (54) взаимодействие вербального и невербального компонентов можно увидеть и в микроконтексте (55) и сопровождаемом его фотоизображении (Рис. 9).

(55) *Kohta vedetään taas: Mittari voi painella jopa –35 asteeseen Suomeen tulee taas hyytävä sää. Föhn-tuulen lämpöisän tuulahduksen jälkeen luvassa on jälleen kylmää kyytiä. Sään kertoo Foreca. Vielä keskiviikkona plusasteita mitattiin laajalla alueella maan etelä- ja keskiosissa sekä Länsi-Lapissa. Torstaina on pakkaspäivä koko maassa, ja puuskainen tuuli saa kylmän tuntumaan entistä purevammalta.*

Скоро снова повеет холодом: температура может опуститься до -35 градусов

В Финляндии снова станет морозно. Метеорологическая служба Foreca сообщает, что вслед за теплым фенот придет очередное похолодание. Еще в среду на большей территории южной и центральной частей страны, а также в западной Лапландии температура была выше нуля, но уже в четверг на всей территории Финляндии ожидается наступление морозов. Из-за порывистого ветра температура будет ощущаться как еще более низкая.

Рисунок 9. Фотоизображение к микроконтексту (55) (Источник: Iltalehti)

Если в вербальной части сообщения ощущение холода передается через осязательный модус (*pakkanen* - мороз, *kylmää kyytiä* - холод, -35) и модус, связанный с болевыми ощущениями (*pureva* - досл. кусачий), то изображение демонстрирует использование визуального модуса восприятия: снег, лед, замерзшие стекла очков, одежда (балаклава), обеспечивающая защиту от мороза. Визуальная информация, которую реципиент воспринимает посредством просмотра фотоизображения, отражает его предшествующий опыт, соединяется с ранее сохраненными сведениями о холоде и его воздействии, и тем самым оказывает определенное эмоционально-прагматическое воздействие на реципиента. Кроме того, визуальный компонент метеорологического текста в данном случае позволяет частично передать реципиенту перевода болевые ощущения от воздействия, передаваемые в финском языке лексемой *pureva* (кусачий), которые не находят эксплицитной реализации в тексте перевода, что объясняется высокой степенью экспрессивности прилагательного «кусачий» при описании мороза в русском языке и необходимостью стилистической адаптации данного микроконтекста к особенностям русскоязычного метеорологического дискурса. Посредством балаклав на лице молодого человека передается информация о возможных болевых ощущениях от воздействия холода и необходимости принятия мер для их минимизации.

Наиболее интересным с точки зрения взаимодействия вербального и визуального компонентов медиатекстов представляется микроконтекст 56 и сопровождающее его фотоизображение (Рис.10).

(56) *Suomea vaanivat hyytävät kelit – Syynä ”suuri poikkeama”*

Ensi vuoden alku näyttää pitkän ajan ennusteista kovin kylmältä

Pidemmän aikavälin sääennusteet viittaavat vuoden 2024 alkavan kylmissä merkeissä. Meteorologi Markus Mäntykannas kirjoittaa Forecan sääblogissa, että tammikuun ensimmäisellä viikolla Suomen ympäristössä on eurooppalaisen keskipitkän sääennusteen mukaan maapallon manneralueiden suurin kylmä poikkeama lämpötiloissa.

Финляндию ожидают сильные морозы –причина в «крупной аномалии»

Согласно долгосрочных метеорологических прогнозов начало следующего года будет очень холодным

Долгосрочные прогнозы погоды обещают низкие температуры в начале 2024 года. Метеоролог Маркус Мянтьюканнас сообщает в блоге метеорологической службы Föresca, что согласно европейских среднесрочных прогнозов, в первую неделю января в Финляндии будет наблюдаться самая низкая температурная аномалия на всей континентальной части мира.

Рисунок 10. Фотоизображение к микроконтексту (56) (Источник: Italehti)

Если в вербальной части сообщения ощущение холода передается через осязательный модус (*kylmä* - холодный, *rakkanen* - мороз), то изображение связано с целым комплексом ощущений, в который входят визуальные (снег и теплая одежда), проприоцептивные (девушка приняла характерную для озноба позу съеживания) и имплицитно представленные интероцептивные (девушке холодно, что заставило ее среди прочего поднять воротник). Визуальный компонент медиатекста обладает большей эффективностью в передаче проприоцептивных и интероцептивных ощущений, так как их вербализация может быть ограничена отсутствием специальных лексических единиц (в русском есть «сьежиться от холода, прыгать от холода, поеживаться от холода»), а также высокой степенью субъективности при описании данных ощущений. Фотоизображение дает возможность связать ситуацию холода с предыдущим опытом реципиента и

тем самым способствовать более точной передаче ощущений, вызванных холодом.

Таким образом, как вербальный, так и визуальный компонент поликодового медиатекста играют важную роль в процессе его восприятия и понимания, влияя на степень информативности текстового сообщения о холодной погоде и на интерпретацию его реципиентом. При передаче ощущения холода оба компонента (вербальный и визуальный) могут дополнять друг друга, обеспечивая передачу разных видов ощущений, способствуя тем самым образованию мультисенсорного единства, а, следовательно, более многопланового восприятия холода.

В художественном дискурсе иллюстрации рассматриваются как «реализация идеи наглядности повествования» [Автамонова 2017: 91], т.е. они являются визуальным представлением информации, описанной в определенном отрывке текста художественного произведения. При этом отмечается, что художник-иллюстратор может обогатить зрительный образ, описанный в тексте за счет добавления дополнительных элементов, тем самым делая этот образ более живым. Примером использования иллюстрации при описании холода в художественном произведении может служить микроконтекст (57) и иллюстрация к нему (Рис. 11).

(57) *Itse mahtava tunturien kuningas. Hiisi istui valtaistuimella, jonka muodostivat pilvenkorkuiset kallionjärkäleet. Päässä hänellä oli valkoisista lumipilvistä tehty lakki. Hiiden silmät olivat kuin täysikuu joka kohoaa metsän takaa; nenä oli taas kuin vuorenhuippu; suu kuin vuorenrotko; parta kuin kimppu pitkiä jääpuikkoja; käsivarret kuin tukkihongat; kädet kuin kuusenhaot; jalat ja jalkaterät kuin talvinen kelkkamäki ja turkki kuin lumipeitteinen vuori. Hiisi kohotti päätään niin että lumi tuiskusi hänen ympärillään, ja katso – upeat revontulet säihkyivät sädekehänä hänen otsallaan. Ne räiskyivät ja suhisivat kuin liekit, jotka metsäpalon sattuessa nuoleskelevat honkien latvuksia, ja kun hän taputti jäisiä kämmeniään, kumu oli kuin ukkosen jylinää* (Z. Topelius). – Сам могущественный горный король Хийси сидел на троне из горных вершин,

возвышающихся до самых облаков. На голове шапка из белоснежного облака; глаза как две поднимающиеся из-за леса полные луны; нос – словно горная вершина; рот – точно пропасть. Его борода – будто связка длинных сосулек, руки – точно сушины, кисти – словно еловые лапы, ноги – горка для катания на санках, а шуба – покрытый снегом склон горы. Хийси поднял голову, и вокруг него тут же закрутилась метель, а на лбу засиял венец из северного сияния, который потрескивал и шипел, словно языки пламени, поглаживающие стволы деревьев во время пожара. А когда горный король захлопал в свои ледяные ладоши, гул походил на раскаты грома (Перевод мой. – А.М.).

Рисунок 11. Иллюстрация к микроконтексту (57) (Автор: Вероника Лео (Veronika Leo), источник: Z. Topelius. Sampo Lappalainen)

Изображение помогает не только визуально воспринять описываемый в тексте образ властителя холода, но и дополнить зрительное восприятие холода с помощью используемых художником «холодных» цветов: синего и белого.

Мультимодальное восприятие холода в художественном дискурсе осуществляется также за счет использования приемов сенсорного реле, когда к ведущему зрительному каналу средствами языка подключается дополнительный сенсорный канал.

(58) *Jäisen kirkas aurinko ei pyydellyt anteeksi. Polttava pakkastuuli virtasi pohjoisesta raahaten mukanaan kuollutta kalliovarista ja repaleista*

hursisäkkiä (R. Liksom). – *Льдисто-яркое солнце не щадило. Обжигающий морозный ветер дул с севера. Он принес с собой мертвую ворону и рваный холщовый мешок* (Перевод А. Сидоровой).

Льдисто-яркий в данном случае является окказиональным сложным бисенсорным эпитетом, первая корневая морфема которого нацелена на передачу осязательного признака, а вторая – зрительного. Его использование позволяет подчеркнуть, что зимнее солнце не греет, хотя оно может быть очень ярким. С другой стороны, оба прилагательных могут представлять зрительный модус в качестве доминирующего, тем самым придавая яркому морозному солнцу окраску льда.

Примером комплексного функционирования модусов могут также служить фрагменты из художественных текстов, в которых в целях более яркой и насыщенной вербализации ощущений холода описывается его восприятие в ракурсе различных модусов, при явном отсутствии доминирования одного из них. Примером может быть следующий микроконтекст:

(59) *Siperian kuiva, tiukka pakkane viilsi hänen kasvojaan ja salpasi hehityksen. Hänen piponsa alta pilkistävä huissuortuva huurtui hetkessä, ripset liimautuivat yhteen, huulet jäätivät kiinni. Hän kuunteli laiturilla, kuinka lumi narisi ja vikisi hänen jalkojensa alla, kuinka raiteet paukkuivat pakkasen kourissa. Hän katseli katkonaisesti sirisevien valaisinpylväiden hellää valoa. Ja kun hän palasi kylmissään käytävään, hän tapasi Arisan* (R. Liksom). – *Сухой, дерзкий сибирский мороз обжег лицо и перехватил дыхание. Прядь волос, выбившаяся из-под шапки, тут же покрылась инеем, ресницы слипались, губы примерзли друг к другу. Она слушала, как на перроне скрипит и повизгивает снег под ногами, как крехтят рельсы в морозных объятьях. Она смотрела на нежный свет трескучих фонарей. Замерзнув, девушка вернулась в коридор, где встретила Раису* (Перевод А. Сидоровой).

Данный микроконтекст обеспечивает вербализацию мультимодального восприятия холода, при котором ощущения одной модальности дополняют

ощущения другой модальности, тем самым создавая мультисенсорное единство и обеспечивая более многостороннее восприятие холода реципиентом. Перевод таких текстов требует от переводчика особого внимания в сенсорной составляющей лексических единиц, чтобы обеспечить реципиенту перевода возможность ощутить весь спектр ощущений холода, заложенный в текст его автором.

Проведя сравнительно-сопоставительный анализ текста оригинала и перевода с точки зрения лингвосенсорики, можно отметить, что лингвосенсорная картина двух текстов неидентична. Например, прилагательное *tiukka*, которое используется для описания мороза имеет значение *tiivis, intensiivinen* (плотный интенсивный) [SPS O3 1996: 315], указывает на степень интенсивности холода. Прилагательное «дерзкий», в свою очередь, определяется как «вызывающе смелый, выказывающий пренебрежение к возможному сопроставлению» [Толковый словарь Ушакова], что, скорее указывает на эмоциональное отношение к воздействию холода. Болевые ощущения от воздействия холода также находят различную вербализацию в финском и русском языке. В финском языке они описываются с помощью глагола *viiltää* (резать), в русском – обжигать. Это можно объяснить особенностями вербализации восприятия холода в двух лингвокультурах. Интересными представляются результаты сопоставления слухового восприятия холода в оригинале и переводе. Например, звук, издаваемый рельсами под воздействием мороза, описывается в финноязычном тексте с помощью глагола *raukkuu* (хлопать, трещать), в то время как в переводе используется глагол «кряхтеть». В данном случае, вероятнее всего, имеет место личный перцептивный опыт переводчика (или его отсутствие), для которого данный звук по каким-то характеристикам ассоциируется с кряхтением. На использование данного глагола могла оказать влияние и использование словосочетание *pakkasen kourissa* (в объятиях мороза), что привело к олицетворению мороза и как следствие «оживлению» рельс. Создается впечатление, что это ребенок, который

кряхтит, удобно устраиваясь на руках отца. Отметим, что звук треска, используемый при описании воздействия холода на рельсы в тексте оригинала, в тексте перевода находит свою реализацию в описании фонарей.

Комплексное функционирование сенсорных модусов при вербализации ощущений холода используется авторами художественных произведений для создания более многостороннего восприятия ощущений холода реципиентом. При этом тексты, особенно, медиатексты, могут содержать в себе визуальный компонент, дополняющий информацию вербального компонента, а также способствующий более эффективной передаче, например, интероцептивных ощущений холода, вербализация которых может быть лимитирована из-за высокой степени их субъективности.

При передаче ощущений холода в переводе осуществляется поиск прямого соответствия в языке перевода, но необходимым может стать использование контекстуального соответствия в случаях использования тактики сенсорной адаптации, например, при описании болевых ощущений, вызванных воздействием холода. В процессе перевода может возникать необходимость в использовании тактики экспликации имплицитруемой информации, когда происходит добавление лексических единиц в том случае, когда ощущение холода, заложенное в семантическую структуру финноязычной лексемы, не может быть реализовано аналогично посредством лексической единицы русского языка и значение может быть передано посредством отдельной лексической единицы. На особенности передачи ощущений холода в переводе могут оказывать влияние ассоциативные связи холода и определенных явлений, предметов и ситуаций в каждой отдельной культуре, а также особенности отражения разных перцептивных аспектов восприятия холода в языке оригинала и перевода. На тот или иной вариант перевода оказывает влияние и личный перцептивный опыт переводчика, поскольку гораздо легче передать те ощущения, которые испытываешь сам (сама), и очень сложно описать, (а иногда даже понять!) те ощущения, которые не приходилось испытывать. Таким образом, на особенности

перевода ощущений холода при сохранении ведущего модуса восприятия оказывают влияние возможности вербализации холода в исходном языке и в языке перевода, наличие ассоциативных связей холода с определенными явлениями, предметами и ситуациями в двух лингвокультурах, а также разнообразие перцептивного опыта переводчика в восприятии холода и его возможности описать его вербально.

2.2 Вербализация экстероцептивных ощущений холода в оригинале и замена ведущего перцептивного модуса в переводе

В предыдущем параграфе рассматривались случаи, где в переводе сохранялся доминирующий модус восприятия. В данном параграфе будут рассматриваться случаи, когда в результате принятого переводческого решения переводчиком осуществляется замена ведущего модуса восприятия. Восприятие холода, описываемое в тексте оригинала с помощью лексических средств одного модуса, в тексте перевода находит реализацию посредством языковых средств, относящихся семантически к другому модусу.

2.2.1 Замена осязательного модуса в переводе

В процессе анализа произведений финских писателей и их переводов на русский язык были выделены случаи, когда осязательные ощущения холода, вербально отражаемые в тексте оригинала, передаются в переводе через вербализацию ощущений слухового модуса, как, например, в следующем микроконтексте:

(60) *Kun isä kuoli oli maaliskuu ja kovat pakkaset ja maa oli jäässä* (D. Katz). – *Когда отец умер, был март, стояли трескучие морозы, земля была закована в лед* (Перевод В. Смирнова).

Прилагательное *kova*, которое используется в качестве определения к существительному *pakkanen* (мороз), согласно данным словаря «*Suomen kielen perussanakirja*» имеет значение «*vaikutukseltaan voimakas, erittäin tunteva, ankara*» [SPS O1 1996: 552] (по своему воздействию сильный, очень

чувствительный, суровый), т.е. передает высокую степень проявления мороза. Данное прилагательное связано с осязательным модусом восприятия холода и не содержит в своей семантической структуре слухового компонента. Используемое в переводе прилагательное «трескучий» содержит в своей структуре слуховой компонент, поэтому реципиенту перевода доступным становится слуховое восприятие холода, которое является результатом деятельности переводчика, а не автора произведения. Однако, расширение спектра сенсорного восприятия холода реципиентом перевода при сохранении вербализации высокой степени проявления мороза, в данном микроконтексте является, с нашей точки зрения, весьма позитивным фактором, поскольку оно позволяет сделать восприятие холода более многосторонним.

Еще одним примером замены осязательного модуса восприятия холода на слуховой в процессе перевода может служить следующий микроконтекст:

(61) *Mutta yöt kaikki, myrskyssä, sateessa ja kireässä pakkasessa hän seisoo vuoren kiireellä, rukoillen syntejänsä anteeksi* (A. Kivi). – *В бурю, в дождь, в трескучие морозы она простаивает все ночи напролет на горной вершине и отмаливает свои грехи* (Перевод Э. Карху).

Прилагательное *kireä*, которое используется в качестве определения к существительному *pakkanen* (мороз), согласно словаря «Suomen kielen perussanakirja» имеет значение «luja» [SPS O1 1996: 487] (крепкий, сильный), т.е. указывает на высокую степень проявления холода в осязательном модусе восприятия и не содержит в своей семантической структуре слухового компонента. Кроме того, согласно «Большого финско-русского словаря» выражение *kireä pakkanen* переводится на русский язык как «жгучий мороз» [Вахрос 2001: 233]. Таким образом, использование в переводе прилагательного «трескучий» добавляет слуховой компонент к восприятию холода, хотя прилагательное *kireä* используется для передачи осязательных и даже болевых ощущений от воздействия холода.

Использование переводчиками прилагательного «трескучий» для передачи высокой степени проявления мороза может быть обосновано определением выражения «трескучий мороз», например, в «Толковом словаре Ушакова» – «очень сильный, сопровождаемый треском смерзающихся бревен и т.п.» [Толковый словарь Ушакова], т.е. с помощью выражения «трескучий мороз» передается высокая степень проявления мороза, но ведущим модусом восприятия в данном случае становится слуховой.

Иное по характеру подключение слухового модуса к осязательному можно выявить в следующем микроконтексте из финского метеорологического дискурса и его переводе:

(62) *Viikko alkaa hyisenä – Käännä vaanii kylmän takana* (досл. Неделя начнется холодной – Поворот подстерегает за холодами) – Неделя начнется на холодной ноте. На смену морозу придет потепление.

Приведенный на финском языке микроконтекст является заголовком метеорологического медиатекста. Одной из функций заголовка является, как известно, привлечение внимания реципиента к информации, сообщаемой в статье, что в данном случае достигается за счет необычного сочетания лексических единиц. Использование выражения «на холодной ноте» позволяет добиться реализации данной цели. Отметим, что выражение «на холодной ноте» может использоваться и в русскоязычном метеорологическом дискурсе, что подтверждается следующими микроконтекстами:

(63) *Но не стоит расслабляться: вслед за этим потеплением вновь нагрянут морозы, и ноябрь 2024 года завершится на холодной ноте* (www.kaliningradtv.ru).

(64) *На холодной ноте месяц завершился только в предыдущем году, а морозом — в 2018-м* (www.mayaksbor.ru).

Основой для образования выражения «на холодной ноте» служит фразеологизм «на мажорной/минорной ноте», со значением «хорошо/плохо».

Кроме того были выявлены также и такие менее устойчивые выражения как *на радостной ноте, на веселой ноте, на грустной ноте*.

Ощущение холода создается в окказионально созданном выражении в функции метеонима за счет использования прилагательного «холодный». Замена прилагательного в данном выражении является продуктивным способом его модификации.

Помимо случаев передачи осязательных ощущений холода за счет переключения на слуховой модус, в художественном дискурсе были зафиксированы случаи, в которых осязательные ощущения холода, репрезентируемые в финском микроконтексте, передаются в его переводе на русский язык через ощущения зрительного модуса:

(65) *Välillä jäinen, valkoinen metsä täytti ikkunan, välillä kepeän sininen, pilvetön taivas. Tyttö kuuli miehen puheen soinnin ja rytmin* (R. Liksom). – *В окне появлялся то заиндеVELO-белесый лес, то нежно-синее безоблачное небо. Девушка вслушивалась в ритм и мелодию речи своего соседа по купе* (Перевод А. Сидоровой).

В словаре «*Suomen kielen perussanakirja*» зафиксировано два значения прилагательного *jäinen*: 1) *jäätä tai jäässä oleva, jäätynyt; jääpintainen, iljanteinen* – сделанный из льда или покрытый льдом, замерзший; имеющий ледяную поверхность, обледенелый; 2) *jääkylmä, hyinen* – холодный как лед, ледяной, ледящий) [SPS O1 1996: 342]. В вышеприведенном микроконтексте прилагательное *jäinen* является однородным определением вместе с прилагательным *valkoinen* (белый), что может ограничивать его использование в первом значении, так как цвет льда и покрытых им предметов редко описывается в финском языке как белый. Таким образом, здесь, скорее всего, находит свое воплощение второе значение прилагательного, связанное с осязательным модусом. В тексте перевода используется при этом прилагательное *заиндеVELO-белесый*, что обеспечивает передачу ощущений холода через зрительный модус. С другой стороны, использование прилагательного *белесый*, обозначающего тускло-белый цвет,

может иметь своей целью указание на наличие у снежного покрова тонкой ледяной корки, являющейся причиной изменения его цвета, который в оригинале описывается как *valkoinen* (белый). В этом случае переводчик принял адекватное, на наш взгляд, переводческое решение, что в тексте нашло реализацию первое значение прилагательного *jäinen*, и попытался передать именно его, тем самым обеспечив передачу холода только через визуальный модус.

В процессе перевода осязательные ощущения холода, эксплицированные в тексте оригинала, могут передаваться за счет использования лексем, относящихся по семантике к вкусовому модусу, что можно увидеть в следующем микроконтексте и его переводе:

(66) *Pidättelen puistatusta, vaikka suuni on ensin täynnä kylmää ja sitten vatsani kuuma virvatulta* (J. Sinisalo). – Я сдерживаю дрожь, хотя холодная на вкус жидкость жжет внутренности, как горячий блуждающий огонек (Перевод Л. Виролайнен).

Переводчик добавляет уточняющую характеристику «на вкус», меняя тем самым модус восприятия холода с осязательного на вкусовой и перенося температурную характеристику напитка на его вкус. В тексте оригинала ощущение холода передается через осязательный модус, а выражение *kylmä virvatuli* (холодный блуждающий огонек) используется для описания воздействия холодного напитка на ротовую полость человека. В переводе же холод является характеристикой именно вкуса напитка. Кроме того, в тексте оригинала имеет место противопоставление осязательных ощущений холодный – горячий, в то время как в переводе это противопоставление немного нивелируется за счет передачи осязательного ощущения «холодный» через вкусовой модус.

Таким образом, при передаче ощущений холода в переводе с финского языка на русский может происходить замена осязательного модуса. Это может быть вызвано несколькими причинами, среди которых в метеорологическом дискурсе можно отметить необходимость поиска

привлекающего внимание реципиента заголовка, а в художественном дискурсе особенности вербального отражения сильного мороза носителями русского языка посредством задействования слухового модуса ввиду имеющихся особенностей национальной картины мира в отношении восприятия холода. Игруют роль в достраивании или перестраивании модусов восприятия холода также и особенности субъективного восприятия холода переводчиком.

2.2.2 Замена зрительного модуса в переводе

Исследование произведений финских писателей и их переводов на русский язык показал, что в процессе перевода может происходить смена визуального модуса восприятия холода на осязательный модус. Подтверждением могут служить следующие микроконтексты и их переводы:

(67) *Pakkastuuli luuttusi jurtan huurteista maalattiaa* (R. Liksom). – *Морозный воздух гулял по холодному земляному полу юрты* (Перевод А. Сидоровой).

Прилагательное *huurteinen* определяется в словаре «*Suomen kielen sanakirja ulkomaalaisille*» как «*joka on huurteissa*» [Nurmi 1999: 196] (который покрыт инеем), т.е. используется для описания поверхностей, покрытых инеем. Само появление и существование ледяных кристаллов предполагает низкую температуру, поэтому поверхность, которую они покрывают, безусловно, также должна быть холодной. Используя прием смыслового развития, переводчик приписывает полу, покрытому инеем, низкую температуру и использует в переводе прилагательное «холодный» для его характеристики. Однако в этом случае утрачивается визуальный аспект восприятия холода, что сужает спектр ощущений, заложенный изначально автором оригинала. Кроме того, реципиент текста перевода лишается возможности самостоятельного установления соответствия между инеем и холодом в процессе восприятия текста, поскольку переводчик эксплицитно выражает осязательное ощущение холода, которое в оригинале выражено

имплицитно через иней. Тем самым игра с художественными образами для читателя немного упрощается.

Еще одним примером смены визуального модуса на осязательный является следующий микроконтекст и его перевод:

(68) *Aliide lähti juoksemaan Kreelin torpan luota, kurpposet lensivät pitkin askelin ja muorilta saadun pullon lasi lämpeni kädessä, mutta sormet olivat kylmästä verettömät* (S. Oksanen). – *От дома бабушки Алиде почти бежала, вальдишненены летали над полем длинными кругами, а пузырек, полученный у нее, нагревался в руке, хотя пальцы при этом оставались холодными* (Перевод Т. Джафаровой-Виитала).

Прилагательное *veretön* имеет значение «*jossa ei ole verta, kalpea*» [SPS O3 1996: 520] (в котором нет крови, бледный) и используется в данном случае для описания бледной кожи пальцев, подвергшихся влиянию холода, т.е. для вербализации визуального признака реакции организма на воздействия низкой температуры. Переводчик использовал для описания пальцев прилагательное «холодный», тем самым сменив визуальный модус на осязательный. Это можно объяснить использованием приема смыслового развития, а именно знанием о том, что снижение притока крови в пальцы под воздействие холода приводит к их замерзанию (бледная кожа → замерзли → холодные). В данном случае при переводе происходит изменение спектра ощущений холода в сравнении с текстом оригинала и утрачивается визуальный компонент, а реципиент перевода в процессе восприятия текста лишается возможности самостоятельного установления соответствия между цветом кожного покрова и холодом. Переводчик эксплицитно выражает осязательное ощущение холода, которое в оригинале выражено имплицитно через бледность кожи.

Смену доминирующего модуса можно зафиксировать и в следующем микроконтексте и его переводе:

(69) *Miten kylmää ja pimeää Sannan kuoliniltana oli täytynyt olla, kun lumikaan ei ollut valaissut maaliskuista maisemaa. Kai jäähileiseen veteen oli*

kangistanut hetkessä, varsinkin kun oli humalassa (L. Lehtolainen). – *Как же, наверное, холодно и неудобно было в тот трагический вечер в начале марта. Люди говорили, что даже снег не забелил в тот день темную землю. Наверное, попав в ледяную воду, человек мгновенно терял от холода сознание и погибал* (Перевод Т. Мельник).

Прилагательное *jäähileinen* образовано от существительного *jäähile*, которое определяется как «ohut, säröilevä jääkuori, rite» [SPS O1 1996: 355] – тонкая трескающаяся ледяная корка, пленка льда. Соответственно, прилагательное *jäähileinen* можно было перевести на русский язык как «покрытый тонким слоем льда». Данное прилагательное позволяет зафиксировать визуальный признак восприятия холода, указывая при этом и на наличие ощущения осязательного модуса, поскольку необходимым условием образования тонкой корки льда является низкая температура поверхности объекта, на которой она образуется. В проанализированных в процессе исследования двуязычных лексикографических источниках не зафиксировано ни одного соответствия для финского существительного *jäähile*. В финском языке данная лексема описывается через лексему *jääriite*, которая в свою очередь имеет описательный перевод «тонкая ледяная корка, пленка льда» [Вахрос 2001: 233]. Смысловое развитие, реализованное в переводе микроконтекста, позволяет описывать воду, покрытую тонкой пленкой льда как холодную, поскольку возникновение на ней ледяной корочки предполагает ее низкую температуру. В свою очередь, выбор прилагательного «ледяной» среди синонимов прилагательного «холодный» определяется его тематической принадлежностью к группе «лед», к которой относится и прилагательное *jäähileinen*. Анализ данного микроконтекста и его перевода показывает, что переводчик искусно подыскивает для финского прилагательного *jäähileinen* контекстуальное соответствие в виде прилагательного «ледяной».

Как показывает исследование, визуальный модус восприятия холода в тексте оригинала может заменяться на осязательный модус в тексте перевода.

Основной причиной этого можно считать использование переводчиком приема смыслового развития, позволяющего визуальные признаки холода (лед, иней, снег) соотносить с логическим выводом о низкой температуре поверхности, на которой они находятся, что и позволяет переводчику обратиться в переводе к осязательному модусу.

2.2.3 Замена слухового модуса в переводе

Замена слухового модуса восприятия холода на осязательный компонент передачи ощущений холода происходит в основном в переводе на русский язык финских текстов, относящихся к метеорологическому дискурсу. Высокая степень проявления мороза редко передается в русскоязычных метеорологических текстах с помощью прилагательного «трескучий» или глагола «трещать». Исключением могут являться заголовки к метеотекстам, в которых данные лексемы могут использоваться с целью привлечения внимания реципиента к информации, передаваемой в тексте, а также для оказания на него большего прагматического воздействия. Примером смены слухового модуса на осязательный может служить следующий микроконтекст и его перевод:

(70) *Paukkupakkasten odotetaan jatkuvan Moskovassa ortodoksiseen jouluihin eli sunnuntaihin 7. tammikuuta asti.* – Сильные морозы могут простоять в Москве до православного Рождества, то есть до воскресенья 7 января.

В данном случае происходит ситуация обратная той, что была описана выше. Выражение «трескучий мороз» определяется как «очень сильный, сопровождаемый треском смерзающихся бревен и т.п.» [Толковый словарь Ушакова] и используется для передачи высокой степени проявления мороза. Это дает основание использовать в переводе прилагательное «сильный» для передачи высокой степени проявления холода. В метеорологическом дискурсе именно указание на силу мороза в его зима-ориентированных текстах, а значит, имплицитное задействование тактильных ощущений является наиболее важным аспектом, в то время как слуховой компонент

восприятия холода в данном случае отходит на задний план. Это отличает метеорологический дискурс от художественной литературы, в которой слуховой компонент восприятия холода, как правило, сохраняется при переводе, так как он позволяет сделать восприятие холода более ярким и насыщенным с сенсорной точки зрения.

2.2.4 Замена обонятельного и вкусового модусов в переводе

Вербализация восприятия холода посредством задействования вкусового и обонятельного модусов весьма ограничено, что находит отражение и в вербализации данных ощущений в финском языке. В переводном лексикографическом дискурсе и в переводах текстов, относящихся к метеорологическому дискурсу, примеров смены обонятельного или вкусового модусов выявлено не было. На материале художественной литературы примером этому может служить следующий микроконтекст и его перевод:

(71) *Sillä asiakkaalla oli ollut iso maha, kädessä oli heilunut lasi Jim Beamia, jäät olivat kilisseet, musiikki oli soinut, saksalaiset puhdistusaineet ja votkan kylmä tuoksu olivat leijuneet asunnossa* (S. Oksanen). – У клиента было большое брюхо, в руках стакан с искрящимся напитком «Jim Beam», звенели льдинки, звучала музыка, в комнате витал дух холодной водки и немецких дезодорантов (Перевод Т. Джафаровой-Виитала).

Интермодальное, а именно осязательное восприятие запаха в тексте оригинала, переданное с помощью фразы *votkan kylmä tuoksu* (холодный запах водки), находит только «осязательную» реализацию в тексте перевода. Писатель Софи Оксанен использует в своем произведении в данном случае прием метонимической подмены, когда характеристика предмета переносится на его запах, например, запах чего-то влажного → влажный запах [Харченко 2011: 44]. В нашем случае наблюдается транспозиция «запах чего-то холодного → холодный запах». В переводе данный прием не сохраняется, а осязательный признак холода переносится с запаха

непосредственно на жидкость. Можно предположить, что переводчица не смогла выявить прием метонимической замены в тексте оригинала, а употребление осязательного прилагательного «холодный» для описания запаха показалось ей странным, поскольку запахи жидкости редко наделяются вербально характеристиками, связанными с осязательностью. Это привело ее к решению перенести осязательный признак на свойство самой жидкости, что воспринимается вполне естественно и понятно реципиенту.

2.2.5 Модификация комплексного сенсорного восприятия холода

Примером возможности мультимодальной передачи холода за счет комплексной семантики финской лексемы может служить лексема *pakkastiristäjä*, которая используется в следующем микроконтексте:

(72) *Nyt tulee Jäämeren pakkastiristäjä. Lapissa voidaan mitata viikonloppuna jopa yli 20 asteen pakkasia.* – Надвигается арктический холод. В выходные в Лапландии температура воздуха может опуститься ниже 20 градусов.

Pakkastiristäjä является лингвокреатемой, вторая часть сложного слова (*tiristäjä*) образована за счет использования потенциальной возможности финского глагола присоединять суффикс *-ja/jä* в целях образования существительного, обозначающего исполнителя действия, выраженного данным глаголом. Глагол *tiristää* определяется в словаре как «*keittää rasvassa, paistaa pannussa*» [SPS O3 1996: 313] – готовить на жире, жарить на сковороде, что при описании холода может позволять описывать болевое ощущение от воздействия холода. Глагол *tiristää* имеет непосредственную связь с однокоренным глаголом *tiristä*, имеющим в словаре толкование «*rasvaisen lihan tms. Paistuesssa syntyvästä ritisevästä äänestä, käristä*» [SPS O3 1996: 313] – о шипении или потрескивании при жарке жирного мяса и т.п. Именно это при описании восприятия холода может служить целям передачи слухового восприятия холода, т.е. треска. Учитывая, что первая часть

композиционного образования *pakastiristäjä* является основой лексемы *pakkanen* (мороз), передающей осязательное восприятие холода, лингвокреатема *pakastiristäjä* обеспечивает передачу осязательных и слуховых ощущений восприятия холода, а также болевых ощущений от его воздействия.

Возможность мультимодальной передачи ощущений холода за счет одной лингвокреатемы, созданной при использовании потенциальных возможностей финского языка, является вызовом для переводчика, поскольку потенциальные возможности русского языка не дают возможности создать аналогичную лингвокреатему. Микроконтекст (72) принадлежит к метеорологическому дискурсу, поэтому в переводе необходимо, прежде всего, передать ощущение холода осязательного модуса. Важность осязательного модуса подчеркивается и использованием несогласованного определения *Jäämeren* (Северного-Ледовитого океана), что указывает на принадлежность определяемого слова к этому «холодному» региону. В русскоязычном метеорологическом дискурсе эталонным регионом холода является Арктика, что определило использование в переводе микроконтекста словосочетания «арктический холод».

Дискурсивный анализ позволяет сделать вывод о том, что использование лингвокреатем в метеорологическом дискурсе вызвано необходимостью разнообразить номинацию регулярно описываемых явлений, а также привлечь внимание реципиента к важной информации о холодной погоде и ее влиянии на организм человека. Отметим, что при переводе рассматриваемой лингвокреатемы использовалась **тактика сенсорной редукции**, когда при переводе комплексной сенсорной информации текста оригинала в тексте перевода используются лексические единицы определенного сенсорного модуса.

Обобщая проведенный в данном параграфе анализ случаев перевода микроконтекстов, в которых происходит замены сенсорного модуса при вербализации восприятия холода, можно сделать вывод о том, что в случае замены принимающим становится именно осязательный модус. Если же

меняется сам осязательный модус, то принимающим модусом чаще всего становится слуховой.

2.3 Игнорирование сенсорной модальности восприятия холода в переводе или ее экспликация в переводе

2.3.1 Игнорирование передачи восприятия холода в переводе

В процессе исследования произведений финских авторов и их переводов на русский язык были выявлены случаи игнорирования вербализации восприятия холода в переводе, когда имеющиеся в тексте оригинала указания на холод не находят реализации в переводе. Игнорироваться могут ощущения разных модусов восприятия. Примером такого игнорирования может служить следующий микроконтекст и его перевод:

(73) *Jätän oven raolleen ja juoksen keittiöön, avaan pakastimen ja otan sieltä paketin seitä. Pentti on tuonut suuren kassillisen seitipakkauksia tarjouksesta. Ne kolisevat kuin halot. Palaan ovelle ja työnän huurteisen paketin Miguelin käteen* (J. Sinisalo). – *Я оставляю дверь приоткрытой, бегу на кухню, открываю холодильник и вынимаю большой пакет сайры. Его принес Пентти. Замороженные рыбыны стучаются друг о друга, словно поленья, я возвращаюсь к двери и сую пакет в руки Мигеля* (Перевод Л. Виролайнен).

В данном микроконтексте существительное *paketti* (пакет) согласуется с определением *huurteinen*. Прилагательное *huurteinen* определяется в словаре «Suomen kielen sanakirja ulkomaalaisille» как «*joka on huurteissa*» [Nurmi 1999: 196] (покрытый инеем) и используется для описания объекта, покрытого инеем. В данном случае пакет с замороженной рыбой достали из морозильной камеры. Его поверхность покрылась тонким слоем инея, т.к. при попадании влаги из теплого воздуха на холодную поверхность она превращается в кристаллики льда. Иней на поверхности пакета говорит о низкой температуре его содержимого и поверхности. Посредством визуального модуса передается ощущение холода. Утрата визуального

модуса в переводе лишает реципиента возможности детального восприятия холода. Можно предположить, что переводчик использовал в переводе прием смыслового развития (покрытый инеем пакет → очень холодное содержимое этого пакета → замороженная рыба), что обуславливает добавление в переводе словосочетания «замороженные рыбы». Добавление данного словосочетания можно было бы рассматривать и как компенсацию значения «холодный», утрачиваемого при отсутствии описания визуальной характеристики пакета, указывающей на его низкую температуру. Замороженные рыбыны, находящиеся в пакете, придают соответствующую температуру самому пакету, т. е. эксплицитно выраженная температура содержимого контейнера имплицитно выражает и температуру самого контейнера. Таким образом, переводчик сохранил осязательное ощущение холода, но визуальная характеристика его восприятия была утрачена. Добавление словосочетания «замороженные рыбы» также может быть обусловлено решением переводчика использовать лексику «холодильник» для перевода лексики *pakastin* (морозилка), в связи с чем появилась необходимость отдельно указать на замороженное состояние рыбы. Подводя итог, отметим, что в тексте оригинала можно выделить следующие указания на холод: *pakastin* - морозилка, *huurteinen* – покрытый инеем; в переводе на русский язык – холодильник, замороженные. При сохранении общего количества «холодных» лексем, восприятие холода происходит через разные модусы восприятия (оригинал – осязательный и визуальный, перевод – осязательный), реципиент перевода не получает в итоге вербализацию ощущений холода в виде спектра передаваемых ощущений, заложенных изначально автором в тексте оригинала, визуальный компонент восприятия холода игнорируется в переводе.

Игнорирование обонятельного восприятия холода можно увидеть в следующем микроконтексте и его переводе:

(74) *Viina miehen hengityksestä tuoksui kylmältä, mutta sen keskeltä työntyvä ääni oli raskas melankoliasta ja kaipuusta, ja yhtäkkiä Zارا hävetti, että*

hän oli tunnistanut sen Lavrentin äänestä (S. Oksanen). – *От него пахло водкой, язык тяжело ворочался от меланхолии и тоски, и Заре вдруг стало стыдно, что она это уловила* (Перевод Т. Джафаровой-Виитала).

В тексте оригинала фиксируется вербализация интермодальной, а именно осязательной характеристики восприятия запаха (*viina miehen hengityksestä tuoksui kylmältä* – досл. водка в дыхании мужчины пахла холодом). Автор текста оригинала использует прием метонимической подмены, когда запах предмета, обладающего какой-либо характеристикой, становится характеристикой запаха данного предмета [Харченко 2011: 44]. В данном случае температурная характеристика водки «холодная» переносится на ее запах, который также становится в описании холодным. Переводчик не только не учел использование писателем данного приема, но и вообще выпустил вербализацию холода, посчитав, видимо, что запаху не свойственны осязательные характеристики. С нашей точки зрения, сохранение интермодальности описания запаха возможно было бы в тексте перевода, например, «В дыхании мужчины ощущался холодный запах водки...». Однако, переводчик использовал в данном случае **тактику сенсорного нивелирования**, исключив вербализацию холода из текста перевода.

Игнорирование слухового восприятия холода в результате произведенного перевода можно зафиксировать в следующем микроконтексте и его переводе:

(75) *Torstai, huhtikuun 19.päivä oli kylmä ja tuntui siltä kuin talvi olisi tullut takaisin. Rannassa oli edellisenä yönä jäähilettä, se ritisi vasten hiekkaa. Vedenrajassa oli sortunut linna, edellisen kesän jäänteet; jäinen hiekka johon tuovilapio ei pystynyt* (J. Hahtala). – *В четверг девятнадцатого апреля было холодно, как будто снова пришла зима. За ночь песок на берегу покрылся ледяной коркой. У самой воды высилась оставшаяся с прошлого года разрушенная крепость, промерзший песок, который не расковырять пластмассовой лопаткой* (Перевод И. Прилежаева).

Глагол *ritistä* (потрескивать, похрустывать) имеет в словаре толкование «*katkeavan ohuen risun, murtavan ohuen jään tms. aiheuttamasta lyhytkestoisesta hiljaisesta äänestä*» [SPS 1996: 655] – о тихом коротком звуке, появляющемся при переламывании тонкой ветки или разламывании тонкой корки льда. Он используется в данном контексте для описания звука, появляющегося при соприкосновении тонкой корки льда с песком. Можно предположить, что недостаток личного перцептивного опыта, а именно отсутствие опыта слухового восприятия взаимодействия тонкой корки льда и песка, не позволил переводчику найти соответствующий вариант для передачи данного звука средствами русского языка. Это обусловило игнорирование слуховой составляющей в тексте перевода, и, соответственно, лишило русскоязычного реципиента возможности слухового восприятия холода, эксплицируемой в тексте оригинала. С нашей точки зрения, сохранение слухового компонента возможно в следующем варианте перевода: *За ночь песок на берегу покрылся ледяной коркой, и каждый шаг сопровождался треском хрупкого ледяного полотна.*

Еще одним примером игнорирования передачи слухового восприятия холода в переводе может служить следующий микроконтекст из метеорологического дискурса:

(76) *Arktinen ilmamassa liikkuu Suomen yli viikon alussa. Foreca suosittelee pukeutumaan tällä viikolla lämpimästi, sillä kalisevan kylmä viima puhalttaa.* – В связи с приходом арктической воздушной массы в начале недели метеорологическая служба Foreca рекомендует в ближайшие дни одеваться теплее, так как наступление холодов будет сопровождаться ледяным ветром.

В переводе в качестве соответствия финскому выражению «*kalisevan kylmä viima*» (досл. звеняще холодный ветер) было выбрано словосочетание «ледяной ветер». Утрачивание слухового компонента восприятия холода может быть объяснено в данном случае особенностями использования прилагательного «звонящий» в русском языке. Оно используется для

описания холода и мороза (звнящий холод, звнящий мороз), но не используется для описания ветра. Звуковое восприятие ветра может передаваться в русском языке с помощью таких глаголов как *выть*, *шуметь*, *гудеть*. Однако, отметим, что их использование больше свойственно художественному дискурсу, в то время как в метеорологическом дискурсе более важным является отражение осязательных характеристик ветра, а аудиальные не находят своего отражения.

Осязательное восприятие холода также может не найти своего отражения в переводе при передаче соответствующих ощущений:

(77) – *Ai mä, Marsalkka sanoi. Häpeä iski heti kun sen typeryyden oli päästänyt ulos suustaan, se tuntui siltä kuin jotain kylmää sieltä täältä hyhmääntynyttä rasvaa olisi valutettu hartioille ja selkään. Siihen piti sitten kiirehtiä lisäämää: – Ha ha eiku siis anteeks* (M. Rimminen). – Я?! – удивился Маршал, и тут же вслед за невольно вырвавшейся глупостью его накрыла волна стыда. По плечам и спине медленно растекалось что-то отвратительное и склизкое. Пришлось сразу же добавить: – То есть это...милф пардон (Перевод А. Сидоровой).

Придаточную часть *kuin jotain kylmää sieltä täältä hyhmääntynyttä rasvaa olisi valutettu hartioille ja selkään* можно перевести на русский язык, например, как «будто что-то холодное с жирными комками вылили на плечи и спину». По нашему мнению, в данном случае речь идет об образном авторском преобразовании фразеологического выражения *kylmät väreet*, имеющего значение «*kylmyyden, pelon tai voimakkaan kokemuksen aiheuttama puistatus tai tunne*» [Muikku-Werner 2008: 137] – ощущение или дрожь, вызванные холодом, страхом или сильными эмоциям. Напомним, например, выражение *kylmät väreet kävivät pitkin selkäpiitä* [Вахрос 2001: 766] – холодная дрожь пробежала по спине. Интерпретационный анализ позволяет сделать вывод о том, что автор использовал в вышеприведенном фрагменте текста образ стекания холодной массы для описания ощущения, обычно описываемого как «холодная дрожь, прошедшая по спине». К тому же

данные ощущения появились под воздействием сильных эмоций, а именно стыда, что является подтверждением предположения об образном авторском преобразовании фразеологического выражения *kylmät väreet*, поскольку, исходя из определения, данное ощущение может появиться и под воздействием сильных эмоций. Использование в переводе прилагательного «отвратительный» отражает субъективное отношение переводчика к такому ощущению, как «пробежавшая по спине холодная дрожь». Оно воспринимается переводчиком как нечто отвратительное, связанное с неприятными ощущениями или нежелательными эмоциями. Однако, в данном случае отражение в переводе субъективного восприятия ощущения, меняет его перцептивную составляющую, что, в свою очередь, приводит к тому, что реципиенты текста оригинала и перевода получают разную перцептивную информацию.

Осязательное ощущение не нашло реализации и в переводе следующего микроконтекста:

(78) *Huone oli pieni ja kalsea, ikkunalaudalla kukki haaleanpunainen ruukkuruusu, yöpöydällä oli Edith Södergranin Samlade Dikter ja kynttilä, nurkassa sänkyä vastapäätä televisio. Huone näytti selliltä. Tuulia makasi kapeassa rautasängyssä ja pituudestaan huolimatta hän näytti hyvin pieneltä ja aineettomalta* (L. Lehtolainen). – *Девушка лежала на узкой металлической кровати в похожей на пенал комнатке, на подоконнике стоял горшок с бледно-розовыми розами, в углу – телевизор, на тумбочке – сборник стихотворений Эдит Седергран. Палата, похожая на камеру. Тулия, несмотря на высокий рост, казалась очень маленькой, почти бесплотной* (Перевод Т. Мельник).

В переводе не находит соответствие прилагательное *kalsea*, получающем в словаре толкование «*säästä, lämpötilasta: kolea, kalsea*» [SPS O1 1996: 380] (о погоде, температуре: холодный) и используемое в данном контексте для описания комнаты. Переводчик не учел данную температурную характеристику комнаты и не отразил ее в переводе, что

приводит к сужению сенсорного спектра в тексте перевода. Кроме того, ощущение холода часто связано в художественной литературе с выражением чувства одиночества, поэтому его игнорирование в переводе может уменьшить, в том числе и эмоциональную составляющую текста.

В процессе исследования был выявлен случай, когда в переводе не находит отражение целое предложение, используемое автором оригинала для описания воздействия мороза на окружающую среду и обеспечивающее тем самым реципиенту текста возможность визуального восприятия холода:

(79) *Arjen mädältä löyhkäävä bussi tuli omia aikojaan ja matkalaiset astuivat kireesti sisään. Bussikuskina oli sipuliviinalta haiskahtava, turvonnut, itsensä karvakaulusiseen talvipalittooseen tunkenut keski-ikäinen nainen. Pakkanen oli kulkenut bussin ohi ja huuruttanut sen ikkunat umpeen. Tummalla taivaalla kiisi useampi pilvikerros, ne leikkasivat toisiaan milloin aivan metsänrajan yläpuolella, milloin kaukana korkeudessa (R. Liksom). – Автобус, смердящий будничной гнилью, пришел вовремя, и пассажиры быстро набились внутрь. За рулем сидела распухшая, втиснувшая себя в зимнее пальто с меховым воротником, пропахшая луком и водкой женщина средних лет. Темное небо было покрыто несколькими слоями облаков, они взбирались друг на друга то прямо над кромкой леса, то где-то далеко в вышине (Перевод А. Сидоровой).*

Предложение *Pakkanen oli kulkenut bussin ohi ja huuruttanut sen ikkunat umpeen* (Мороз проскользнул по автобусу, покрыв его окна толстым слоем инея) выпущено в переводе, тем самым переводчик лишил русскоязычного реципиента возможности образного (метафорического в виде олицетворения) и визуального восприятия холода. Кроме того, данное предложение является доминантой в плане вербализации холода в данном абзаце, т.е. в переводном тексте существенно снизилась степень выраженности холода в сравнении с текстом оригинала. Можно предположить, что причиной опущения данного предложения в переводе явилась невнимательность переводчика.

Игнорирование вербализации холода в переводе сокращает спектр перцептивных ощущений, заложенных в тексте оригинала, что, безусловно, обедняет его сенсорную составляющую. Оно может быть обусловлено как особенностями русского языка (например, сочетаемостью слов в русском языке), так и спецификой переводческой деятельности и характеристиками переводческой личности (например, недостаточностью внимания к перцептивным аспектам текста оригинала, отсутствием или недостаточностью сенсорного опыта для поиска эквивалентов в русском языке, описанием ощущений через их субъективное восприятие).

2.3.2 Компенсация при передаче восприятия холода в переводе

В ходе проведенного исследования были выявлены случаи лексической компенсации в переводе, когда передача сенсорной информации оригинального и переводного текста осуществляется разными средствами. Примером служит следующий микроконтекст и его перевод:

(80) *Meitä harjoitettiin avoimella kentällä, jossa viima pääsi puhaltamaan läpi luiden ja ytimien* (J. Konkka). – *Мы занимались в чистом поле, где пронзительный ветер продувал насквозь, а холод пробирал до костей* (Перевод Я. Лапатка).

Придаточная часть *jossa viima pääsi puhaltamaan läpi luiden ja ytimien* переводится на русский язык следующим образом: «на котором холодный ветер продувал до костей». В данном микроконтексте автор описывает воздействие холодного ветра, который, проникая через кожу, вызывает interoцептивные ощущения холода в организме человека. Переводчику удалось сохранить эти ощущения в переводе путем использования соответствующих лексических единиц. Для описания пронизывающего эффекта в переводе микроконтекста (80) использовано прилагательное «пронизывающий», а для передачи холода, включенного, в семантическую структуру финского существительного *viima* (*kylmä* ja *navakka*, *tasaisesti puhaltava ilmavirta*, *tuuli* [SPS O3 1996: 552] – холодный и резкий, равномерный

воздушный поток, ветер), в переводе появляется существительное «холод». Однако в данном примере компенсация происходит не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне. В тексте оригинала однородными членами предложения являются существительные, обозначающие части тела, сквозь которые продувает ветер (*läpi luiden ja utimien* – сквозь кости и костный мозг). В русском языке выражение «пробирать до костей» не предполагает использование однородных членов предложения. Переводчик принимает переводческое решение компенсировать отсутствие таких возможностей описанием двух разных воздействий на организм человека (ветер продувал насквозь, холод пробирал до костей). Таким образом, воздействие одного источника холода на две части тела в тексте оригинала, компенсируется описанием двух разных воздействий в тексте перевода.

Компенсация используется как прием перевода при передаче вербализованных в оригинале ощущений холода и в следующем микроконтексте и его переводе:

(81) *Ja yö hyysi pimeyden halki punaiseksi aamunkoiksi ikkunaan* (R. Liksom). – *Холодная ночь пронеслась сквозь темноту, ударив в окно красным рассветом* (Перевод А. Сидоровой).

Глагол *hyytää* определяется как «*jäätää, kohmettaa*» [Nurmi 1999: 204] (замораживать, лединить), *jähmettää* [SPS O1 1996: 253] (давать застыть), а в «Большом финском-русском словаре» указывается его значение «покрывать льдом, сковывать» [Вахрос 2001: 138]. Послелог *halki* (сквозь) используется при описании перемещения, предполагающего проникающее движение в предмет или пространство без нарушения их целостности. Таким образом, глагол *hyytää* в данном микроконтексте обозначает движение субъекта сквозь пространство, в ходе которого замораживается все вокруг. В русском языке не было обнаружено прямого переводческого соответствия, поэтому переводчик использовал в переводе прием компенсации, добавив определение «холодный» к субъекту (ночь) и передав значение движения путем использования глагола «пронестись». Однако, с нашей точки зрения,

прилагательное «холодный» передает недостаточную степень холода в сравнении с экспликацией семантики холода в тексте оригинала, передаваемой посредством глагола *huutää*. Для передачи более высокой степени выраженности холода, учитывая также, что холод в тексте оригинала передается через опосредованное осязательное ощущение, более адекватным было бы использование выражения «ледяное дыхание ночи». Ср. подобное употребление словосочетания в поэзии:

*Ледяное дыхание ночи
Ощуцаю уже за спиной.
И становятся годы короче,
Словно в бездну летит шар земной.*

(П.А. Ганжа; источник: http://samlib.ru/g/ganzha_p_a/ledjanoedyhanie.shtml).

В случае невозможности нахождения непосредственного соответствия в языке перевода, а следственно, возможной утраты какого-то компонента сенсорной семантики, переводчик старается компенсировать эту потерю за счет использования различных средств языка. При описании восприятия холода компенсация может осуществляться как на лексическом, так и на синтаксическом уровне.

2.3.3 Создание лингвосенсорной модальности восприятия холода в переводе

В ходе проведенного исследования были выявлены случаи, когда в результате перевода происходит создание сенсорно мотивированной экспликации ощущений холода, отсутствующих на вербальном уровне в тексте оригинала. Примером может служить следующий микроконтекст и его перевод:

(82) *Häveliään metsäaukean yläpuolella violetti aurinko lipui tönkkölumisen havumetsän taakse. Metsän syvissä tiheiköissä nukkuivat pienet linnut kivikoloissaan, sitkeät valkoturkkiset jänikset pesissään ja kuorsailevat karhut luolien uumenissa* (R. Liksom). – *Над стыдливой лесной оголенностью медленно проплыло фиолетовое солнце и тут же спряталось за хвойным*

лесом, заваленным снегом. В глухих зарослях спали в своих дуплах маленькие птички, ворочались в холодных норах зайцы в белых шубах, мирно посапывали в берлогах медведи (Перевод А. Сидоровой).

В вышеприведенном переводе микроконтекста переводчик добавил прилагательное «холодный» к описанию нор зайцев. Данное прилагательное придает дополнительную характеристику норе, но при этом становится лишь одним из признаков холода, описанном в микроконтексте – оригинале, т.е. вписывается в общую «холодную» атмосферу, лишь усиливая ее. Можно предположить, что добавление данного прилагательного является своего рода компенсацией, так как прилагательное *sitkeä* (упрямый, выносливый), используемое в качестве определения для существительного *jänikset* (зайцы), не находит соответствующего отражения в переводе, и переводчик компенсирует его отсутствие добавлением прилагательного к описанию заячьих нор.

Еще одним примером создания вербальной репрезентации ощущения холода может служить следующий контекст:

(82) *Vähän väliä joutuu kovalta tien pinnalta syrjään, uppoaa syvälle lumeen ja kaatuu. Tyttönen valittaa väsymystä. Ja vaimon itsensäkin tekee mieli paneutua lumeen pitkälleen* (J. Konkka). – *Скоро она совсем сбивается с дороги. Девочка плачет и жалуется на холод. Да и мать одолевает желание растянуться на снегу* (Перевод Я. Лапатка).

В исходном тексте девочка жалуется на усталость, однако, в тексте перевода причиной жалоб становится холод. Здесь, скорее всего, находят отражение субъективные представления переводчика об ощущениях, возникающих в данных условиях, на основе личного опыта. Падая в снег (что отражено в тексте оригинала), дети скорее пожалуются на холод, чем на усталость. Указание на ощущение холода может являться также своего рода компенсацией выпущенного переводчиком описания о том, что девочка тонет в глубоком снегу и падает. Однако, эксплицитное добавление холода в данном контексте приводит к изменению следующего предложения

микроконтекста. Союз «да и» в данном случае употребляется для присоединения предложения, дополняющего ранее высказанную информацию. Желание матери растянуться на снегу вызвано в данном случае ощущением, которое испытывает и девочка, т.е. холодом. Лечь на снег – не самый эффективный способ борьбы с холодом. При этом смысловой анализ текста оригинала показывает, что девочка жалуется на усталость, которую, соответственно, испытывает и мать, т. е. желание лечь, хоть даже и на снег, является вполне естественным в данном случае. Таким образом, желание переводчика включить в текст перевода на лингвосенсорном уровне дополнительное ощущение холода не является, на наш взгляд, оправданным в данном случае.

Еще одним микроконтекстом, при переводе которого происходит добавление вербальных компонентов восприятия холода, отсутствующих в тексте оригинала, является следующий:

(83) *Täällä kärsi äijä-rukka nälkää kuin juoksukoira; eikä ollut hänellä ystävää, ei heimolaista, ei suojaa mihin päänsä pisti, vaan olipa vielä tuo turhanpäiväinen kunniakin hänen papinkirjastansa pois* (A. Kivi). – *Вечно маялся от голода да холода, как бездомный пес, и не было у него ни родни, ни друга, кто бы приютил его* (Перевод Э. Карху).

Добавление лексемы «холод» в переводе вызвано существованием в русском языке фразеологического оборота «голод и холод», которое обычно используется для описания тяжелого, нищенского существования кого-либо. [Федоров, 2008]. Использование автором сравнения героя произведения с бездомным псом лишь подчеркивает справедливость использования данного фразеологизма при переводе микроконтекста. Таким образом, переводчик использует в данном случае **тактику сенсорного обогащения**, когда в тексте перевода появляется сенсорная информация, которая отсутствовала в тексте оригинала.

При изучении возможностей использования фразеологизма «голод и холод» в Национальном корпусе русского языка был выявлен следующий финноязычный микроконтекст и его перевод:

(84) *Lämpimästä pesästä minut heitettiin kylmään ja nälkään nukkumaan oljille härkävaunussa* (T. Flink). – *Из теплого гнездышка меня вышвырнули в голод и холод, на солому в телячьем вагоне* (Перевод Я. Лапатка).

В финском предложении *heitettiin kylmään ja nälkään* (досл. выкинули на холод и голод), в то время как в переводе на русский язык используется выражение «вышвырнули на голод и холод». Возникает вопрос: справедлива ли такая замена порядка следования слов в переводе? Безусловно, порядок слов в русскоязычном тексте во много определяется существующим фразеологическим оборотом «голод и холод», однако вариант «холод и голод» также используется в художественных текстах. С целью выяснения частотности использования выражений «голод и холод» и «холод и голод» было проведено исследование в «Национальном корпусе русского языка». Результаты исследования представлены в Таблице 8.

Таблица 8. Частотность употребления выражений «холод и голод» и «голод и холод»

Форма падежа	Холод и голод	Голод и холод
Именительный и винительный	84	151
Родительный	105	173
Дательный	17	33
Творительный	22	33
Предложный	22	28

Как показывают результаты исследования, выражение «голод и холод» используется чаще во всех падежных формах, что, вероятно, объясняется его фразеологичностью. Более частое употребление именно такого порядка слов делает возможным изменение их порядка в сравнении с текстом оригинала в приведенном выше переводе микроконтекста.

Таким образом, добавление сенсорики холода в текст перевода может происходить в результате компенсации, а также при задействовании фразеологического потенциала русского языка.

Выводы по главе 2

Исследование восприятия холода в лексикографическом, метеорологическом и художественном дискурсах предоставило возможность достаточно полного и многостороннего рассмотрения возможностей вербализации холода.

Лексикографический дискурс позволил системно рассмотреть лексические единицы финского и русского языков, связанные с восприятием холода, выявить как сходства (*pakkanen*/мороз, *lumi*/снег, *jää*/лед, *kylmä*/холодный, *jäinen*/ледяной, *väristä kuin haavan lehti*/дрожать как осиновый лист, *nipistellä*/щипать), так и различия (например, восемь номинаций холода в финском языке: *kylmä*, *kylmyys*, *pakkanen*, *viileys*, *vilpoisuus*, *koleus*, *kalseus*, *raikkaus* / пять номинаций в русском языке: холод, прохлада, мороз, стужа, свежесть) в языковой репрезентации сенсориума холода носителей финского и русского языков. Словарные определения лексем, связанных с восприятием холода, дают возможность установить представления носителей языка об изучаемом сенсорном явлении.

Метеорологический дискурс позволил рассмотреть прагматический аспект восприятия холода, поскольку именно воздействие на реципиента является одной из важных функций метеорологических текстов. В метеорологических текстах выявлено, например, частое использование степеней сравнения прилагательных (что связано с необходимостью сопоставления погодных условий разных временных периодов), а также использование композитных образований, один из компонентов которых содержит эмоционально-прагматический компонент значения (*hirmupakkanen*- ужасный мороз) для оказания более сильного воздействия на реципиента. Особо отметим использование в метеорологическом дискурсе

лингвокреатом (которые еще не зафиксированы в словарях, например, *rääkallorakkanen* – мороз, который приводит к образованию тонкой корки льда на поверхностях, делая их скользкими), нестандартной сочетаемости слов (*kylmä karnevaali* – холодный карнавал), аллюзий (*Mörkö* – Морра, персонаж произведений Т. Янссон, появление которой связано с холодом), что вызвано необходимостью регулярного описания одних и тех же природных явлений и постоянного поиска лексических единиц для их наименования в целях избегания систематического повторения.

Художественный дискурс отличается более многоплановым (полимодусным) описанием холода через создание сенсорного напряжения при описании восприятия холода с помощью лексических единиц разных модусов восприятия, более разностороннего воздействия на реципиента. Данный дискурс также позволяет рассмотреть более субъективную вербализацию ощущений, вызванных воздействием холода (*kylmä vesi viilsi ihoon pitkän jäljen* – холодная вода обожгла тело до самых пяток), а также нестандартную сочетаемость перцептивных лексем для придания стилистике текста большей выразительности и яркости (*lakanoiden sileä viileys* – гладкая прохлада простыней). Художественный дискурс дает возможность исследовать цветовую палитру холода, включающую в себя белый, красный и синий цвета, поскольку именно в нем она представлена наиболее полно.

Проведенный анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что вербализация восприятия холода в финском языке происходит в основном посредством лексических единиц, относящихся по своей сенсорной семантике к осязательному, зрительному и слуховому модусам. Выявлено, что обонятельный и вкусовой модусы восприятия холода представлены на лексическом уровне слабо.

Исследование вербализации холода в текстах-оригиналах и переводах показывает возможности сохранения ведущего перцептивного модуса в переводе (с сохранением воспринимаемого образа холода и характеристик ощущений холода или с их изменением), замены ведущего перцептивного

модуса, связанного с передачей холода, на другой модус, эксплицирования имплицитно выраженных в оригинале ощущений холода, создания лингвосенсорной модальности в переводе и ее игнорирования, а также комплексное задействование сенсорных модусов как на вербальном (прежде всего лексическом) уровне, так и при совместном использовании вербального и визуального компонентов текста.

Сохранение модуса при передаче восприятия холода в переводе происходит в случаях, когда возможно использование однозначного соответствия в тексте перевода. Изменения ощущения или воспринимаемого образа вызваны языковыми и лингвокультурологическими причинами и объясняются влиянием перцептивной картины мира переводчика, который имеет свой взгляд на описываемое автором (авторами) ощущение или образ. На возможность и необходимость модификации при передаче вербализации холода в переводе оказывают влияние лингвокультурные факторы восприятия холода, наличествующие в контактирующих культурах, отсутствие параллелизма соответствующих фрагментов языковых картин мира и сходств в структуре «холодных» концептов, а также языковые, лингвостилистические аспекты, перцептивный опыт переводчика и его способность воспринять и передавать ощущения холода посредством языковых единиц, конвенциональность использования лексем для обозначения холода в одном из контактирующих языков и отсутствие таковой в другом языке и др.

Проведенное исследование отражения восприятия холода в переводе позволило выделить некоторые переводческие тактики, используемые в передаче перцептивной информации. В дополнение к выделенным В. В. Сдобниковым тактикам, свойственным специальным текстам (стилистической адаптации, экспликации имплицитивной информации, прагматической адаптации), были установлены специальные тактики перевода, которые используются именно при передаче перцептивной информации:

- тактика сенсорной одновекторности (в переводе сохраняется как ведущий перцептивный модус, так и тип ощущения или воспринимаемый образ);

- тактика сенсорной модификации (в переводе сохраняется ведущий перцептивный модус, но изменяется тип ощущения или воспринимаемый образ; при этом изменение типа ощущения или образа производится переводчиком под влиянием его перцептивного опыта);

- тактика сенсорной адаптации (в переводе сохраняется ведущий перцептивный модус, но изменяется тип ощущения или воспринимаемый образ, что обусловлено лингвистическими факторами, прежде всего отсутствием идентичности в вербализации соответствующих ощущений в языке оригинала и перевода);

- тактика сенсорного переключения (в переводе происходит замена ведущего перцептивного модуса);

- тактика сенсорной редукции (при выборе лексических единиц в процессе перевода осуществляется замена комплексного восприятия на ощущение, выражаемого посредством одного ведущего перцептивного модуса);

- тактика сенсорного нивелирования (в переводе наблюдается нивелирование сенсорной информации);

- тактика сенсорного обогащения (в тексте перевода используется сенсорная лексика, эквивалент которой отсутствует в тексте оригинала).

Заключение

Холод является неотъемлемым атрибутом жизни многих народов, являясь важным фактором их повседневного бытия, что безусловно находит отражение в их лингвокультурах. В результате осуществленного обзора научных трудов, связанных с лингвокультурологией и лингвосенсорикой, а также с перцептивным восприятием и его вербализацией (зрительный, слуховой, осязательный, обонятельный и вкусовой модусы) установлено, что восприятие холода как отражение состояния окружающей среды, при котором ощущается недостаток тепла, демонстрирует как общечеловеческие сходства, так и национально обусловленные различия в лингвокультурах.

Лексикографический дискурс как фрагмент лингвокультурологической реальности того или иного языкового сообщества, опирающийся на кодифицированные нормы, дает возможность проследить в языке отражение перцептивной картины мира, в том числе связанной с ощущениями холода, на основе семантических характеристик лексем, словосочетаний и микротекстов при использовании одноязычных лексикографических изданий и установить сходства и различия перцепции окружающего мира в языковом сознании носителей разных культур посредством двуязычных словарей.

Лингвокультурологический подход к изучению сходств и различий в репрезентации восприятия холода носителями контактирующих языков позволяет выявить отражение в национальных языковых картинах мира особенностей категоризации природных явлений и состояний окружающей среды, связанных с понижением температурного режима. В результате проведенного исследования установлено, что в лексиконах контактирующих языков прослеживаются культурно-маркированные лексические единицы и их комбинации, которые обозначают явления, состояния окружающей среды, (ср., например, стужа – *rakkanen*, *tulipalorakkanen* (досл. пожарный мороз) – сильный мороз, который связывали с возникновением большего количества пожаров из-за необходимости чаще топить печи), ощущениями человека и состояниями его организма, связанными с восприятием холода. В финском и

русском языках, например, наблюдаются различия в выборе названия животного, которое включается в культурно специфические лексические номинации (ср. в русском языке «собачий холод» в финском языке «vilukissa» (vilu ‘холод, озноб’ + kissa ‘кошка’) – человек, который часто и быстро мерзнет).

Метеорологический дискурс, содержащий в себе черты как ритуализации, так и креативности, показывает при описании погодных явлений и метеокартин, связанных с понижением температурного режима, что финноязычные метеотексты могут содержать как стереотипные фразы (keskilämpötila on – средняя температура составит), так и окказиональные лексические образования (huurtaja – тот, кто покрывает инеем; kylmä karnevaali – холодный карнавал). Описания холода в метеорологическом дискурсе прагматически ориентированы на информирование реципиентов об объективных показателях состояния погоды, связанных с понижением температуры, с одной стороны, и предупреждение потенциальных читателей о принятии превентивных мер во избежание негативных последствий от воздействия холода. Использование лингвокреатива и необычных сочетаний лексических единиц способствует привлечению внимания реципиента к предоставляемой информации, а также обеспечивает возможность избежать постоянного повторения номинаций погодных явлений при описании сходных природных условий. Отличительной особенностью финского метеорологического дискурса в сравнении с русским является, например, более высокая степень конвенциональности в использовании прилагательного *sininen* (для обозначения холода). Именно это приводит к тому, что в метеорологическом дискурсе только 17 % колоронимов сохраняется в переводе на русский язык.

В художественном дискурсе представление восприятия холода связано в коммуникативно-прагматическом отношении с передачей эмоциональных состояний, символизмом, используемым для описания душевного состояния человека и трудностей, которые необходимо преодолевать.

Для более яркого и многостороннего описания перцептивной информации и ощущений холода, в частности, используются лингвостилистические приемы, позволяющие усилить сенсорику текста: сенсорное реле, синхронность перецепции, метонимическая подмена и т.п. Данные приемы требуют особого внимания в процессе перевода во избежание снижения уровня сенсорного наполнения текста, а, следовательно, и лишения реципиента текста перевода возможности восприятия определенной перцептивной информации, доступной реципиенту текста оригинала. Усиление сенсорной стороны высказывания является одним из вопросов, исследуемых в рамках лингвосенсорики – направления лингвистики, которое в настоящее время находится в процессе активного развития. Лингвосенсорика занимается изучением языка перцепции, отражением чувственной стороны восприятия окружающей действительности в языковой картине мира. Рассмотрение вербализации ощущений холода с лингвосенсорной точки зрения через призму интероцептивных, экстероцептивных и прориоцептивных ощущений позволяет максимально полно охарактеризовать вербализацию восприятия холода в оригинале и проследить ее передачу в переводе.

Интегративный подход является оптимальным способом рассмотрения возможностей передачи перцептивной информации в переводе, поскольку позволяет учитывать как лингвистические (языковые, речевые, коммуникативные, дискурсивные), так и экстралингвистические факторы (когнитивные, культурологические, психологические и др.), в том числе личность переводчика и его перцептивный опыт. Учет данных факторов влияет на принятие переводческих решений и, как следствие, способствует отражению перцептивной информации в переводе.

Результаты проведенного исследования показывают, что в процессе перевода на основании принимаемых переводческих решений перцептивная информация о холоде может передаваться с помощью средств языка перевода. При этом возможны сохранение доминирующего сенсорного

модуса (с сохранением или изменением воспринимаемого образа или характеристик ощущений), замена ведущего сенсорного модуса, эксплицирование имплицитно выраженных в оригинале ощущений холода, нивелирование сенсорной информации в переводе, либо ее создание. Комплексное задействование сенсорных модусов возможно как на вербальном уровне, так и при комбинаторном использовании вербального и визуального компонентов текста.

Сохранению доминирующего модуса восприятия холода в переводе способствуют сходство сенсорных и языковых картин мира контактирующих языков, наличие соответствующего перцептивного опыта у переводчика и его способности к вербализации ощущений холода. На изменение типа ощущения при сохранении ведущего перцептивного модуса чаще оказывают влияние лингвистические факторы и перцептивный опыт переводчика или его отсутствие в отношении конкретного ощущения.

Изменение перцептивного модуса восприятия может происходить под влиянием различных факторов, среди которых можно выделить различия в перцептивных и языковых картинах мира носителей языков, когда тот или иной предмет или явление в одной лингвокультуре чаще воспринимается посредством одного модуса, а в другой - посредством другого модуса. На замену перцептивного модуса может оказать влияние конвенциональность использования лексической единицы определенного модуса в одном языке и отсутствие таковой в другом языке (ср. *Sininen signaali syö Suomea* (досл. Синий сигнал съедает Финляндию). – Финляндию охватывают холода), что приводит к необходимости изменения модуса в переводе. На изменение модуса также может оказывать влияние и перцептивный опыт переводчика.

В процессе перевода может происходить нивелирование сенсорной модальности, причиной которого может быть недостаточное внимание в перцептивной составляющей текста. Причинами создания или обогащения сенсорной наполненности текста перевода могут стать желание переводчика усилить перцептивную составляющую текста, влияние его личного

перцептивного опыта на процесс перевода, а также организующая роль лингвистических факторов, например, регулярное совместное использование лексических единиц (ср. *kärsi nälkää kuin juoksukoira* (досл. страдал от голода, как бродячий пес) – маялся от голода да холода, как бездомный пес). Компенсация имплицитруемых в оригинале ощущений холода может быть вызвана необходимостью передачи лексической семантики холода, включенной в структуру значения лексической единицы языка перевода (ср., например, *puhuri* – холодный ветер). Анализ возможностей передачи перцептивной информации в переводе позволил при доминировании переводческой стратегии коммуникативно-равноценного перевода помимо выделяемых общих тактик стилистической адаптации, прагматической адаптации, точности передачи информации, экспликации имплицитной информации выделить также следующие специальные тактики передачи сенсорной информации: сенсорной одновекторности, сенсорной модификации, сенсорной адаптации, сенсорного переключения, сенсорной редукции, сенсорного нивелирования, сенсорного обогащения. Использование каждой из этих тактики может быть обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Вербализация перцепции окружающей действительности, и холода в частности, требует дальнейшего изучения, особенно с точки зрения передачи исследуемой сенсорной информации в переводе, с целью установления принципов и закономерностей передачи перцептивной информации в процессе перевода. В данной работе рассматривалась главным образом вербализация экстероцептивных ощущений холода. Для исследования вербализации холода в полном объеме требуется изучение возможностей вербализации интероцептивных и проприоцептивных ощущений на материале не только лексикографического, метеорологического и художественного дискурсов, но и других, например, научного, публицистического, фольклорного.

Список литературы

1. Абрамичева, Е. Н. Воссоздание ольфакторной реальности в переводах романа П. Зюскинда "Парфюмер" на английский и русский языки / Е. Н. Абрамичева, А. В. Цуман // Гуманитарные чтения "Свободная стихия": тезисы докладов научно-практической конференции, Севастополь, 02–04 октября 2015 года / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Гуманитарно-педагогический институт. – Севастополь: Рибест, 2015. – С. 15-17. – EDN WOIXYX.
2. Автамонова, О. Н. Иллюстрация как «другая» практика чтения текста (опыт анализа иллюстраций Андрея Фереzy к романам Анны Борисовой) / О. Н. Автамонова // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы: материалы II научно-практической конференции, Москва, 13 мая 2016 года / Московский педагогический государственный университет. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2017. – С. 89-97. – EDN YMQODL.
3. Акерман, Д. Всеобщая история чувств / Д. Акерман; пер. с англ. А.Гришина. – Москва: ООО «Издательская группа «Азбука-Аттикус», 2018. – 384с.
4. Алексеева, Л. М. Трансляция символики одорем в художественном переводе / Л. М. Алексеева, Ю. В. Черникова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2016. –№ 7. –С. 119-125.
5. Ананьина, А. В. Личностно-центрированный подход к обучению письменному переводу: разграничение понятий 'переводческая личность' и 'личность переводчика'/ А. В. Ананьина // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике. Сборник научных трудов в 2-х томах. Том 2. –2019. –С. 389-393.
6. Анисимов, К. Климат как «закоснелый сепаратист» Символические и политические метаморфозы сибирского мороза / К. Анисимов // НЛО.

2009. № 5. – Текст: электронный. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/5/klimat-kak-zakosnelyj-separatist.html?ysclid=ls4je4z4j010347792> (дата обращения 26.02.2024).

7. Анурова, О. М. Междисциплинарность и её роль для достижения адекватности научно-технического перевода / О. М. Анурова // Мир науки, культуры, образования. 2019. – №1 (74). – Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnost-i-eyo-rol-dlya-dostizheniya-adekvatnosti-nauchno-tehnicheskogo-perevoda> (дата обращения: 23.10.2024).

8. Архипова, Е. В. Термины "толкование" и "семантизация" в лингвистическом и образовательном дискурсах / Е. В. Архипова // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2022. – №3(76). – С. 132-139. – DOI 10.37724/RSU.2022.76.3.013. – EDN FPIZQR.

9. Бабарыкина, Т. С. Образный слой художественного концепта child, выделяемый на основе аудитивной перцепции / Т. С. Бабарыкина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №4. – Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraznyy-sloy-hudozhestvennogo-kontsepta-child-vydelyaemyu-na-osnove-auditivnoy-pertseptsii> (дата обращения: 23.04.2025).

10. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656с.

11. Бодрова-Гоженмос, Т. И. Процесс перевода с точки зрения интерпретивной теории / Т. И. Бодрова-Гоженмос // Социокультурные проблемы перевода, Воронеж, 01 сентября 2001 года / Редакционная коллегия: Фененко Н. А. (ответственный редактор), Гришаева Л. И., Кретов А. А., Полянчук О. Б., Титов В. Т.. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – С. 11-19. – EDN YPFPAF.

12. Боль, воспаление и другие неприятности: обратная сторона ощущений / Я. А. Андреев, Ю. А. Логашина, К. И. Лубова [и др.] // Природа. – 2016. – № 12(1216). – С. 3-9. – EDN XSNZGT.

13. Бочаров, М. И. Терморегуляция организма при холодовых воздействиях (обзор). Сообщение II / М. И. Бочаров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Медико-биологические науки. – 2015. – №2. – С. 5-16. – EDN TYFNOT.

14. Братчикова, Н. С. Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании : специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Братчикова Надежда Станиславовна. – Москва, 2006. – 349с. – EDN NORPSH.

15. Братчикова, Н. С. Звукозапись в графическом романе и способы ее передачи с финского языка на русский (на материале комикса С. Макконена «Калевала» / Н. С. Братчикова // Финно-угорский мир. 2022. – №2. – Текст: электронный URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvukopis-v-graficheskom-romane-i-sposoby-ee-peredachi-s-finskogo-yazyka-na-russkiy-na-materiale-komiksa-s-makkonena-kalevala> (дата обращения: 23.04.2025).

16. Бубрих, Д. В. Историческая морфология финского языка / Д.В. Бубрих. – Текст: электронный URL: <https://iphil.ru/d-v-bubrix-istoricheskaya-morfologiya-finskogo-yazyka/> (дата обращения: 15.01.2024).

17. Буйницкий, А. И. Разрез "Березовский-1". Сибирь - край сильных морозов и крепких людей / А. И. Буйницкий // Уголь. – 2009. – № 4(996). – С. 32-33. – EDN KZIKFL.

18. Бурыкин, А. А. Малые жанры эвенского фольклора / А. А.Бурыкин. – Санкт-Петербург: «Петербургское востоковедение», 2001. – 288с.

19. Быкова, А. А. Температурная метафора в русской языковой картине мира: дискурсивное варьирование: специальность 10.02.01 – Русский язык: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Быкова Алина Анатольевна; ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». – Томск, 2014. – 24с.

20. Бычкова, О. Н. Языковая репрезентация погодно-климатической реальности в современном англоязычном метеорологическом дискурсе: специальность 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бычкова Ольга Николаевна; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». – Краснодар, 2024. – 27с.

21. Валова, А. О. Использование цветописи как особого средства художественного изображения действительности в творчестве В.Г. Распутина / А. О. Валова // Результаты современных научных исследований и разработок : Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Минск, Белоруссия, 13 мая 2017 года / Под общей редакцией А.И. Вострецова. – Минск, Белоруссия: Научно-издательский центр "Мир науки" (ИП Вострецов Александр Ильич), 2017. – С. 153-156. – EDN YOHSMТ.

22. Варламов, А. Н. Особенности восприятия и производства звуков людьми различных культур (на примере малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока) / А. Н. Варламов. – Текст: электронный. URL: https://portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1245657300&archive=&start_from=&ucat=&&ysclid=lrj42nh2q8973633085 (дата обращения 19.10.2023).

23. Вербицкая, М. В. Компоненты и уровни переводческой компетенции / М. В. Вербицкая, М. Ю. Соловов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010. – №4. – Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-i-urovni-perevodcheskoj-kompetentsii> (дата обращения: 23.04.2025).

24. Винокурова, У. А. Холод как фактор жизнестойкости человека севера / У. А. Винокурова // Реализация творческого потенциала личности: проблемы, теория, практика. – Чебоксары: Общество с ограниченной

ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 125-133. – EDN ВЕХХАЕ.

25. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 59с.

26. Волкова, Т. А. Стратегия перевода как параметр изучения языковой личности переводчика / Т. А. Волкова // Вестник ЮУрГПУ. – 2012. – №6. – Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-perevoda-kak-parametr-izucheniya-yazykovoy-lichnosti-perevodchika> (дата обращения: 24.10.2023).

27. Волкова А. Как «холод» создает проблемы. Об отношениях и здоровье / А. Волкова. – Текст: электронный. URL: <https://www.b17.ru/article/157733/> (дата обращения: 20.03.2025).

28. Волошина, С. В. Языковая репрезентация концепта "Зима" (на материале устной речи жителей сибирских сёл) / С. В. Волошина, М. А. Толстова // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – №484. – С. 13-26. – DOI 10.17223/15617793/484/2. – EDN JFILKR.

29. Выродова, А. С. Особенности художественной картины мира поэтических произведений Н. Рубцова / А. С. Выродова // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 1(25). – С. 20-24. – EDN JVZNNN.

30. Гарбовский, Н. К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний / Н. К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2015. – №1. – С. 3–19.

31. Гаршин, И. К. Зима – народный прогноз погоды / И. К. Гаршин. – Текст: электронный. URL: <https://www.garshin.ru/travel/weather/folk-omen/winter.html?ysclid=m8h27oe5yl494576203> (дата обращения: 20.03.2025).

32. Герасимова, Л. И. Влияние длительности проживания на европейском севере на частоту холод-ассоциированных симптомов / Л. И. Герасимова // Вестник Российского университета друбы народов. Серия: Медицина. – 2000. – № 3. – С. 35-38.

33. Гораинова, И. Свет, тьма и их связь в разных культурах / И. Гораинова. – Текст: электронный. URL: <https://shedevrum.ai/post/538779b2604711ee82dfe6d39d9a42a4/?ysclid=m8h9k7lvcv101624129> (дата обращения: 20.03.2025).

34. Гребеник, И. А. Роль эстетической" компетенции в формировании профессиональных компетенций будущих переводчиков / И. А. Гребеник // Педагогика и психология: теория и практика. – 2018. – № 3(11). – С. 77-82. – EDN YUOPB.

35. Григорьева, О. Н. Лексические единицы, противопоставленные по признаку 'холодный-теплый', в дискурсе погоды в современном русском языке / О. Н. Григорьева, Л. Силян // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. –2022. –Том 14. Вып. 4. –С. 24-33.

36. Грязнова, А. М. Профессиональное развитие языковой личности переводчика в рамках интегративного подхода / А. М. Грязнова // Вестник Луганского государственного педагогического университета. – 2022. –№3 (85). –С. 48-55.

37. Данилова, Н. К. Арктическая Якутия: северные тексты культуры (языковые концепты и геокультурные образы) / Н. К. Данилова – Текст: электронный. URL: <https://meridian-journal.ru/site/article498c/?ysclid=m9txzcsma171304626> (дата обращения: 21.04.2025).

38. Девель, Л. А. Двухязычная лексикография / Л. А. Девель // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2011. – № 3. – С. 25-29. – Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvuyazychnaya-leksikografiya/viewer> (дата обращения: 22.04.2025).

39. Демчук, А. И. К проблеме изучения языкового отражения перцептивной картины мира / А. И. Демчук // Записки з романо-германської філології. – 2017. – № 1(38). – С. 28-36. – EDN ZRAGSX.

40. Джгубурия, К. К. Особенности семантики прилагательных цвета в русской и английской картине мира: проблема перевода / К. К. Джгубурия // Litera. –2023. –№ 1. –С. 96-104.

41. Еримизина, Е. Н. Сенсорика в творчестве Джанет Уинтерсон / Е. Н. Еримизина, Е. В. Полховская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67), – № 3. – С. 108-112. – EDN XROZWX.

42. Ерошенкова, Е. С. Ощущение как психический познавательный процесс и его значение в жизни человека / Е. С. Ерошенкова // Наука, образование и инновации: сборник статей международной научно-практической конференции: в 3 частях, Волгоград, 05 марта 2017 года. Том Часть 1. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2017. – С. 186-189. – EDN XYDISN.

43. Жунусова, Ж. Н. Аспекты межкультурной коммуникации в лексикографическом дискурсе / Ж. Н. Жунусова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 2(24). – С. 355-358. – EDN OFAKNH.

44. Захарова, Н. В. К проблеме репрезентации языковой личности переводчика / Н. В. Захарова, О. В. Осипова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2019. – № 2(61). – С. 196-200. – EDN DHKTQC.

45. Замятин, Д. Н. Постурбанизм и холод: геокультурные образы и репрезентации культурных ландшафтов северных и арктических городов / Д. Н. Замятин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – №4 (51). – С. 218-227.

46. Земичева, С. С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности / С. С. Земичева. – Томск: Издательство Томского университета, 2016. – 208с.

47. Зиангирова, Э. М. Современные проблемы исследования языковой личности переводчика с позиции лингвокультурологии / Э. М. Зиангирова, Р. Р. Данилова // Технологии перевода и сравнительное литературоведение в зеркале научного наследия Ахмета Байтурсынова: сборник материалов международной научно-практической конференции, Астана, 31 октября 2022 года. – Астана: ИП «Булатов А.Ж.», 2022. – С. 49-52. – EDN KPQRQK.

48. Зима в поэзии – значение символики. –Текст: электронный. URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-winter-symbolize-in-poetry.html> (дата обращения: 23.03.2025).

49. Зиновьева, Е. И. Человек, испытывающий чувство холода, в русской языковой картине мира (на фоне китайского и японского языков) / Е. И. Зиновьева, О. В. Абыякая // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. –Том 6. –2015. –С. 236-241.

50. Иванова, М. Н. "Семантический гештальт" концепта "Арктика" в языковом сознании носителей русского языка / М. Н. Иванова, Е. Н. Поскачина // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2022. – № 4(30). – С. 99-107. – DOI 10.25587/SVFU.2022.99.71.008. – EDN YPYWGV.

51. Ивлева, А. Ю. Перевод художественного текста как реинтерпретация художественной картины мира / А. Ю. Ивлева // Вестник научных конференций. – 2016. – № 1-4(5). – С. 48-55. – EDN VNUNTX.

52. Игнатова, О. Синоптики объяснили разницу между морозами в Москве и Якутии / О. Игнатова. – Текст: электронный URL: <https://rg.ru/2018/01/22/sinoptiki-obiasnili-raznicu-mezhdu-morozami-v-iakutii-i-moskve.html> (дата обращения: 20.03.2025).

53. Казакова, Т. А. Перевод как культурное посредничество / Т. А. Казакова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 года / Главный редактор М.В. Норец. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 206-211. – EDN UVTFFE.

54. Как ощущают холод в разных регионах России. – Текст: электронный. URL: <https://dzen.ru/a/YBPIJx5XVj9spTa> (дата обращения: 20.03.2024).

55. Капшук, Ю. А. Художественные экспликации кинематографичности в трилогии Сьюзен Коллинз «Голодные игры» / Ю. А. Капшук, Л. В. Бондаренко // Ученый XXI века. –2016. –№ 4-2. –С. 62-67.
56. Караяни, А. Г. Психофизиология боевой деятельности в Арктике / А. Г. Караяни, Э. П. Утлик // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – Т. 24, № 3(78). – С. 246-254. – DOI 10.24411/1999-6241-2019-13001. – EDN TNYRED.
57. Кашкин, В. Б. Сопоставительная лингвистика / В. Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. –88с.
58. Кушнина, Л. В. Перевод как синергетическая система / Л. В. Кушнина // Вестник Пермского университета. –2011(А). –№ 3. –С. 81-86.
59. Кушнина, Л. В. Основные принципы синергетики перевода / Л. В. Кушнина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». –2011 (Б). –№ 4. –С. 173-177.
60. Клейнбок, И. Я. Температурная чувствительность кожи животных и человека: специальность 14.00.17 Нормальная физиология: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук / Клейнбок Игорь Яковлевич; И-т физиологии Ан Белорус. ССР. – Минск, 1990. –36 с.
61. Ключева, А. Н. Модус зрительной перцепции в англоязычных художественных произведениях / А. Н. Ключева // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 2 февраля 2018г. / Урал. гос. пед ун-т. –Екатеринбург, 2018. –Ч.III: Тезисы докладов. –С. 19-20.
62. Колесов, И. Ю. О языковом моделировании знания о зрительном восприятии / И. Ю. Колесов // Вестник Кемеровского государственного университета. –2013. –№ 2-2(54). –С. 81-86.
63. Константинов, А. Что мы чувствуем. Часть 1. Температура / А. Константинов – Текст: электронный. URL: <https://www.shkolazhizni.ru/world/articles/1403/> (дата обращения: 12.10.2023).

64. Корхонен, К. Глазами Морры / К. Корхонен – 2016. – Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glazami-morry/viewer> (дата обращения 19.03.2025).
65. Кривомаз, Т. Человек и холод: 9 фактов о переохлаждении / Т. Кривомаз // Фармацевт – практик. – 2015. – № 1. – Текст: электронный. URL: <https://fp.com.ua/articles/chelovek-i-holod-9-faktov-o-pereohlazhdenii/> (дата обращения: 2.09.2023).
66. Крылова, М. Н. Концепт «север» в образной системе современного русского сравнения / М. Н. Крылова // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 215-220.
67. Крюков, В. А. И лед, и холод – одни на всех / В.А. Крюков // ЭКО. – 2013. – №4 (466). – Текст: электронный URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-led-i-holod-odni-na-vseh> (дата обращения: 15.01.2024).
68. Куликов, К. Г. Почему некоторым людям всегда холодно? / К. Г. Куликов. – Текст: электронный. URL: <https://medi-art.ru/vsye-o-zdorove/pochemu-nekotorym-lyudyam-vsegda-kholodno-telekanal-moya-planeta/?ysclid=m6gferiwij304289022> (дата обращения: 11.11.2023).
69. Кульбаева, Б. Т. Универсальные и национальные особенности языковой картины мира / Б. Т. Кульбаева // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. – 2015. – Т. 1, № 4(67). – С. 141-157. – EDN WMABUJ.
70. Кушнарера, Т. И. Фоновые знания в структуре профессионально-ориентированной переводческой компетенции слушателей дополнительного профессионального образования факультета ветеринарной медицины / Т. И. Кушнарера, И. И. Кириллова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 года / Главный редактор М.В. Норец. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 303-307. – EDN UVTFKO.

71. Кшеновская, У. Л. Когнитивно-дискурсивная сущность лингвокреативности / У. Л. Кшеновская // Евразийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 2. – С. 16-21. – EDN UGOSDY.

72. Лаенко, Л. В. Культурная адаптация образов вкуса при переводе / Л. В. Лаенко // Перевод: язык и культура : материалы Международной научной конференции, Воронеж, 01–30 сентября 2001 года / Воронежский государственный университет, Факультет романо-германской филологии; ответственный редактор: Н. А. Фененко. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 70-72. – EDN TFKOZB.

73. Лаенко, Л. В. Перцептивный признак как объект номинации: специальность 10.02.19 Теория языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Лаенко Людмила Владимировна. – Воронеж, 2005. – 39с.

74. Леонтьева, К. И. Когнитивно-семиотическая модель перевода (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX-XX веков: специальность 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Леонтьева Ксения Ивановна. – Тверь, 2022. – 523с.

75. Лингвосемиотическое исследование номинации северного сияния на русском и немецком языках / А. М. Поликарпов, Л. М. Бондарева, С. М. Кибардина [и др.] // Арктика и Север. – 2022. – № 46. С. 234-256. – EDN XYETRA.

76. Ломов, А. М. Типология русского предложения / А. М. Ломов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 280с.

77. Лугаськова, И. П. Индивидуальная картина мира автора как отображение художественной картины мира эпохи / И. П. Лугаськова // Ценности и смыслы. – 2017. – № 5(51). – С. 131-141. – EDN ZSKASD.

78. Лузина, Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л. Г. Лузина // Парадигмы научного знания в

современной лингвистике: Сборник научных трудов. Сер. «Теория и история языкознания». – Москва. –2008. –С. 40-48.

79. Лурия, А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. –320с.

80. Ляпина, Л. Сенсорная поэтика в русской литературе XIX века : Опыты изучения / Л. Ляпина. – Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2014. – 169 с.– EDN UEFEDN.

81. Ма, Ю. Формирование лингвокультурологической компетенции у китайских студентов, изучающих русский язык (на примере темы РУССКАЯ ЗИМА) / Ю. Ма, Т. Б. Карпова // Филология в XXI веке. – 2020. – № 1(5). – С. 84-90. – EDN RCYDHT.

82. Ма, Ю. Русская зима глазами русских и китайцев: лингвокогнитивный анализ / Ю. Ма, Т. Б. Карпова // Филология в XXI веке. – 2021. – № 2(8). – С. 53-61. – EDN CAOJHJ.

83. Максименко, О. И. Поликодовый vs креолизированный текст: проблема терминологии / О. И. Максименко // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». –2012. –№ 2. –С. 93-101.

84. Мартыанова, И. А. Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы) / И. А. Мартыанова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1. – С. 136-141. – EDN XWZJOB.

85. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. –Москва: Академия. –2008. –272 с.

86. Машевич, Е.А. Гусиная кожа у ребенка: возможные причины / Е. А. Машевич. – Текст: электронный. URL: https://medaboutme.ru/articles/gusinaya_kozha_u_rebenka_vozmozhnye_prichiny/?ysclid=m6hwrw2rtu441989280 (дата обращения: 05.05.2023).

87. Медалиева, Р. Х. Индивидуальные реакции системы внешнего дыхания на курсы экстремальных общих криогенных воздействий у лиц с

различной чувствительностью холодовых ноцицепторов / Р. Х. Медалиева // Вестник новых медицинских технологий. – 2014. – № 1. – С. 86-92.

88. Медведев, А. А. Особенности и механизмы температурной чувствительности (обзор) / А. А. Медведев, Л. В. Соколова // Журнал медико-биологических исследований. – 2019. – Т. 7, № 1. – С. 92-105. – DOI 10.17238/issn2542-1298.2019.7.1.92. – EDN YXGABN.

89. Мерзлая, А. В. Лингвосенсорные Особенности финских прилагательных с семантикой «ощущение холода» и их репрезентации в переводе / А. В. Мерзлая // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2023. – № 4(79). – С. 230-236. – DOI 10.26456/vtfilol/2023.4.230. – EDN ZNPOLR.

90. Митяева, А. П. К вопросу о лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходах к изучению концептов / А. П. Митяева // Молодой ученый. – 2015. – № 10 (90). – С. 1420-1423.

91. Михайлов Н. И. Сибирь: физико-географический очерк / Н. И. Михайлов. – Москва, 1956 (2016). – 382с. – Текст: электронный. URL: http://www.geolmarshrut.ru/biblioteka/catalog.php?ELEMENT_ID=3152 (дата обращения: 04.04.2024).

92. Молодкина, Ю. Н. Синестетическая метафора запаха (корпусное исследование): специальность 10.02.19 Теория языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Молодкина Юлия Николаевна. – Курск, 2010. – 20с.

93. Мосолова, Е. М. Анализ лексико-фразеологического поля концепта "холод" в английском языке / Е. М. Мосолова // Аксиома: актуальные аспекты гуманитарных наук. – 2016. – № 2(2). – С. 52-59. – EDN WKSZEF.

94. Мухина, И. К. Современные аспекты изучения национально-культурной семантики / И. К. Мухина // Новые подходы к изучению семантики : материалы межвузовской научной конференции, Екатеринбург, 6 марта 2012 года / М-во образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,

Ин-т гуманитарных наук и искусств ; [сост. Т. М. Воронина, А. М. Плотникова]. - Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. –С. 106-117.

95. Мухина, И. К. Оппозитивные когнитивные признаки концептов "Жара" - "Холод" в русском национальном сознании⁷ / И. К. Мухина // Лексикография и коммуникация - 2017: сборник материалов III Международной научной конференции, Белгород, 27–28 апреля 2017 года. – Белгород: Издательский дом "Белгород", 2017. – С. 182-188. – EDN YPTJZZ.

96. Нагорная, А. В. Дискурс невыразимого: вербалика внутрителесных ощущений / А. В. Нагорная. – М.: ЛЕНАНД, 2014. –320 с.

97. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналитический обзор / А. В. Нагорная. – РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд.языкознания; Отв. ред. Яковлева Э. Б. – Москва, 2017. –86 с.

98. Наумов, В.В. Сенсорика восприятия родной и иноязычной речи / В. В. Наумов // Российская оториноларингология. – 2012. – № 4 (59). – С. 89-96. –EDN PBUBY

99. Нейрофизиология температурной чувствительности / Е. В. Силина, И. А. Строков, Л. Т. Ахмеджанова [и др.] // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. – 2015. – № 11-12. – С. 71-80. – EDN YFMOXV.

100. Некрасова, Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов / Е. Д. Некрасова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 378. – С. 45-48. – EDN RZCHTJ.

101. Нефедова, Л. А. Моделирование перевода в контексте интеграции / Л. А. Нефедова, И. Н. Ремхе // Актуальные вопросы речевого взаимодействия: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой юбилею профессора Л. А. Месеняшиной, Челябинск, 24 октября 2019 года. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2019. – С. 161-166. – EDN VVHWOS.

102. Новик, Е. С. Семиотические функции голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири / Е. С. Новик // Фольклор и мифология Востока в

сравнительно-типологическом освещении / Отв. ред. Н. Р. Лидова, Н. И. Никулин. – Москва: Наследие, 1999. – С. 217-235.

103. Новик, А. С. Ощущение и восприятие как чувственные познавательные процессы / А. С. Новик // Современные технологии в образовании: материалы международной научно-практической конференции (24-25 ноября 2016 г.): в 2 ч. / Белорусский национальный технический университет; гл. ред. Б. М. Хрусталева, 2016. – С. 152-154.

104. Общая психология: Учебно-методическое пособие / М. В. Гамезо, В. С. Герасимова, Д. А. Машурцева, Л. М. Орлова; под общ. ред. М. В. Гамезо. – Москва: Ось-89, 2007. – 352 с.

105. Оценка риска здоровью по ветро-холодовому индексу на территории Красноярского края / Р. С. Рахманов, Е. С. Боготолова, Д. А. Нарутдинов, Т. В. Бадеева // Медицина экстремальных ситуаций, 2021. – № 1(23). – С. 32-38.

106. Ощепкова, А. И. Сенсорный образ Севера в "Колымских тетрадах" В. Шаламова / А. И. Ощепкова, В. Н. Слепцова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2022. – № 3(29). – С. 102-113. – DOI 10.25587/SVFU.2022.80.48.006. – EDN TCFFXE.

107. Павлова У. Влияние холодов на психологическое состояние человека / У. Павлова. – Текст: электронный. URL: <https://dzhmao.ru/info/articles/vliyanie-kholodov-na-psikhologicheskoe-sostoyanie-cheloveka> (дата обращения: 20.03.2025).

108. Пак Сон, Г. Запахи в различных языках и культурах. Попытка сопоставительного анализа (на материале корейских, японских и русских фразеологизмов) / Г. Пак Сон // Язык сознание коммуникация. Том Выпуск 37. – Москва : ООО "МАКС Пресс", 2009. – С. 30-40. – EDN UBJORD.

109. Пашина, О. В. Звук в пространстве культуры: объективные и субъективные параметры / О. В. Пашина // Вестник МГУКИ. – 2016. – № 2. – С. 97-104.

110. Пироговская, М. Кислый, пряный или белковый: как в России меняется представление о вкусах / М. Пироговская – Текст: электронный URL: <https://arzamas.academy/materials/2228> (дата обращения: 18.03.2025).

111. Плотникова, А. М. Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе / А. М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3(19). – С. 22-27.

112. Подгорная, А. Ю. Перевод как аспект коммуникативно-дискурсивного подхода в изучении стилистического приема / А. Ю. Подгорная // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Вып. 1 Ч. 2. – С. 85-90.

113. Поликарпов, А. М. Интегративная модель процесса перевода и языковая личность переводчика / А. М. Поликарпов // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I международной научной конференции, Барнаул, 05–07 октября 2011 года / Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», Алтайское региональное отделение; Алтайская государственная педагогическая академия, Лингвистический институт. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2012. – С. 277-279. – EDN WNUGIZ.

114. Поликарпов, А. М. Интегративное переводоведение и качество перевода / А. М. Поликарпов // Перевод как научный и культурный трансфер : Тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции в Орловском государственном институте искусств и культуры, Орёл, 27–28 февраля 2013 года / ответственный редактор А.Г. Пастухов. – Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2013. – С. 7-10. – EDN TSDNWJ.

115. Поликарпов, А. М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи / А. М. Поликарпов // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 6-17.

116. Поликарпов, А. М. Когнитивные аспекты интегративного переводоведения / А. М. Поликарпов // Когнитивные исследования на современном этапе: Материалы Всероссийской конференции с международным участием по когнитивной науке, Архангельск, 19–22 ноября 2018 года. – Архангельск: Северный, 2018. – С. 238-241. – EDN YWABSP.
117. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2002. – 59с.
118. Почему от холода хочется есть. – Текст: электронный. URL: <https://www.nkj.ru/news/48546/> (дата обращения: 01.05.2025).
119. Притча про добро и зло – Текст: электронный. URL: https://pikabu.ru/story/pritcha_pro_dobro_i_zlo_temnota_lich_otsutstvie_sveta_9393866?ysclid=m8h92llafe465583477 (дата обращения: 20.03.2025).
120. Психология физической культуры / Б. П. Яковлев, Е. Г. Бабушкин, В. В. Апокин [и др.]. – Москва: издательство «Спорт», 2016. – 624с.
121. Пшенкина, Т. Т. Междисциплинарность перевода как отражение интегративных процессов в современной лингвистике / Т. Т. Пшенкина. – Текст: электронный. URL: <https://lib.tsu.ru/mminfo/000349304/25/image/25-051.pdf> (дата обращения: 14.04.2024).
122. Радченко, О. А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы / О. А. Радченко // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2009. – № 1(3). – С. 60-66.
123. Расшивалова, И. Остался только месяц до зимы / И. Расшивалова. – Текст: электронный. URL: <https://www.inpearls.ru/> (дата обращения 03.04.2025).
124. Резунова, М. В. К определению лексикографического дискурса / М. В. Резунова – Текст: электронный URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2008_2-3_81.pdf (дата обращения: 14.04.2024).
125. Ремхе И. Н. Когнитивно-матричный аспект моделирования переводческого процесса: 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание: диссертация на соискание

ученой степени доктора филологических наук / Ремхе Ирина Николаевна. – Челябинск, 2021. – 347 с.

126. Романов, Д. А. Лингвосенсорика поэзии К.р / Д. А. Романов // Вторые Щеулинские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина, Липецк, 30 марта 2018 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С. 171-179. – EDN YVFXVJ.

127. Романова, Е. Н. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики / Е. Н. Романова, О. Э Добжанская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 35. – С. 255 – 261.

128. Розин, Э. Эстетика и кухня: разум возвышает материю / Э. Розин // Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики; под ред. И. Ренчлера, Б. Херцбергер, Д. Эпстайна; пер. с англ. М. А. Снеткова, Ю. Л. Амченкова, канд. биол. наук В. Ф. Куликова и Н. О. Фоминой. – Москва: Мир, 1995. – С. 320-330.

129. Рузин, И. Г, Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, обоняние, вкус и их выражение в языке) / И. Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79-100.

130. Рыжикова, М. Д. Идиостиль переводчика как фактор влияния на передачу реалий / М. Д. Рыжикова, А. В. Полянин // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 года / Главный редактор М.В. Норец. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 508-513. – EDN XVDKKL.

131. Самигулина, Ф. Г. Манипулятивный характер перцептивной метафоры в рекламном дискурсе / Ф. Г. Самигулина // . – 2011. – Т. 7, № 14(153). – С. 239-245. – EDN VQUDJU.

132. Сдобников, В. В. Переводческое мышление в эпоху цифровизации / В. В. Сдобников // Актуальные вопросы переводоведения и регионоведения : сборник статей Международного форума, Нижний Новгород, 20–22 октября 2023 года. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2024. – С. 222-230. – EDN FKYNHP

133. Северный ветер – значение символики. –Текст: электронный. URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-the-north-wind-symbolize.html?ysclid=m9wh3p4хуr443827996> (дата обращения: 20.03.2025)

134. Северская, О. Дрожать как осиновый лист / О. Северская. –Текст: электронный. URL: https://rus.1sept.ru/view_article.php?id=200900313&ysclid=m1rvuwp74q11116027 (дата обращения: 15.01.2024).

135. Седова, М. И. Изображение и текст / М. И. Седова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – № 1-2(46). – С. 72-74. – EDN QBJPAX.

136. Селеменова, О. А. Лексическая экспликация и содержание концепта МОРОЗ в русской языковой картине мира XIX века / О. А. Селеменова // Филология: научные исследования. –2019. –№ 3. –С. 67 - 77.

137. Семкова, А. В. Семантическая вариативность конструкций, категоризирующих слуховое восприятие / А. В. Семкова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 17. – С. 119-125. – EDN QZJEJV.

138. Сергеев, А. Почему металлические предметы всегда прохладные на ощупь, даже если находятся в теплом помещении / А. Сергеев. – Текст: электронный. URL: https://elementy.ru/email/5021746/Pochemu_metallicheskie_predmety_vsegda_prokhladnye_na_oshchup_dazhe_esli_nakhodyatsya_v_tepлом_pomeshchenii#forum (дата обращения: 19.03.2025).

139. Сергеева, Е. В. Репрезентация художественного концепта «Холод» в поэзии А. Блока / Е. В. Сергеева, Т. В. Губернская // Вестник Череповецкого государственного университета. –2021. –№ 6 (105). –С. 87-99.
140. Серебрякова, С. В. Формирование языковой личности переводчика как посредника между двумя культурами / С. В. Серебрякова // Рефлексия. – 2007. – № 2. – С. 29-30. – EDN WCOCIL.
141. Сигарева, Н. В. Ольфакторное пространство: транскреация vs перевод / Н. В. Сигарева // LXXVI Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных статей международной научной конференции. – Санкт-Петербург. –2023. –С. 190-195.
142. Сичинава, Д. В. Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка: новые языки и новые задачи / Д. В. Сичинава // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки. – 2019. – С. 41-60.
143. Соколова, Д. А. Цветопись в художественно-речевой системе поэта / Д. А. Соколова, С. К. Ильина // Электронный научно-практический журнал «Филология и литературоведение». – Текст: электронный. URL: <https://philology.snauka.ru/2015/09/1698> (дата обращения: 12.09.2024).
144. Сорокун, П. А. Основы психологии / П. А. Сорокун. – Псков: ПГПУ, 2005. –312 с.
145. Софер, М. Изморозь и иней, гололед и гололедица / М. Софер. – Текст: электронный. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles /4347/?ysclid=lu115e59w8751680738> (дата обращения: 18.11.2024).
146. Стефанович, М. В. Наречия на -ly зрительного восприятия: когнитивно-дискурсивный аспект / М. В. Стефанович, У. Л. Кшеновская, А. В. Стародубцева // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2020. – Т. 14. – С. 73-78. – EDN LLLUHF..

147. Танкова, О. В. Человек с синдромом холодного сердца / О. В. Танкова. – 2018. – Текст: электронный. URL: https://www.b17.ru/article/kak_pomoch_cheloveku_s_holodnim_serdtsem/ (дата обращения: 20.03.2025).
148. Татарникова, Ю. А. Концепт Сибирь в культуре Азиатско-Тихоокеанского региона / Ю. А. Татарникова // Вестник КемГУКИ. – 2022. – № 60. – С. 27-35.
149. Тепло – значение символики. – Текст: электронный. URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-warmth-symbolize.html?ysclid=m8hipnk5fp452325848> (дата обращения: 20.03.2025).
150. Терских, М. В. Концепт "SIBERIA" в сознании представителей американской лингвокультуры / М. В. Терских, Е. Д. Маленова // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – 2015. – № 3(3). – С. 39-49. – EDN VHLSOX.
151. Титова, Е. А. Прагматический аспект передачи звукоизобразительных средств при переводе поэтических текстов (на материале английского и русского языков) : специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Титова Елена Александровна. – Челябинск, 2006. – 202 с. – EDN NOIEAF.
152. Трусова, Т. С. Художественный концепт child в произведениях Дж. К. Роулинг: зрительный модус восприятия / Т. С. Трусова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 2. – С. 274-277.
153. Украинский, С.А. Способы перевода на русский язык культурно-специфических реалий в немецких погодных поговорках / С. А. Украинский // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 136-142.

154. Фещенко, В. В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики / В. В. Фещенко // Новый филологический вестник. – 2021. – № 1(56). – С. 16-35. – DOI 10.24411/2072-9316-2021-00001. – EDN ICMSSH.

155. Фишер, Т. А. Методологические основы подготовки детей по виду спорта «зимнее плавание» / Т. А. Фишер, О. Е. Докучаев, Р. Н. Каркачев. – Новосибирск : Сибирское отделение РАН, 2023. – 140 с. – ISBN 978-5-6048597-4-2. – DOI 10.53954/9785604859742. – EDN ZJZPTQ.

156. Франтова, Т. В. «Полифонизация сознания» в свете некоторых представлений о высшей нервной деятельности / Т. В. Франтова // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3. – С 281-292.

157. Фурс, Л. А. Физиологическая метафора модальности вкуса в аспекте перевода / Л. А. Фурс, Н. А. Харитонов // Державинский форум. – 2021. – Т. 5, № 17. – С. 76-82. – EDN SOECTT.

158. Харитонова, Т. При какой температуре можно замерзнуть насмерть? / Т. Харитонова, К. Чижиков. – Текст: электронный. URL: https://altai.aif.ru/society/pri_kakoy_temperature_mozhno_zamerznut_nasmerť?ysclid=m8fxmcuffg48628095 (дата обращения: 19.03.2025).

159. Харченко, В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216с.

160. Чале, З. И. Звукозапись при переводе детских художественных текстов / З. И. Чале, Т. А. Герасимова // Актуальные проблемы лингвистики и переводоведения: Сборник научных трудов / Под редакцией А.В. Гороховой. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – С. 157-161. – EDN MOAWQC.

161. Чеснокова, Л. В. Метафизический страх и тоска в немецкой и русской культурах: специальность 09.00.13. – Филосовская антропология, философия культуры (философские науки): диссертация на соискание ученой

степени кандидата философских наук / Чеснокова Леся Владимировна. – Омск. –2015. –153с.

162. Чоудхури, О. Л. Учебная модель организации номинативного поля концепта «зима» в целях обучения русскому языку финских студентов / О. Л. Чоудхури // Преподаватель XXI век. –2010. –№ 3. –С. 306 -310.

163. Шаваева, Ф. Я. Концептуальная, языковая и художественная картины мира / Ф. Я. Шаваева // Апробация. – 2015. – № 12(39). – С. 69-71. – EDN VOUEOV.

164. Шайгозова, Ж. Н. Краткая энциклопедия знаков и символов казахской культуры / Ж. Н. Шайгозова, А. Б. Наурзбаева. – 2023. – Текст: электронный. URL: <https://encyclopedia.cultural.kz/ru/veter/> (дата обращения: 20.03.2025).

165. Шигеев, В. Б. Судебно-медицинская оценка причин и условий возникновения холодовой травмы / В. Б. Шигеев, С. В. Шигеев // Судебно-медицинская экспертиза. – 2017. – Т. 60, № 3. – С. 42-49. – DOI 10.17116/sudmed201760342-49. – EDN YUBYZP.

166. Шишкоедов, П. Н. Общая психология / П. Н. Шишкоедов. – Текст: электронный. URL: <https://www.livelib.ru/work/1001833483-obschaya-psihologiya-pavel-nikolaevich-shishkoedov> (дата обращения: 25.03.2024).

167. Шлотгауер, Е. А. Вербализация и метафоризация тактильных коммуникативных сигналов в русском языке: комплексное описание: специальность 5.9.5 Русский язык. Языки народов России: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шлотгауэр Елена Александровна. – Москва: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2010. –191с.

168. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира / А. Д. Шмелев. – Воронеж: изд-во «Языки славянских культур», 2002. –224с.

169. Штерн, А. С. Введение в психологию / А. С. Штерн. – Текст: электронный. URL: <https://readly.ru/book/2797/reader/page-12> (дата обращения. 15.10.2024).

170. Шубина, А. О. Концепты художественной картины мира / А. О. Шубина // Рема. – 2009. – №4. – Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-hudozhestvennoy-kartiny-mira> (дата обращения: 25.04.2025).

171. Щербачук, Л. Ф. Отражение экстероцептивных ощущений в русской паремиологической картине мира / Л. Ф. Щербачук // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 года / Под общей редакцией А.Д. Петренко. Том 2. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022. – С. 413-420. – EDN LJCBCS.

172. Юсупова, Д. Д. Когнитивные аспекты лексико-синтаксической репрезентации концепта холод в романе А. Белого "Петербург" / Д. Д. Юсупова // Казанская наука. – 2019. – № 7. – С. 54-58. – EDN ILRQQM.

173. Якупова Л. Н. Лексико-семантическое поле слухового восприятия в башкирском языке: специальность 10.02.02 Языки народов РФ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Якупова Лилия Наиловна. – Уфа; Башкирский государственный университет, 2010. – 25с.

174. Ameka, F. K. “Hard sun, hot weather, skin pain” [Electronic resource] / F. K. Ameka. URL: https://www.researchgate.net/publication/300879813_Hard_sun_hot_weather_skin_pain (access date: 01.04.2025).

175. Arktinen osaaminen – näkökulmia liiketoiminnan kehittämiseen / H. Auvinen, K. Kolari, H. Koukkari, A. Kuusela-Lahtinen, J. Sassi, J. Törnqvist, I. Wahlgren, T. Alakunnas, A. Karjalainen, K. Ryynänen, Matti Vatanen, Mikko Vatanen. –Espoo: VVT. 2014. –242 p.

176. Bazarbaeva, A.M. Symbolism of Colours with Translation into Uzbek Language / A. M. Bazarbaeva // NovaInfo.Ru. –2023. –№ 139. –pp. 67 – 68.

177. Biro, D. Listening to pain: Finding words, compassion, and relief / D. Biro. – N.Y.: W.W. Norton and Company, 2010. –256 p.

178. Body Sensations Associated with Emotions in Rarámuri Indians, Rural Javanese, and Three Student Samples / S. M Breugelmans, Y. H. Poortinga, Z. Ambadar, B. Setiadi, P. Philippot, J. B. Vaca, W. Priyo // *Emotion*, 2005. –5 (2). – pp. 166–174.
179. Brosig, B. Temperature terms in Khalkha Mongolian / B. Brosig. In Maria Koptjevskaja-Tamm 'The Linguistics of Temperature' – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. –pp. 570-593.
180. Brykina M. Temperature in Nganasan / M. Brykina, V. Gusev. In Maria Koptjevskaja-Tamm 'The Linguistics of Temperature'. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. –pp. 537-569.
181. Chaley, O.V. Complex perception of taste sensations in literature discourse / O. V. Chaley // *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology"*. –2016, –№2 (22) [Electronic resource]. URL: <https://vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru/2021/09/02/complex-perception-of-taste-sensations-in-literature-discourse/?lang=en> (access date: 13.08.2024).
182. Cupchik, G.C. The Scent of Literature [Electronic resource] / G. C. Cupchik, K. Philips. URL: https://www.researchgate.net/publication/247496675_The_scent_of_literature (access date: 13. 07.2024).
183. Effects of Language on Visual Perception [Electronic resource] / G. Lupyan, R. A. Rahman, L. Boroditsky, A. Clark. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Effects-of-Language-on-Visual-Perception-Lupyan-Rahman/e0f63b82e97442ed1d078b104c> (access date: 05.01.2025).
184. François, A. Temperature Terms in Northern Vanuatu / A. François. In Maria Koptjevskaja-Tamm 'The Linguistics of Temperature'. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. –pp.832-857.
185. Franko, L. On Intensifiers and Categorical Shift: The Case of Temperature terms in Italian / L. Franko // *Working papers in Linguistics and Oriental studies*, 2022. –pp. 9-22.

186. Gould H.J. Understanding pain: what is it, why it happens, and how it is managed / H. J. Gould. –N.Y.: Demos Health, 2007. –152 p.
187. Guingery, V. Tasting with words in Ben Okri's the Famished Road and Chimamanda Ngozy Adichie's Half of a Yellow Sun / V. Guingery. Published in 'Literature and the Senses'. – 2023. – pp.320-339. DOI: 10.1093/oso/9780192843777.003.0018.
188. Halas Popović, A.V. Keep a cool head about this hot issue – the analysis of metaphorical senses in the semantic structure of adjectives from the domain of temperature in English and Serbian / A. V. Halas Popović // Philologist – journal of language, literary and cultural studies. –2022. –Vol 13. –No.26. –pp. 13-39.
189. Heasman, B. Do you see what I see? How language and culture shape visual perception [Electronic resource] / B. Heasman. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/psychologylse/2015/06/22/do-you-see-what-i-see-how-language-and-culture-shape-visual-perception/> (access date: 08. 06.2024).
190. Hurttä, H. Luojan, kiitos! [Electronic resource] / H. Hurttä. URL: [https://www.kotus.fi/nyt/kolumnit_artikkelit_ja_esitelmat/kieli-ikkuna_\(1996_2010\)/luoan_kiitos!](https://www.kotus.fi/nyt/kolumnit_artikkelit_ja_esitelmat/kieli-ikkuna_(1996_2010)/luoan_kiitos!) (access date: 08. 07.2024).
191. Hyttinen, H. Sininen sadisti saapui sittenkin. [Electronic resource] / H. Hyttinen. URL: <https://www.laitilansanomat.fi/2024/01/sininen-sadisti-saapui-sittenkin/> (access date: 08. 07.2024).
192. Jabber, K. W. A Study of Hot and Cold Metaphors in Iraqi Arabic / K. W. Jabber, H. T. J. Al-Saedi // Journal of Research and Innovation in Language. – 2020. –Vol. 2. –No. 2. –pp. 46-59.
193. Kartashkova, F.I. Colour Meaning in English Literature Pieces / F. I. Kartashkova, L. E. Belyaeva // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. –2022. –Vol 13. –№ 1. –pp. 201-212.
194. Khalid O. Smells like Teen Spirit: An Exploration of Sensorial Style in Literary Genres [Electronic resource] / O. Khalid, P. Srinivasan. – 2022. URL: <https://aclanthology.org/2022.coling-1.6.pdf> (access date: 07. 05.2024).

195. Kholkina, L. Approachoing perceptual adjectives: The case of 'heavy' [Electronic resource] / L. Kholkina, M. Kyuseva, D. Ryzhova. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1743523141&tld=ru&lang=en&name=The-case-of-heavy.pdf> (access date: 01.04.2025).
196. Kokoski C. How to Describe Being Cold in Writing [Electronic resource] / C. Kokoski. URL: <https://www.writingbeginner.com/how-to-describe-being-cold-in-writing/> (access date: 07. 05.2024).
197. Koptjevskaja-Tamm M. Linguistics of Temperature and Lexical Typology. In Maria Koptjevskaja-Tamm 'The Linguistics of Temperature'. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015 (A). –pp. 189-191.
198. Koptjevskaja-Tamm M. «Some like it hot». On the semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish [Electronic resource] / M. Koptjevskaja-Tamm, E. V. Rakhlina. 2015 (B). URL: https://www.academia.edu/104238136/_Some_like_it_hot_On_the_semantics_of_temperature_adjectives_in_Russian_and_Swedish_in_Russian_and_Swedish (access date: 05. 05.2024).
199. Koptjevskaja-Tamm, M. Talking About Temperature and Social Thermoregulation in the Languages of the World [Electronic resource] / M. Koptjevskaja-Tamm, D. Nikolaev. – 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/354353505_Talking_About_Temperature_and_Social_Thermoregulation_in_the_Languages_of_the_World (access date: 01.04.2025). DOI: 10.5334.irsp.410.
200. Kylmä ja kuuma ympäristö [Electronic resource] / J. Hassi, , T. Ikäheimo, S. Näyhä. URL: https://www.researchgate.net/publication/233895569_Kylma_ja_kuuma_ymparisto (access date: 08. 06.2024).
201. Le Guen, O. Temperature terms and their meaning in Yucatec, Maya, Mexico / O. Le Guen. In Maria Koptjevskaja-Tamm 'The Linguistics of Temperature'. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. – pp.744-777.

202. Lehrer A. Static and Dynamic Elements in Semantics Hot, Warm, Cool, Cold / A. Lehrer // Research on Language and Social Interaction. –2009. –Vol.3. –pp. 349-373.

203. Lehtonen, K. Haavan muotokuvat. [Electronic resource] / K. Lehtonen. URL: [https:// www.taidegraafikot.fi/nayttelyt/kati-lehtonen/](https://www.taidegraafikot.fi/nayttelyt/kati-lehtonen/) (access date: 05.05.2024).

204. Lockwood, H. “There is no thermostat in the forest” – the Ojibwe temperature term system / H. Lockwood, S. Vejdemo. In Maria Koptjevskaja-Tamm ‘The Linguistics of Temperature’. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. –pp. 709-729.

205. Majid, A. The Senses in Language and Culture / A. Majid, S.C. Levinson // Senses and Society. –2011. –Vol. 6. –pp. 5-18.

206. Mosina, N. M. Semantics of visual perception verbs in the Erzya-mordvin and Finnish languages / N. M. Mosina, N.V. Kazaeva // Ежегодник финно-угорских исследований. –2021. –№ 1. –С. 23-33.

207. Mullins, P. The Culture of Cold and Contentment. [Electronic resource] / P. Mullins. URL: <https://histarchfulbright.wordpress.com/2012/10/21/the-culture-of-cold-and-contentment/> (access date: 05. 10.2024).

208. Neubert, A. Translation as Text / A. Neubert, G. Shreve. — Kent, Ohio, The Kent State University Press, Translation Studies, 1992. –169 p.

209. Nikunlassi, A. Temperature adjectives in Finnish. [Electronic resource] / A. Nikunlassi, P. Juvonen. – 2015. URL: https://www.academia.edu/33568394/Temperature_Adjectives_in_Finnish_2015_ (access date: 05. 10.2023).

210. Norcliffe, E. Verbs of perception: A quantitative typological study [Electronic resource] / E. Norcliffe, A. Majid. URL: https://www.researchgate.net/publication/378959244_Verbs_of_Perception_A_Quantitative_Typological_Study (access date: 01.04.2025).

211. Ollonqvist, J. Mitä tulipalopakkanen tarkoittaa ja miksi lumi narskuu kenkien alla? [Electronic resource] / J. Ollonqvist. URL:

<https://listafriikki.com/yleistieto/mita-tulipalopakkanen-tarkoittaa/> (access date: 05.10.2023).

212. Pasaribu, T.A. Polysemy and Metaphorical Extensions of Temperature Terms: Warm and Cool / T. A. Pasaribu // Script Journal: Journal of Linguistic and English Teaching. –2019. –Vol. 4. –No. 2. –pp. 101-111.

213. Rezunova, M. V. A dictionary entry as a basic unit of lexicographic discourse / M. V. Rezunova // Филологический аспект. – 2018. – No. 1(33). – pp. 120-126. – EDN YODOYN.

214. Rindisbacher, H. The smell of books: a cultural-historical study of olfactory perception in literature. [Electronic resource] / H. Rindisbacher. URL: <https://archive.org/details/smellofbookscult0000rind> (access date: 05. 02.2024).

215. Roulon-Doko, P. Lexocalisation of temperature concepts in Gbaya (an Ugandan language of C.A.R.) / P. Roulon-Doko. In Maria Koptjevskaja-Tamm 'The Linguistics of Temperature'. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015 . –pp.128-150.

216. Salminen, A. Suomeen iskee jopa vaarallisen kylmä sää. [Electronic resource] / A. Salminen. URL: <https://www.iltalehti.fi/saauutiset/a/78a6651a-7b18-4ac2-b4af-0b25bfe70da1> (access date: 05. 12.2024).

217. Salmose, N. Sensorial Aesthetics: Cross-Modal Stylistics in Modernist Fiction [Electronic resource] / N. Salmose. URL: https://www.researchgate.net/publication/347158590_Sensorial_Aesthetics_Cross-Modal_Stylistics_in_Modernist_Fiction (access date: 08. 12.2024).

218. Schapper, A. Temperature terms in Kamang and Abui, two Papuan languages of Alor / A. Schapper. In Maria Koptjevskaja-Tamm 'The Linguistics of Temperature'. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. – pp. 858-885.

219. Sdobnikov, V.V. Strategy and Tactics of Translating Special Texts / V. V. Sdobnikov // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. –2012. –№ 6. –pp. 861-867.

220. Sherrington, Ch. S. The integrative action of the nervous system / Ch. S. Sherrington. –Liverpool; N.Y.: Charles Scribners' Sons, 1906. –412 p.
221. Shevchenko, E. Transaltion: The Puzzle of Colour / E. Shevchenko, I. Tomashevskaya // Slovo.ru: Baltic Accent. –2019. –№ 3. –pp. 105-113.
222. Shimotori, M. Big Adjective [Electronic resource] / M. Shimotori. URL: <https://www.metnetscandinavia.com/post/big-adjective> (access date: 01.04.2025).
223. Siahaan, P. Why is it not cool? Temperature terms in Indonesian / P. Siahaan. In Maria Koptjevskaja-Tamm 'The Linguistics of Temperature'. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. –pp. 666-699.
224. Snell-Hornby, M. Translation studies: An integrated approach / M. Snell- Hornby. — Revised Edition. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988 / 1995. –170 p.
225. Standard-arabic Culture - Hot Mood [Electronic resource]. URL: <https://polyglotclub.com/wiki/Language/Standard-arabic/Culture/Hot-Mood> (access date: 10. 12.2023).
226. Strik, L. Synaesthesia: A corpus-based study of cross-modal directionality / L. Strik. In R. Caballero and C. Paradis (Eds.) 'Functions of language, sensory perceptions in language and cognition'. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 69-95.
227. Sutrop, U. Basic temprature terms and subjective temperature terms [Electronic resource] / U. Sutrop. URL: https://www.researchgate.net/publication/351243493_Basic_temperature_terms_and_subjective_temperature_scale (access date: 01.04.2025).
228. Tanner, S. Jääkalloja ja pääkalloja [Electronic resource] / S. Tanner. URL: <https://kotus.fi/kolumni/jaakalloja-ja-paakalloja/> (access date: 08. 12.2024).
229. Taufiq, D. What Does Black and White Symbolize in Literature: Exploring the Powerful Meanings behind These Iconic Colours [Electronic resource] / D. Taufiq. URL: <https://edenbengals.com/what-does-black-and-white-symbolize-in-literature/> (access date: 08. 12.2024).

230. Tearle, O. The Curious Symbolism of the Colour White in Literature and Myth. [Electronic resource] / O. Tearle. URL: <https://interestingliterature.com/2021/04/colour-white-symbolism-in-literature-myth-analysis-meaning/#> (access date: 22. 12.2024).

231. Tries, Y. Perception verbs and taste adjectives in Kambaata and beyond [Electronic resource] / Y. Tries. URL: https://www.academia.edu/212015/Perception_verbs_and_taste_adjectives_in_Kambaata_and_beyond (access date: 01.04.2025).

232. Tuntuu kuin- hahmo kertoo pakkasen purevuudesta [Electronic resource]. URL: <https://www.ilmatiiteenlaitos.fi/tietoa-pakkasen-purevuudesta> (access date: 20. 03.2025).

233. Umirzokova, S.Z.K. Symbolism of Colours with Translation into Uzbek Language / S.Z.K. Umirzokova // NovaInfo.Ru. –2021. –№ 123. –pp. 29-30.

234. Uusküla, M. Transaltion of colour terms: an impirical-cognitive approach. [Electronic resource] / M. Uusküla. URL: https://www.academia.edu/28485683/Translation_of_colour_terms_an_empirical_cognitive_approach (access date: 22. 12.2024).

235. Valiuliené, E. Metaphoricity of perception adjectives: a transaltion perspective / E. Valiuliené // Studies about languages. –2024. –№ 45. –pp. 74-88.

236. Van Putten, S. Perception verbs and conceptualization of the senses: The case of Avatime [Electronic resource] / S. Van Putten. URL: https://www.researchgate.net/publication/332446595_Perception_verbs_and_the_conceptualization_of_the_senses_The_case_of_Avatime (access date: 01.04.2025).

237. Viberg, Å. Sensation, perception and cognition: Swedish in a typological-contrastive perspective [Electronic resource] / Å.Viberg. URL: https://www.researchgate.net/publication/275719839_Sensation_perception_and_cognition_Swedish_in_a_typological-contrastive_perspective (access date: 01.04.2025).

238. Western, P. Unlocking the Mystery: What Do Colors Symbolize in Literature [Electronic resource] / P. Western. URL: <https://coloringfile.com/what->

do-colors-symbolize-in-literature/?ysclid=lrhtu1sqfm52535550 (access date: 22.12.2024).

239. Winter, B. Sensory Linguistics: Language, Perception and Metaphor / B. Winter. – Amsterdam: John Benjamins. –2019. –400p.

240. Yehezkely, T. Airing Literature: Reading with the Sense of Smell [Electronic resource] / T. Yehezkely. URL: <https://arcade.stanford.edu/dibur/airing-literature-reading-sense-smell> (access date: 20.09.2024).

241. Zalevsky, H. Translation as Systemic Interaction: A New Perspective and a New Methodology / H. Zalevsky, I. Müller. – Berlin, DEU: Frank&Timme. – 2010. –366p.

Список лексикографических источников

1. Вахрос, И. Большой финско-русский словарь / И. Вахрос, А. Щербаков; под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало. – 4-е изд., стер. – Москва: Русский язык., 2001. –816 с.

2. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. – Текст: электронный. URL: <https://gufo.me/dict/mikhelson?ysclid=m7kervd6mf646725102> (дата обращения: 12.12.2024).

3. Даль, В.И. Пословицы русского народа. – Текст: электронный. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs (дата обращения 20.03.2025).

4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 томах: около 160 000 слов / Т. Ф. Ефремова. - Москва: АСТ, 2006.

5. Куусинен, М. Э. Новый большой русско-финский словарь: В 2-х томах. / М. Э. Куусинен, В. М. Оллыкайнен, Ю. Э. Сюръялайнен; под ред. М. Э. Куусинена –3-е изд., стер. –Москва: Живой язык., 2002. –1628с.

6. Морской энциклопедический справочник. – Текст: электронный.. URL: https://sea_enc_reference.academic.ru (дата обращения 12.12.2024).

7. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская и др.; под общ. рук. Ю. Д.

Апресьяна ; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Москва : Яз. славян. культуры, 2003. –1488с.

8. Психологический словарь. – Текст: электронный. URL: <https://www.b17.ru/dic/> (дата обращения 19.03.2025)

9. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус.яз.: Полиграфресурсы, 1999.

10. Толковый словарь Ушакова / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Текст: электронный. URL: <https://ushakovdictionary.ru/?ysclid=m930bf5vy732290194> (дата обращения 19.10.2024).

11. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. – Текст: электронный. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5429/%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B0%D1%82%D1%8C?ysclid=m1ujzhg6ii264175159> (дата обращения: 12.12.2024).

12. Уваров, Н. В. Энциклопедия народной мудрости. Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения / Н.В. Уваров. – М.: Мнфра-инженерия, 2009. –42 с.

13. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров, 2008. – Текст: электронный. URL: <https://gufo.me/dict/fedorov?ysclid=m7kg3cadhl683738114> (дата обращения 19.02.2024).

14. Фразеологизмы русского языка. – Текст: электронный. URL: https://orfogrammka.ru/%D1%88%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B8/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D1%8B_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0/?ysclid=ma10pj4kb9767019781 (дата обращения 20.03.2025).

15. Muikku-Werner, P. Suurella sydämellä ihan sikana. Suomen kielen kuvaikeva fraasisanakirja / P. Muikku-Werner, J. H. Jantunen, O. Kokko. – Jyväskylä. Gummerus Kustannus, 2008. –467s.
16. Nurmi, T. Suomen kielen sanakirja ulkomaalaisille. Jyväskylä. Gummerus Kustannus, 1999. –1237s.
17. Sananlaskut. Kolmas pinos. Vaasa, 1997. –598s.
18. Suomen kielen perussanakirja. 3 osaa. Helsinki. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1996. –2005s.
19. Suomisanakirja [Electronic resource]. URL: <https://www.suomisanakirja.fi> (access date: 19.09.2023)

Список источников примеров

1. Востоков, С. Остров, одетый в джерси / С. Востоков. –Москва: Время, 2007. –221с.
2. Дубас, А. Моменты счастья / А. Дубас. – Москва: Времена, 2016. – 414с.
3. Ликсом, Р. Купе № 6 / Р. Ликсом. –М.: Текст, 2015. –190 с.
4. Морозко. Русские народные сказки. –Рига: Импакт, 1993. –216 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 29.01.2023).
6. Топелиус, З. Сампо-лопаренок / З. Топелиус; перевод Л. Ю. Брауде; пересказ Ю. Копнина. – Текст: электронный. URL: <https://www.litres.ru/book/sakarias-topelius/sampo-loparenok-69757339/chitat-onlayn/> (дата обращения 18.12.2024).
7. Янссон, Т. Все о муми-троллях. В 2-х томах / Т. Янссон. – Санкт-Петербург: издательство «Азбука», 2022. –1008 с.
8. Шергин, Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания / Б. В. Шергин. –М.: Институт русской цивилизации, 2014. –704 с.
9. Ahola-Valo, A. Koulupojan päiväkirja / A. Ahola-Valo. –Jyväskylä. Gummerus, 1988. –306 s.

10. Foreca [Electronic resource]. URL: www.foreca.fi (access date: 07.07.2024).
11. Iltalehti [Electronic resource]. URL: www.iltalehti.fi (access date: 12.08.2023).
12. Liksom, R. Hytti nro 6 / R. Liksom. – Hämeenlinna. Kariston kirjapaino, 2011. –188 s.
13. Nurmi, M. Elin kuin viimeistä mökkipäivää [Electronic resource] / M. Nurmi. URL: <https://atmarias.indiedays.com/2019/10/04/elin-kuin-viimeista-mokkipaivaa-%E2%99%A5/> (дата обращения 12.12.2024).
14. Topelius, Z. Sampo Lappalainen / Z. Topelius; suomenos Irja Lappalainen. –Stockholm. Fripress Bokförlag, 1984.
15. University of Tampere, School of Language, Translation and Literary Studies (2017). ParFin 2016, Finnish-Russian Parallel Corpus of Literary Texts [text corpus]. Kielipankki. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2016121610>.